

UNIVERSITY OF HELSINKI

<https://helda.helsinki.fi>

Helda

Iz pisem Mikhaila i Ksenii Chekhovykh Zhorzhnet, Georgu, Alise
i Anne Boner (1931-1935)

Byckling, Liisa

2023-11-23

Byckling, L 2023, Iz pisem Mikhaila i Ksenii Chekhovykh Zhorzhnet, Georgu, Alise i Anne Boner (1931-1935). in V V Ivanov (ed.), Mnemozina. Vyp. 8. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. Red.-sost. V. V. Ivanov.. first edn, vol. 8, 7, The State Institute of Arts Research Moscow, Russian Federation, pp. 480-616 .

<http://hdl.handle.net/10138/589675>

---

acceptedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Mnemozina-8. Documents and facts from the history of Russian theatre in the XX century. (In Russian). State Institute of Arts Research. Edited and compiled by V. V. Ivanov. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2023. P. 480-616. Illustrated.

Letters from Mikhail and Ksenia Chekhov to Georgette, Georg, Alice and Anna Boner (1931-1935).

Liisa Byckling. Publication, Foreword and Commentaries.

Translation from German: O. V. Fedyanina and Z. V. Borozdinova.

Из писем Михаила и Ксении Чеховых Жоржет, Георгу, Алис и Анне Бонерам
(1931–1935)

Публикация, вступительная статья и комментарии

Лийсы Бюклинг

Пер. с немецкого О.В. Федяниной и З.В. Бороздиновой

В своих мемуарах «Жизнь и встречи» Михаил Чехов с нежностью и благодарностью вспоминает Жоржет Бонер, называя «ангелом-покровителем». В двухтомнике литературного наследства Чехова Бонер прокомментирована столь скупое, что превратилась в фигуру умолчания. Все это разжигало мой исследовательский азарт. Ведь уже с 1980-х годов я занималась исследованием эмигрантского периода в жизни Чехова. В результате многолетнего труда мною были опубликованы две книги, статьи и перевод на финский язык книги «О технике актера»¹.

Осенью 1986 года в Нью-Йорке у меня завязались первые контакты с учениками Англо-американской студии и Театра Чехова (1936–1942), со «старыми монументами», как они себя называли. В итоге, в 1986–1999 я взяла двадцать интервью у четырнадцати «старых монументов».

Особенно важной стала встреча с Хёрдом Хэтфилдом (1917–1998), который общался с Бонер в 1993 году. Именно он дал мне ее адрес в Цюрихе, но предупредил, что «она не хочет ни с кем встречаться», (может быть, возраст уже не позволял). Увлеченная шансом познакомиться с таким необыкновенным человеком, я не послушалась Хэтфилда и написала Бонер письмо. Узнав, что я готовлю диссертацию о Михаиле Чехове она предоставила мне возможность работать у нее дома. Дважды (1995, 1998) я занималась разбором писем у Жоржет Бонер в Цюрихе. Она делилась своим рукописным архивом, воспоминаниями о Чехове, о поездке в Америку (1935) и о многом другом.

В Швейцарии Бонер была известной художницей, автором множества книжных иллюстраций. На немецком языке Бонер опубликовала воспоминания, книги и статьи о театре и методе Чехова². Возможно, отчасти вдохновленная встречей с Хэтфилдом, Бонер в 1994 году выпустила книгу воспоминаний «Hommage an Michael Tschchow. Schauspieler und Regisseur». Хэтфилд рассказывал в предисловии к ее воспоминаниям, что, когда он студентом работал с Чеховым над английской рукописью книги о технике актера, тот рассказывал о сотрудничестве с Жоржет Бонер. Писал Хэтфилд и о встрече с Бонер: «Я был поражен ее глубоким пониманием гения Чехова и ее уникальной ролью сотрудника великого артиста. Она является последней живой свидетельницей многих чеховских ролей»³.

Бонер была интеллигентным, добрым и скромным человеком. Несмотря на свой преклонный возраст, она сохраняла острый ум и хорошую память. По вечерам к ней приходил родственник, доктор медицины Амброс Бонер, который поверил в серьезность моей работы, приходила подруга г-жа Фей Рошард, с которой Бонер переводила тексты Чехова на немецкий язык. Бонер показывала мне свои рисунки

и картины, подарила свои книги, а также и книгу своей сестры, художницы Алис Бонер.

Весной 1998 года, когда я собиралась снова в Цюрих, Бонер пригласила меня к себе домой, в маленькую комнату для гостей в большой квартире на Брейтингерштрассе, где я продолжила работу с ее архивом. Иногда мы выходили в ближайший парк на прогулку. Прощаясь, я не подозревала, что ей осталось жить недолго. Я переписывалась с Амбросом Бонером, и от него, ее наследника, я узнала о смерти Жоржет Бонер в больнице осенью 1998 года.

Когда Амброс Бонер привел архив Жоржет в порядок, он неожиданно решил послать письма Чехова мне, потому что, как он мне писал: «Вы единственный человек, которому интересны эти письма». Приношу Амбросу Бонеру искреннюю благодарность. Письма хранятся в моей коллекции в Хельсинки. Архив Жоржет Бонер хранится в Художественном музее Рибберг в Цюрихе. Письма Бонер Чехову обнаружить не удалось.

***

С отъездом из Советской России в 1928 году у Михаила и Ксении⁴ началась новая жизнь длиною более чем в четверть века. М.А. Чехов мечтал создать свой театр классического репертуара, чтобы выразить «высочайшие и сильнейшие импульсы души человеческой»⁵, а своей миссией считал следование методам Станиславского и развитие собственных идей. И поскольку его эстетическая и этическая платформа оказалась в то время в Москве не ко двору, «опытным полем» чеховского метода стала студийная работа сначала в Берлине, где Чехов играл на немецком языке в театрах Макса Рейнхардта (1928–1930), а затем (1930–1931) – в Париже. Потом Чехов работал в театрах Латвии и Литвы (1932–1934), гастролировал с русской труппой в

Париже, Брюсселе и США (1935), возглавлял театральную студию в Англии (1936–1938). С 1939 он жил и работал в США⁶.

В новую жизнь Чехов взял из прежней роли, спектакли, а также творческие идеи. На какой-то срок он соединялся и расставался с друзьями и коллегами по московской жизни. Но возникали новые друзья, единомышленники, коллеги. Одной из наименее известных страниц его жизни стала многолетняя дружба с Жоржет Бонер.

Жоржет Бонер (1903–1998) – младшая из трех дочерей Георга Бонера, инженера-промышленника, крупного швейцарского предпринимателя и миллионера, и Алисы Браун-Бонер. Бонер окончила Цюрихский университет со степенью доктора литературы, тема ее диссертации – «Женские образы в драматургии Артура Шницлера» (1930). Она занималась на режиссерских курсах Макса Рейнхардта; стажировалась у Фердинанда Грегори. Мать Бонер умерла в 1920 году, и отец, отойдя от дел, поселился в Париже. Жоржет переехала к нему. С ними жила и Алис – сестра Жоржет, старше ее на 13 лет, художница.

К моменту знакомства с Чеховым Бонер уже имела некоторый опыт работы в театре. Она была ассистентом Жоржа Питоева в работе над постановкой пьесы Ф. Брукнера «Преступники». В 1931 году она поставила два спектакля – «Болезнь молодости» Ф. Брукнера и «Комедию слов» А. Шницлера на немецкой труппой, выступавшей на подмостках Студии Елисейских полей. Далее было сотрудничество с Чеховым, книжная иллюстрация, выставки, постановки в университетских театрах, многочисленные поездки по Европе и в Индию.

Михаил Чехов и Жоржет Бонер познакомились 17 июня 1931 года в Париже. Их объединила не только глубокая симпатия, но и общие творческие интересы. Переписка началась в июле 1931 года в

Париже и продолжалась до 1940 года, вплоть до начала Второй мировой войны. После войны возобновилась и не прекращалась до 1951 года. Дружеские отношения известного мэтра и молодого режиссера, их письма, совместная работа над спектаклем в Париже и над рукописью книги об актерском искусстве, попытки эмигранта найти свое место в серьезно меняющейся политической и культурной ситуации Европы, планы создания Камерного театра, работы в кино, поездки в Германии, Италии и США – любопытная страница театральной истории Русского зарубежья. В Западной Европе и Америке у Чехова было много друзей и поклонников в писательской и актерской среде, и в среде антропософов, но письма актера к ним не сохранились. Поэтому уникальным является корпус его писем к Жоржет Бонер.

Когда в 1930 году Чехов принял решение уехать из Берлина, тому были разные причины – и личные, и политические, – в частности, неудовлетворенность немецким театром и усиливающееся в Германии влияние фашистской партии. Париж, центр и европейской, и русской эмигрантской культуры, представлялся ему театральной Меккой, которая откроет простор созданию нового театра. Итак, Чехов с женой и друзьями-актерами (это были Виктор Громов, его жена Александра Давыдова⁷, Алексей Бондырев с семьей⁸) приехали в Париж 15 октября 1930 года. В новом театральном проекте самоотверженную поддержку Чехову оказала Маргарит Моргенштерн⁹ – вдова известного немецкого поэта Христиана Моргенштерна, с которой Чехов был дружен с конца 1920-х.

Приезд Чехова в Париж совпал с начавшимся мировым экономическим кризисом. В 1930–1931 годах существование многих французских театров оказалось под угрозой. Первый год Чехов

занимался поиском спонсоров, или, как он говорил, «деньгодавцев». Актера знакомили с возможными меценатами, но денег найти не удалось.

Имя Михаила Чехова было притягательно: за ним закрепились и репутация выдающегося русского артиста, и слава русского идеалиста в изгнании. Он собрал труппу русских актеров и объявил набор в театральную школу-студию. 3 февраля 1931 года в Париже было создано Общество друзей Театра Чехова. В его почетный комитет вошли С.В. Рахманинов, режиссеры Ф. Жемье, М. Рейнхардт, М. Моргенштерн, художник В.Н. Масютин. Моральная поддержка была обеспечена, не так просто обстояли дела с финансовой частью. Общество разослало извещение о Театре Чехова «видным членам русской колонии», но поступило только 250 франков – от семейства Высоцких¹⁰, богатых русских чаеоторговцев. Зимой 1930–1931 годов обсуждались также планы парижско-пражской антрепризы Чехова – при поддержке Чехословацкого правительства.

Чехов пытался выйти за рамки эмигрантского театра. Его вдохновляла миссия артиста МХТ на Западе, и он пытался воплотить в жизнь свои представления о духовном искусстве, которое оставило бы в душах людей более глубокий след, чем те развлекательные спектакли, что он видел на Западе.

Свою театральную идеологию Чехов неоднократно декларировал и устно, и в печати. На первом месте в репертуарных планах Чехова была постановка народной сказки об Иван-царевиче. Предполагалось, что это будет спектакль, в котором гармонично сочетаются жест и слово, где большое значение придается ритму, цвету, декорациям¹¹.

Зима и весна 1931 года проходили в мечтах о новом театре, в студийных занятиях, спектаклях старого репертуара. Целью первой

антрепризы Чехова было собрать сумму, необходимую для организации нового дела. 19 мая 1931 года начались репетиции в театре «Ателье», который удалось арендовать благодаря знакомству Чехова с членами группы «Картель»¹². В чеховской труппе было несколько опытных актеров, бывших мхатовцев, – Н.П. Асланов, А.П. Бондырев и М.А. Крыжановская, московские ученики Чехова – В.А. Громов и А.Д. Давыдова, а также новые – из недавно открытой в Париже студии, всего 17 человек¹³. В своих воспоминаниях Чехов пишет, что испытывал недостаток в талантливых исполнителях. Сын Станиславского И.К. Алексеев, который тогда жил в Париже, быстро вошел в окружение Чехова. Он исполнил роль придворного в «Гамлете», поставленном в чеховском театре, постоянно присутствовал на репетициях других его спектаклей и сообщал родителям в Москву о положении дел. Алексеев ужаснулся короткому репетиционному периоду, о чем написал матери в Москву: «Конечно, это страшная халтура, но у него нет денег (не для себя, для дела), и он думает заработать их своим выступлением»¹⁴.

1–21 июня 1931 года Театр Чехова показал в помещении театра «Ателье» серию спектаклей с участием самого Чехова. Это были «Эрик XIV» А. Стриндберга, «Потоп» Х. Бергера, «Двенадцатая ночь» и «Гамлет» У. Шекспира и инсценированные рассказы А.П. Чехова. Спектакли чеховской труппы собирали всех видных представителей русской эмиграции. В русской прессе писали о большом художественном наслаждении, которое доставила парижским зрителям актерская работа Чехова. По общему мнению, была очевидна эволюция его мастерства за время, прошедшее с той дореволюционной поры, когда многие зрители видели его в последний раз. Это мнение разделил и Владислав Ходасевич, написавший серию рецензий о спектаклях Театра Чехова. В самом Чехове Ходасевич видел артиста, сочетающего большой талант с

высоким мастерством: «Его исполнение с начала до конца наполнено сценическим содержанием, каждая фраза интонационно свежа и продумана глубоко, каждый жест не только сопровождает речь, но ее дополняет, а иногда и говорит больше, нежели она сама»¹⁵.

По мнению Ходасевича, Чехов, стремившийся к равновесию режиссуры и актерского искусства, в самом себе совмещал оба начала. Но в спектакле «Эрик XIV» равновесия не получилось, потому что не удалось создать труппу. «Найдет ли он в эмиграции надлежащий материал? Вот в чем главный вопрос и главная опасность для его дела», – заключал критик¹⁶. На его взгляд, Чехов был еще гастролером в собственном театре.

Театр Чехова сравнивали с самым знаменитым русским зарубежным театром – Пражской группой МХТ, причем в пользу первого. «Несмотря на сыгранность и гармоническую целостность былых выступлений “пражан”, им все же не удавалось <...> доходить до сердца публики, как это удалось теперь театру Чехова, который к тому же был вовсе не силен своим ансамблем и целостностью своих постановок», – писал журнал «Мир и Искусство», опубликовавший множество материалов и рецензий на спектакли Чехова¹⁷. Причина в самом Чехове, потому что «театр живет личностью актера». Его воспринимали как лучшего представителя русской школы: «Чехов актер того же калибра и размаха, что и Станиславский, и на это-то явление и ответила инстинктивно публика, приняв театр Михаила Чехова...»¹⁸.

Несмотря на многочисленные комплименты в свой адрес, Чехов, стремившийся к театру ансамбля, не был удовлетворен результатом гастролей. К тому же гастроли не только не принесли ожидаемых доходов, необходимых для создания нового театра, но, напротив, еще и увеличили долги Чехова. Он чувствовал

ответственность за свою труппу¹⁹. Будущее выглядело неопределенным.

Именно в это время, по всей вероятности, по инициативе русских друзей Чехова, произошла встреча Чехова с Жоржет Бонер. В письмах Чехова упоминается о его знакомстве с семейством Высоцких, к которому принадлежали М.О. и М.С. Цетлины²⁰. Он посещал салон Цетлиных, где перебивал весь русский литературно-музыкальный и политический Париж. Как вспоминала Бонер, они с Михаилом Чеховым встретились в Париже 17 июня 1931 года в доме Высоцких²¹, своеобразном центре русской эмиграции. Через 60 с лишним лет, в апреле 1995 года в Цюрихе, Бонер так рассказывала мне о первой встрече с Чеховым: «Наша общая знакомая Каринская²², художница по костюмам, познакомила нас, так как она нашла в наших постановках что-то общее. Мы встретились вдвоем, ели клубнику, беседовали». Чехов пригласил ее на репетицию «Эрика XIV», и дальше Бонер приходила на каждый спектакль Театра Чехова. Много лет спустя в очерках о Чехове²³ она дала тонкий анализ его ролей, сыгранных в Париже и в Риге.

Чехова в Бонер привлекли ее интеллигентность, тонкость, глубокое знание литературы и философии. Чехов создает портрет Жоржет Бонер, опуская некоторые факты и смешивая даты и места. Он рассказывает о ней в воспоминаниях, правда, не в главе о Париже (1931), а в главе о последних месяцах в Латвии весной 1934 года, во время своей болезни: «Но вот, неожиданно, пришло облегчение: у меня появилась слушательница. Молодая, очаровательная девушка, Жоржет Бонер. Она была подругой моей жены и приехала из Парижа, чтобы провести с нами лето. Это была особенная девушка и особенная слушательница. Во-первых, она была доктором философии и автором аналитического труда о творчестве Артура

Шницлера. Во-вторых, несмотря на свою ученость, она была талантлива, остроумна и обладала богатой, живой фантазией. В-третьих, Жоржет была так же проста и сговорчива в жизни, как сложна и упряма в своих философских трудах и беседах. Ей, этой милой и красивой Жоржет, я и рассказывал мою сложную теорию ритма и композиции в применении к театру. Но для нее мои мысли не были сложными. Напротив, своими вопросами, советами и рассуждениями она возносила меня на такие философские высоты или загоняла в такие тупики новейшей психологии, что я уже начал побаиваться: уж не слишком ли простоваты мои измышления?»

Как уже упоминалось, весной 1931 года Бонер сама ставила два спектакля с немецкой труппой в Париже. Они были высоко оценены немецкой и французской прессой. По странному стечению обстоятельств, на следующий день после состоявшегося знакомства имя Бонер оказалось рядом с именем Чехова в рецензии, опубликованной в газете «L'Avenir»²⁴. Режиссер Люнье-По считал, что русский театральный мир, столь непохожий на другие, всегда интересен любителю театра. Чехова сравнивали и со Станиславским, и с Мейерхольдом. В постановке «Эрик XIV» замысел драматурга был принесен в жертву свободе выражения; переделывая текст, Чехов «дополнил безумие безумием», но все-таки сохранил сюжетную нить. Правда, он полагал, что Чехов попал под влияние немецкого театра, столь чуждое французскому чувству меры и вкуса. В качестве поучительного примера «благоразумия» приводился спектакль по пьесе Шницлера, поставленный немецкой труппой. В нем было показано «комедиантство безумия». Этот «потрясающий» спектакль был поставлен Жоржет Бонер.

О появлении Бонер в жизни Чехова эмоционально рассказала в своих воспоминаниях актриса его театра Александра Громова-

Давыдова. «Это было похоже на сон! – восклицала она. Только с Чеховым могли происходить такие сны в жизни и, как мы знаем, происходили и в дальнейшем <...>». Когда на квартире Чехова появилась Бонер и ей рассказали о театральных мечтах Чехова, то «Жоржет сразу же попросила разрешения бывать на репетициях Чехова и при этом сказала, что материальный вопрос не должен волновать Михаила Александровича». Подобный «сон» через несколько лет повторится в Англии, где Чехов откроет Театр-студию в Дартингтоне в имении американской миллионерши Дороти Элмхерст и ее мужа. Громова-Давыдова замечает: «Возле Чехова всегда оказывались люди, которые его обожали»²⁵.

Бонер определила их отношения так: «Миша был мастером, а я ученицей»²⁶. Как вспоминала впоследствии Бонер, лучше узнавая друг друга, они находили все больше общего и тогда решили начать сотрудничество.

В конце июня 1931 года Чехов уехал отдыхать на воды и лечить голосовые связки, июль он провел в Бурбуле (термальный курорт во Франции), несколько дней гостил на даче у Рахманинова в Клерфонтене. В отсутствие Чехова Бонер активно взялась за подготовку условий, необходимых для деятельности нового театра, вместе с Грозовым они занялись поисками театрального помещения. Громов уже сообщил Чехову о том, как он с «бесконечно любезной» Жоржет осмотрел несколько театральных помещений в Париже и что теперь она предлагает планы для будущего театра. В скором времени театральный проект Чехова были финансированы Жоржет и Георгом Бонером. Об этом и о многом другом, что было важно им обоим и определяло их отношения, читаем в первом из сохранившихся писем Чехова к Бонер от 25 июля 1931 года (видимо, из Бурбуля). Из письма видно, что между корреспондентами уже сложились дружеские отношения. Чехов прозорливо определяет

своеобразие Жоржет не только по ее поведению, но и по ее почерку (он занимался графологией, и это вместе с наблюдениями о ее характере – дало повод для следующих замечаний Чехова): «Вы – подросток, очень-очень умный, хороший, глубокий, глубоко и тонко чувствующий подросток».

Когда через год Чехова и Бонер сблизила новая работа над рукописью книги, письма Чехова стали еще более сердечными. Бонер рассказывала мне в апреле 1995 года, что Чехов засыпал ее то шутивными и «любовными», то серьезными письмами. Она же в ответ писала самые обыкновенные, так как не умела настроиться на его шутивный тон. Разницы в возрасте она не ощущала, а Чехов считал ее ребенком. Так возникли в чеховских письмах ласковые обращения «доченька», себя же он называл «отец 2-й» или «астральный отец» (не без намека на учение Штайнера об астральном, потустороннем мире).

По игривому, едва ли не интимному тону некоторых писем можно было бы предположить, что их связывали не только деловые и дружеские отношения. Но тот факт, что Жоржет была лесбиянкой, гарантировал целомудрие их связи. Чехов подружился и с ее партнершей, Элен Бордолло.

Нельзя сказать, что взгляды корреспондентов во всем совпадали. Но это не мешало затрагивать в письмах важные для Чехова темы философии и искусства, которые будут занимать его и в последующие годы. Член Русского Антропософского Общества (РАО) с начала 1920-х годов²⁷, Чехов увлекался взглядами Рудольфа Штайнера на драматическое искусство, отчасти на основе этих идей у него возникают замыслы некоторых спектаклей²⁸. По рекомендации Чехова Бонер взялась за книги по антропософии. Он писал о большой радости, которую ему доставляли беседы об антропософии с Бонер в Париже. Неизвестно, в каком ракурсе

происходили эти беседы, так как Бонер не смогла принять учения Штайнера, но это не помешало дальнейшей совместной работе над книгой об актерском искусстве. Она, видимо, сумела откликнуться на одну из любимых тем Чехова – духовные поиски человека вне традиционной религиозной веры.

Чехов в ту пору интересовался ритмическими формами искусства, особенно восточным танцем и музыкой. Одно из самых сильных художественных впечатлений он получил от выступления труппы индийских артистов Удая Шанкара²⁹, которые проходили в Париже в мае-июне 1931 года³⁰. Любопытно, что эти гастроли в Париже и в европейских странах стали возможны благодаря финансовой помощи старшей сестры Жоржет – Алис Бонер (1889–1981). Естественно, что индийское искусство стало одной из тем его писем. Первое письмо заканчивается извинением «за плохой немецкий язык». Следует заметить, что немецкий язык Чехова вполне выражал его мысли и юмор. Бонер считала, что Чехов хорошо владел немецким.

В августе – сентябре 1931 года Чехов снял виллу в городке Гитранкур под Парижем, где его труппа занималась тренингом и репетировала.

Уже 19 августа 1931 года Чехов писал молодому актеру Альфреду Бергстрему³¹ в Ригу, приглашая его в свою труппу: «Мои старания по созданию театра в Париже завершились наконец некоторым успехом. <...> В моем распоряжении есть театр и средства на первую постановку. <...> Методы у нас новые, и придется, как я Вам говорил в Риге, учиться»³². Были продолжены московские опыты разработки ритма актерской игры.

Благодаря помощи Бонер Театр Чехова мог продолжить свою деятельность. В августе Бонер удалось взять в аренду театр «Авеню»

(Theatre de L'Avenue), а также она ассигновала деньги на постановку (в виде долга, который Чехов обязался оплатить). Как это было, приходится устанавливать по косвенным источникам – из писем Чехова другим адресатам. Бонер умолчала о своей финансовой помощи: ни тогда, ни впоследствии она не любила говорить о ней. В последний год своей жизни она даже изъяла из папки чеховских писем некоторые из тех, в которых говорилось о финансах.

Бонер стала не только спонсором Театра Чехова, но и помощником режиссера, ее фамилия стояла на афише рядом с именами Чехова и Громова. В августе она приехала в Гитранкур, чтобы обсуждать рабочие планы. В ее архиве сохранились фотографии занятий и репетиций пантомимы³³. Чехову очень пригодились знания Бонер в области литературы и фольклора.

Заклучив контракты с актерами, Чехов начал развивать замысел оформления. Были приглашены композитор и художник. Еще в начале 1931 года Чехов обратился к Владимиру Бютцову³⁴ – русскому эмигранту, который сочинял музыку для кино. Подразумевалось участие композитора в репетициях, так как музыка сопровождала действие. По договору за музыку к спектаклю Бютцов получил 8 тысяч франков. Пятеро музыкантов получали по 5 тысяч франков в месяц. В.Н. Масютин³⁵, специально приглашенный из Берлина еще осенью 1930 года, готовил сложные декорации к спектаклям. Театр Михаила Чехова, точнее «Театр Чехова, Бонер и К^о» юридически был основан 24 октября 1931 года. Из сохранившейся в архиве Бонер газетной вырезки следует, что театр имел капитал в 20 тысяч франков. Капитал вложили Чехов, Бонер и ее подруга Элен Бордолло, секретарь Чехова. Одновременно готовились постановки «Дон Кихот» и «Дворец пробуждается». Первая из них не осуществилась, и это говорит о том, что

спонсорская помощь все же не была безграничной. Работа над «Дон Кихотом» была доведена до создания макета декораций, а с актерами – до конкретной разметки отдельных картин. Но смета за декорации превысила финансовые возможности Чехова. Просили денег у Ротшильда, но он отказал³⁶. Вспоминая этот период, Чехов, вероятно по желанию Бонер, не упоминает о ее денежной поддержке. Чехов пишет о денежной помощи Жоржет Бонер только в латвийской главе мемуаров «Жизнь и встречи», и тогда только в скобках: «(Между прочим, Жоржет была тем ангелом-покровителем, с которым познакомили меня в Париже Высоцкие. Это она дала мне возможность осуществить постановку пантомимы, так печально окончившуюся для нас обоих)»³⁷.

Рассказывая мне о том времени, Бонер подтвердила, что «Дон Кихот» был отложен – из-за дороговизны декораций и костюмов. Чехов очень хотел поставить этот спектакль, но помимо того, что постановка была слишком дорогой, для нее нужно было найти больше талантливых исполнителей и долго репетировать. «Чехов был всегда очень щепетилен в денежных делах, он не хотел просить больше, чем было оговорено, – вспоминала она в 1995 году – “Дон Кихот” был бы чудесной постановкой! Теперь я очень жалею, что мы не могли поставить его»³⁸. Макет декораций «Дон Кихота» долго сохранялся у Жоржет Бонер, пока по просьбе Масютина не был возвращен ему для выставки.

Склонный к театральным манифестам, Чехов перед премьерой спектакля «Дворец пробуждается» разослал критикам пояснение, которое было опубликовано в прессе. В журнале «Comœdia» Чехов рассказывал о новой концепции интернационального театра. Он жалел о том, что драматическое произведение непереводаемо, и продолжал: «Этот герметизм всегда оказывал на меня парализующее

воздействие, он словно ложился тяжелой плитой на всех, кто пытался интерпретировать культуры разных языков»³⁹. Искусство оперы, сочетающее слово с музыкой, дало ему идею, как обойтись без слов, оставляя их лишь для кульминационных точек драмы, там, где других экспрессивных средств недостаточно. Для реализации первого ритмизированного спектакля Чехов выбрал сказку, потому что несметные богатства этого жанра, существующего у каждого народа на протяжении веков, представляются абсолютно естественными для обновления театра.

Премьера состоялась 10 ноября⁴⁰. На ней собралось много русских, всюду в театре звучала русская речь. Присутствовали видные представители русской эмиграции, среди них А.Н. Бенуа, С.М. Волконский, С. Лифарь, П.В. Сувчинский, С.К. Маковский, А.М. Ремизов. На премьере было много критиков и журналистов – рецензенты из почти двадцати французских газет и журналов и некоторых немецких и англоязычных.

Разногласия критических отзывов и частных мнений была огромной. Русские критики пользовались случаем, чтобы поставить под сомнение творческие принципы и практику Театра Чехова. Самую идею Чехова о создании невербального интернационального театра единодушно считали ошибочной.

Сказка «Дворец пробуждается» была показана только два раза. Спектакли, объявленные по 24 ноября включительно, из-за отсутствия сборов снимались. Театр Чехова обратился к другому репертуару. 20–27 и 29 ноября прошел вечер инсценированных рассказов Антона Чехова. «Потоп» Х. Бергера, поставленный по мотивам вахтанговского спектакля 1915 года, играли с 26 ноября по 7 декабря. С 6 по 15 декабря – новая серия миниатюр А.П. Чехова. 18

декабря был литературный вечер с участием Чехова, Крыжановской и Давыдовой.

Так закончился парижский сезон Театра Чехова, и труппа была распущена. Постановка обошлась слишком дорого, так что Чехов не только не получил прибыли, а, наоборот, опять оказался в долгах. Об этом вспоминала Давыдова:

«Жоржета, бескорыстная Жоржета, по характеру своему больше похожая на русскую девушку, чем на швейцарскую миллионершу, терпела убытки. У нас в сердце была тоска – мы прекрасно понимали, что русский театр Парижу не нужен. Новая форма – пантомима с русским народным сюжетом – французам непонятна. Жоржета, любившая искусство, имевшая машину| “Роллс-Ройс”, но принципиально ездившая в метро, эта демократическая миллионерша только тратила большие деньги, и нам это было тяжело, неприятно...»⁴¹. В письмах начала 1930-х годов Чехов будет часто вспоминать провал сказки и расходы, понесенные Бонерами. (Часть долга третьим лицам Чехов все-таки заплатил им; остальная часть долга была погашена Бонерами.) «Театр д'Авеню», где Театр Чехова выступал, становится символом его неудачи и моральной вины перед Бонер.

Но неудача эксперимента не развела Чехова с Бонер и другими единомышленниками. Они проявляли полное понимание чеховских стремлений. По мнению Бонер, именно этот спектакль яснее всего указал путь в будущее⁴².

Результатом парижского урока был отказ Чехова от «донкихотства». И.К. Алексеев в письме Станиславскому: «На Париж он больше не рассчитывает и хочет начинать теперь не с больших постановок, а с маленького дела, со студии. Он говорит, что

ты ему так и советовал всегда, но он тебя не послушался и набил себе шишку на лоб»⁴³.

Эксперимент Чехова стоял вне магистрального пути психологического театра, столь блестяще показанного МХТ на гастролях в начале 1920-х. Антуан, подводя итоги в рецензии на постановку Чехова, резко отметил: «Все, что могло прийти к нам из России, было принесено Станиславским и его труппой»⁴⁴. Эту фразу и подобные же высказывания русских рецензентов Чехов с горечью упоминает впоследствии: «Зачем же, в самом деле, я всю жизнь свою провел в Художественном театре и как осмелился “искать”, когда все уже найдено!»⁴⁵ Только ставшее легендой имя Станиславского могло привести в волнение французскую театральную общественность. Постановка «Дворец пробуждается» осталась в памяти Чехова как самый горький опыт из его зарубежных экспериментов. Но из этого опыта он сумел сделать нужные выводы⁴⁶.

Что же касается воспоминаний Чехова о его жизни в Париже⁴⁷, тут необходимо внести коррективы, так как в них вымысел преобладает над реальностью. Чехов создавал миф о себе – бедном артисте, жившем в подвальных квартирах, а о своих актерских триумфах умалчивал. Впрочем, смешав даты и факты, он точно выразил самоощущение. Вспоминая последние парижские месяцы, Чехов дает скорее фантастическую, чем реалистическую картину: «Я уже давно жил на Монмартре. Моя дешевая квартира сменилась дешевой комнатой на грязной шумной улице, пропитанной запахом рынка и мясных лавок»⁴⁸.

На самом деле Чехов с Ксенией поселились у Георга Бонера, отца Жоржет, в их большой квартире в респектабельном 16-м районе. «Сам Миша живет с Ксенией Карловной у своего мецената (швейцарцы)», – сообщал И.К. Алексеев Станиславскому⁴⁹. Чеховы

снова жили у семейства Бонер в 1934–1935 годах. В последующие годы Чехов в письмах к Жоржет неоднократно вспоминал эту квартиру и «свою комнату» в красивом месте на площади Ламартен. Последние два месяца парижской жизни Чехова и его жена провели не только в комфорте (квартиру обслуживали повар и шофер), но и среди заинтересованных людей. Несмотря на все пережитое, дружба с Жоржет Бонер углубилась, а ее отцу, который интересовался искусством и собирал картины, общение с Чеховым открыло много нового. Об этом рассказывала мне Бонер.

Георга Бонера Чехов ласково называет в письмах «графом Орсино», богатым, великодушным и страстным персонажем «Двенадцатой ночи», [вроде Орсино герцог](#) а Жоржет станет его «любимой дочкой» – он сам назначил себя ее «отцом-2». [повтор](#)

Через год с небольшим Чехов писал из Риги Мейерхольду, объясняя причины своего отказа от приглашения приехать в Москву, тем, что его не отпускали «вещи и обстоятельства, собственно, мелкого свойства». Одно из них – долги своим меценатам Бонер и Моргенштерн (Чехов умолчал о настоящих причинах, связанных с гонением антропософов и идеологическим давлением). Положение вещей он описывает следующим образом:

«Я затеял в Париже театр и так переновествовал, что перепугал зрителей всякого рода. Зрители обиделись, ничего не поняв (и понять было, пожалуй, трудновато – уж очень я навалился сразу), «покрыли» меня с головой, быстро съели и стали еще крепче в своих убеждениях. Меня они, правда, не переубедили (доводов-то у них и не было никаких), но возможности выплатить долги – они меня лишили. (Должен я одной чудесной девушке <Ж. Бонер> в Париже и одной почтенной даме в Германии <М. Моргенштерн>. Обе эти иностранки очень любят наше русское искусство и с

большой сердечностью отнеслись к моим начинаниям. Тем более – значит!) Вот я теперь и выплачиваю»⁵⁰.

Подводя итоги парижского эксперимента, Чехов писал: «Что я потерял в Париже? Деньги и излишнее честолюбие. Что приобрел? Некоторую способность самокритики и склонность к обдуманым действиям»⁵¹. Тем не менее он сделал выводы для развития своего актерского метода: «Но все же кое-какие художественные цели, намеченные мной, осуществить удалось. <...> Русский театр за рубежом, как я представлял его себе, должен был сказать хотя бы и скромное, но все же свое, новое, слово»⁵². Многолетний театральный опыт складывался в сознании Чехова в систему, которая, как ему казалось, была верной и правдивой.

Приняв приглашение на актерскую и режиссерскую работу от директора Национального театра Латвии Артура Берзиня и директора Театра русской драмы А.И. Гришина, 28 февраля 1932 года Михаил Чехов с женой переехали в Ригу⁵³. Официальное приглашение от театра было необходимо, чтобы они, советские граждане, могли получить вид на жительство в Латвии. Вместе с ними в Ригу приехали В.А. Громов и А.Д. Давыдова.

В течение 1932 года он поставил в Риге пять спектаклей, участвуя в них и как актер: три спектакля в Латвийском национальном театре (совместно с Громовым и актером Я. Зариньшем) и два – в Театре русской драмы.

Несмотря на прекрасные отзывы, Чехов убедился, что работа в Театре русской драмы не может удовлетворить его. Лестное предложение работать педагогом и директором этой труппы его не привлекло. Он стремился дальше на Запад, но его беспокоила мысль о трудоустройстве Громова.

В 1932–1934 годы Громов работал ассистентом Чехова в рижских театрах и на курсах актерского мастерства, был отмечен

критикой как актер-партнер Чехова. Затем Громову удалось сделать ряд самостоятельных режиссерских работ в Национальной опере Латвии и в Государственном театре Литвы. С Чеховым он преподавал на актерских курсах в Риге и Каунасе и в Театральной студии Елгавы. В 1934 году они с женой вернулись в Россию.

Письма Чехова были полны намеков и надежд на дальнейшее сотрудничество с Бонер. Чехова можно понять: находясь в неопределенной ситуации эмигранта (или человека «с Востока», как он себя называл), он хотел оставить все двери открытыми. Планы создания студийного театра в сотрудничестве с Бонер, их совместная работа «на Западе» (возможно, в Швейцарии) будут обсуждаться и в следующих письмах.

У Чехова оставались денежные обязательства. Несмотря на большую нагрузку в двух театрах, Чехов долго не мог выплатить долг Жоржет и ее отцу.

Чехов завязал контакт с бывшим актером МХАТа Второго, директором Литовского государственного театра в Каунасе (тогдашней столице Литвы) А.М. Жилинским⁵⁴.

В конце мая – начале июня 1932 года Чехов гастролирует в Каунасе по приглашению Жилинского. Актер выступает в Государственном театре в инсценировках рассказов А.П. Чехова «Ведьма», «Жених и папенька», «Забыл!» (30 и 3 мая и 4 июня); в роли Фрезера в «Потопе» Бергера (3 и 5 июня). На спектакле, прошедшем с огромным успехом, присутствовали президент Антанас Сметона с супругой, многие министры и видные политические и общественные деятели. Писатель Балис Сруога назвал Чехова одним из самых выдающихся актеров и режиссеров своего времени. «Некоторые его считают даже гениальным», – писал он⁵⁵. Литовские гастроли дали возможность оплатить часть долгов, и 5 тысяч франков были отправлены Георгу Бонеру в Париж.

Чехов продолжает вынашивать проект театра-студии с Бонер. Любопытно, что, пока Чехов в мечтах задумывает немецко-швейцарскую школу, в реальной жизни он получает приглашение на работу в Театральную школу при Союзе латышских актеров. Такое же приглашение на педагогическую работу Чехов получил и в Каунасе. Жизнь Чехов раздвоилась между мечтами и действительностью. Одновременно началась серьезная работа над книгой об актерском искусстве.

Чехов пригласил Жоржет летом во время отпуска в Латвию. В конце июня Бонер приехала на длительный срок – четыре месяца, планируя принять участие в литературной работе Чехова. «Со времени моей поездки сюда летом 1932 года Миша и я работали над книгой об актерском искусстве. Эта литературная работа проходит красной нитью сквозь все другие дела»⁵⁶, – вспоминала она впоследствии. Первые недели Жоржет провела с Чеховыми и Громовыми на курорте Асари II (Юрмала), где возникли первые наброски книги, или «брошюры», как называл ее Чехов. Возможно, Чехов параллельно делал свои заметки на русском. Как следует из писем Чехова к Бонер, в своей работе он учитывал «систему» Станиславского – своего учителя. Книга писалась в 1932–1934 годы на немецком языке в сотрудничестве с Бонер. В результате возникла рукопись на немецком, оставшаяся неизданной. Так как работа шла в течение многих лет, после переезда Чехова в Англию (1935) и потом в Америку (1939), книга на английском языке постоянно перерабатывалась, и в результате возникло несколько ее редакций – книга «О технике актера» (Голливуд, 1946) на русском языке и книга на английском языке «To the Actor: On the Technique of Acting» (Нью-Йорк, 1953).

По приглашению Жилинского Чехов приступил к педагогической и режиссерской работе в Каунасе. Чехову

приходилось два-три раза в неделю ездить из Латвии в Литву и обратно, но с помощью ассистентов удалось выполнить все свои обязательства. В Каунасе Чехов поставил три спектакля: «Гамлет» (1932), «Двенадцатая ночь» (1933) и «Ревизор» (1933). Одновременно он преподает технику актерского мастерства актерам и студентам студии Литовского государственного театра. Все свободное время Чехов отдавал начатой летом работе над книгой. В Литве Чехов сразу же был окружен близкими ему по духу бывшими коллегами по МХТ, другими русскими эмигрантами. В частности, с 1929 по 1939 год здесь работал М.В. Добужинский, который оформлял чеховские спектакли («Гамлета» и «Ревизора»).

Репетиции «Гамлета» Чехов проводил одновременно в Каунасе и Риге (в Риге он исполнял и заглавную роль). В Каунасе премьера состоялась 11 октября 1932 года, в Риге – 21 октября.

В студии Жилинского Чехов работал без переводчика, так как литовцы хорошо знали русский язык. С 18 августа по 29 сентября 1932 года Чехов провел 16 занятий, а в октябре-ноябре еще серию занятий. С 12 января по 14 февраля 1933 года Чехов провел 14 занятий по технике актерского мастерства. По просьбе Жилинского Чехов написал для студийцев статью в форме письма, в котором раскрывает понятие «атмосфера»⁵⁷. На самом деле, это «письмо» – глава из книги, над которой он работал в те годы.

Второй литовской постановкой Чехова была «Двенадцатая ночь» (премьера состоялась 14 марта 1933 года). Публика не была подготовлена к подчеркнuto условному театральному решению, которое предложил режиссер. Критика встретила премьеру доброжелательно, но раздавались и скептические голоса. Опасения Чехова сбылись – спектакль недолго продержался в репертуаре каунасского театра. В Каунасе, так же как в Риге, Чехов применял на практике некоторые частности своего метода – ритмизацию

действия, соединение ритма действия и речи, поиски характерности и использование вещей и декораций. Так как репетиции спектакля шли параллельно со студийными занятиями, на которые приходили не только студенты, но и актеры, и одновременно с работой над книгой об актерском искусстве – весь этот каунасский опыт стал для Чехова частью единого творческого процесса. На основе опыта с литовскими актерами он все яснее понимал, как необходимо упорядочить свой метод, изложив его в виде книги, и найти такую форму книги, которая сочетала бы литературность и философичность с практичностью и ясностью. Эти поиски отражены в письмах Чехова Жоржет Бонер.

Бонер, уезжая из Латвии в Цюрих в октябре 1932 года, увезла с собой первый вариант книги об актерском искусстве. Эта книга станет главной темой их переписки зимой 1932–1933 годов. Уникальные письма Чехова, адресованные другу и соавтору Жоржет, рассказывают о созревании замысла книги, о том, как создавались ее варианты. Знание Бонер философии и мировой литературы оказало неоценимую помощь Чехову. Именно с ее помощью были подобраны необходимые цитаты. Порой она углублялась в теорию театра, и тогда Чехов советовал ей писать в более доступном стиле.

Варианты отдельных глав посылались по почте из Риги в Париж и обратно. Переписка между Чеховым и Бонер в тот период шла особенно интенсивно. Бонер рассказывала мне в апреле 1995 года, что Чехов засыпал ее то шутливыми и «любовными», то серьезными письмами. Она же в ответ писала самые обыкновенные, так как не умела настроиться на его шутливый тон. Разницы в возрасте она не ощущала, а Чехов считал ее ребенком. Так возникли в чеховских письмах ласковые обращения «доченька», себя же он называл «отец 2-й» или «астральный отец» (не без намека на учение Штайнера об астральном, потустороннем мире).

В письмах 1933 года Чехов постоянно возвращается к «нашей брошюре (книжке)».

Конечным результатом явилась рукопись, сохранившаяся в архиве Бонер в Цюрихе. Весной 1933 года окончательно оформилась идея практической части книги об актерском мастерстве. О характере первой сохранившейся версии книги, написанной по-немецки, позволяет судить рукопись в архиве Бонер. Рукопись (около 370 страниц) состоит из предисловия и четырех глав (творческие уровни). В предисловии упоминаются такие темы: фантазия, слово, духовная атмосфера, ритм, творческая индивидуальность, борьба с натурализмом и механизацией искусства, путь к индивидуальности актера, мировоззрение, судьба народа, идеальный человек, «я», работа писателя. В рукописи вводится понятие «“переживание” по терминологии Станиславского». Одновременно предлагается и другой подход – с использованием воображения. Судя по всему, структурно (разделение на «творческие уровни») книга была похожа на первоначальный замысел книги Станиславского, о котором Чехов узнал от своего учителя во время последней встречи с ним в Берлине в 1928 году, но по содержанию, безусловно, оригинальна – в ней излагается собственный чеховский метод.

В дальнейшем рукопись сокращалась и почти полностью перерабатывалась. Вероятно, под влиянием нового театрального опыта с рижскими и каунасскими актерами Чехов решил радикально изменить подход к материалу. Он пытается соединить в единое целое уроки Станиславского, учение Штайнера и свой собственный студийный опыт.

В апреле 1933 года Чехов совершил гастрольное турне по Польше и смог выплатить следующую часть долга Бонерам. В мае он выступал в Национальном театре Латвии и вел курсы для

профессиональных актеров. Всю зиму и весну 1932–1933 годов Чехов и Бонер вынашивали идею немецко-швейцарской театральной школы, но вышло по-другому. В 1933 году политическая ситуация в Латвии и Литве обострилась, и Чехов не получил приглашения на следующий сезон в рижские театры, а в театральной школе он работал бесплатно. Следовало искать новую работу. По инициативе критика Я. Карклиньша ему предложили поставить оперу – «Волшебную флейту» Моцарта в Национальной опере. Напряженная работа в двух странах отразилась на здоровье Чехова. Весной Чехов продолжает вести занятия в Театральной школе в Риге; в июне-июле они с Громовым проводят пятидневный летний семинар для провинциальных актеров в Доме писателей в Сигулде.

В Риге Чехову открылись новые возможности. Директор «Дайлес-театра» Эдуард Смильгис пригласил его на гастроли, а также и в качестве режиссера. И все же сезон 1933/34 года начался для Чехова довольно тревожно. Он начал изучение латышского языка, чтобы смягчить отношение к себе. В Каунасе положение иностранцев, особенно русских художников, настолько ухудшилось, что Чехов предвидел, что работу в Литве придется прекратить.

Чехов сообщал Бонер, что его «Ревизор» завоевал успех у зрителя. Мнение режиссера подтверждается последующей судьбой спектакля. В 1938 году было отмечено, что «Ревизор» все еще держится в репертуаре и зрителей всегда хватает⁵⁸. У «Ревизора» была огромная сценическая история, он шел в Каунасе даже в годы войны.

Вскоре стало известно об уходе Жилинского с поста директора Государственного театра. Вместе с ним ушли и его студенты, и все молодые актеры театра. Чехов понял, что его работа в Литве подходит к концу. Как и в Советской России, Михаил Чехов был объявлен «чужим» – теперь уже по другим идеологическим

причинам. Позднее Чехов писал о литовском периоде со свойственной ему благожелательностью: «Два года, проведенные в театре Жилинского, я всегда буду вспоминать с радостной благодарностью»⁵⁹.

В Латвийской Национальной опере работа над «Волшебной флейтой» была приостановлена, и Чехову заказали постановку «Парсифаля» Р. Вагнера. В своих воспоминаниях он пишет, что ему было предоставлено неограниченное время и значительные средства⁶⁰. Чехов был очень музыкален и обладал абсолютным слухом. Интерес Чехова к ритму в актерском искусстве в процессе этой работы усиливается. Он писал статью о ритме для рукописи книги. Закончил ли Чехов эту статью, неизвестно. Работа над книгой остановилась на некоторое время. Судя по тому, какие вопросы он задавал Бонер о ее работе, можно сделать вывод, что она согласилась продолжать работу над рукописью, несмотря на все досадные переделки.

Во время репетиционной работы над «Парсифалем» у Чехова случился тяжелый приступ стенокардии на почве отравления никотином. Его состояние было опасным, и он провел в больнице больше месяца. Работу над оперой продолжил Виктор Громов (раньше Громов с помощью Чехова ставил оперетту «Сильва»). Режиссерские указания он получал от Чехова из больницы. Мистериальный дух оперы Вагнера был, безусловно, близок Чехову. В феврале в больнице он размышлял над кризисом искусства, духовными идеалами искусства, ритмом как их основой.

В связи с переменой политического климата в Латвии и Литве, у Чехова оставалось не много надежд на то, что ему удастся и впредь ставить спектакли. Он задумывался о будущем, и, в частности, о работе в кино. В апреле 1934 года к нему обратился некий Таубе, бывший секретарь Немировича-Данченко в МХТ⁶¹, и предложил

работу в кино в Париже. Жоржет проявила интерес и встретила с «киногосподами» в Париже. Чехов рассматривал для себя потенциальные возможности кино – и в техническом смысле, и в области ритмической игры. С точки зрения актерского мастерства образцом для него была игра Чарли Чаплина, которым Чехов восхищался.

Тем временем обстановка в Латвии обострилась. 15 мая 1934 года произошел государственный переворот. Был распущен парламент и установлена диктатура Карла Улманиса, который скоро стал президентом Латвии.

Чехов в очередной раз оказался свидетелем смены государственного режима⁶².

В воспоминаниях Чехов рассказывает о театральных интригах, зависти и измене, замешанных на политике. Защитниками и друзьями Чехова в это тяжелое время были театральный критик Янис Карклиньш, директор «Дайлес-театра» Смилгис, молодые актеры. О Карклиньше Чехов писал, как о человеке необычайной внутренней силы: «Идеалист, умевший любить свою родину без шовинизма, прямой, правдивый и бесстрашный, он был как бы совестью своих соотечественников»⁶³. Сотрудничество с Громовым закончилось: для него больше не было работы – ни в студии, ни в театре, и они с женой решили уехать в Москву. В мае уехала Александра Давыдова, а Громов через два месяца. Груз ответственности за их судьбу упал с плеч Чехова.

У Чехова созревали идеи «экспериментальной школы-студии», интернациональной школы актеров, целью которой будет создание нового театра. В Риге у Чехова училась небольшая молодая группа, с которой он надеялся отделиться от школы и создать новый театр. На письме отмечено рукой Бонер: «пред-план Дартингтона», т. е. международной театра-студии в Англии, который будет открыт

через два года. После отъезда Чехова из Латвии группа латышских актеров создала свою студию под руководством Вольдемара Пуце, уже без русского мастера, но применяя его методы актерского искусства.

Вскоре жизнь Чехова в Риге стала невыносимой: нападки на него и других русских артистов приняли угрожающие размеры. Ему было отказано в виде на жительство в Латвии. Следовало быстро менять жизнь, и те предложения Бонер, которые прежде откладывались на неопределенное время, теперь рассматриваются вполне серьезно. Возникли трудности с паспортами: Чеховы, как советские граждане, не могли въехать во Францию и Швейцарию без визы, а для ее получения нужны были особые основания. Ждали литовских паспортов, но надежды не оправдались. Предложение работы от театра «Габима» из Палестины Чехов отклонил, хотя окончательно не отказал: он стремился сохранять все возможные варианты. В их число не входил только один: возвращение в Россию.

В конце июня 1934 года Бонер приехала в Ригу и провела с Чеховыми лето. Они работали над книгой об актерской технике и над киносценарием о Песталоцци⁶⁴. Чехов был болен, доктора предписали ему постельный режим, и они с Ксенией Карловной уехали из Риги в деревню.

Чехов вспоминал: «Иногда Жоржет развлекала меня игрой в “слова”. Она была лингвисткой, но русского языка не знала. Я говорил ей русское слово, и она, подумав немного, почти всегда безошибочно угадывала его смысл, извлекая корень из слова. Жене моей она очень помогала ухаживать за мной и делала это с легкостью и ловкостью сестры милосердия. Чутьем угадывала она и находила положения для моего тела, при которых моя боль утихала»⁶⁵.

Так подошли к концу годы, проведенные в Риге. Они были наполнены для Чехова активной работой, которая оставила заметный

след в истории латышского театра, а также в области педагогики и режиссуры. Лично он пережил чувства от счастья общности в искусстве до горечи отчуждения. Несмотря на пережитые трудности, он сохранил хорошие воспоминаниями и о работе, и о талантливых латышских актерах, и о своих учениках. Через два года один из них, Петерис Васараудзис, был приглашен в Англию в Студию Чехова.

В конце августа 1934 года Михаил и Ксения Чеховы и Жоржет Бонер вместе уехали из Риги. Они ехали через Германию и остановились в Берлине, где встретились с Маргарит Моргенштерн⁶⁶. Затем в октябре отправились в Италию – на лечение и отдых, в которых остро нуждался Чехов. «Она [Бонер] их везет сейчас в Италию – так как Швейцария визы им не дает. Но она надеется, что сможет выхлопотать визу, и тогда они поживут у нее в Швейцарии и там он [Чехов] отдохнет»⁶⁷ – писала В.С. Масютина мужу, художнику В.Н. Масютину. Впереди их ждал отдых в Венеции, где Бонер провела с Чеховыми две недели. Затем Жоржет уехала, а Чехов с Ксенией остался для лечения в итальянских санаториях.

Осенью 1934 года Чехов оказался в неопределенной ситуации эмигранта, бездомного и безработного. Его терзала неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, досаждали многочисленные проблемы – то с получением виз, то с поисками жилья и работы. Но Бонер не оставляла своих забот о Чеховых, неизменно оказывая им дружескую помощь – не только моральную, но и практическую.

В конце сентября 1934 года Чехов получил от антрепренера Л.Д. Леонидова неожиданное предложение участвовать в гастрольях Пражской группы в Брюсселе, Париже и США, начиная с первого января 1935 года.

Гастрольная поездка, которую обещал Леонидов, позволила бы Чехову покончить с неопределенным положением и показать себя на

американской сцене. Эта идея обсуждалась корреспондентами в течение всей осени. Тем временем Бонер с помощью своих высокопоставленных знакомых пыталась организовать Чехову приглашение в Швейцарию – на лечение, а также, возможно, и для работы в кино. Но из этого ничего не вышло: Чеховым визу не открыли. А ведь актер так давно мечтал увидеть антропософский культурный центр «Гетеанум» в Дорнахе. Отметим, что Чехов не пользовался такими исключительными привилегиями, как, например, директор МХАТа Вл.И. Немирович-Данченко, который несколько раз проводил летний отпуск в Швейцарии.

Чехов продолжал работу над книгой. Он считал, что для его будущей педагогической работы на Западе просто необходимо опубликовать этот труд. Встретились Чехов и Бонер снова в декабре 1934 года в Париже, в «парадизе», по слову Чехова. Михаил и Ксения Чехов остановились в уже знакомой квартире у Георга и Жоржет Бонер на площади Ламартен. В Париже в свободное время Чехов брал у Жоржет уроки английского языка.

В это время находящаяся в Париже Пражская группа готовилась к гастролям в Америке. Тут оказались многие старые знакомые Чехова, актеры Художественного театра: уехавшие из Литвы Вера Соловьева и Андрей Жилинский, Мария Крыжановская и др. Первые гастроли, организованные Леонидовым, прошли в Бельгии и во Франции в январе-феврале 1935 года. В Брюсселе Пражская группа выступала дважды – 15 января с инсценированными рассказами Антона Чехова и 18 января – с «Ревизором». Одна из бельгийских газет опубликовала хвалебную рецензию на «Ревизора»; в интервью, данном другой газете, Чехов делился воспоминаниями о А.П. Чехове, рассказывал о своем пути артиста и о своей теории актерского искусства⁶⁸.

В Париже гастроли Пражской группы прошли с 23 января по 4 февраля в Théâtre d'Art на бульваре Батиньоль. В репертуаре были «Женитьба» Гоголя, «Чеховский вечер» (инсценированные рассказы), «Бедность не порок» А.Н. Островского, «Белая гвардия» М.А. Булгакова и «Чужой ребенок» В.В. Шкваркина. И конечно, «Ревизор» (три спектакля). «Ревизор» стал событием в театральной жизни Парижа. О Чехове-актере писал С.М. Волконский: «Можно не соглашаться с его Хлестаковым, но нельзя не преклониться перед выдержанностью и верностью раз принятому образу»⁶⁹. Владислав Ходасевич отмечал: «...“после Чехова” уже нельзя играть Хлестакова так, как играли “до Чехова”. Тут – огромная заслуга его перед Гоголем, перед русским театром»⁷⁰.

Американские гастроли становились реальностью.

Первые четыре года (1931–1935) – время, проведенное в Париже, Риге, Каунасе, Германии, Италии и США, – были пиком дружбы и тесного общения Чехова и Бонер. Эти годы вместили все: творческую работу над спектаклем и над рукописью книги, серьезные и веселые разговоры и уроки, путешествия по странам и городам, практические и финансовые трудности эмигранта и важные решения жизни и судьбы.

До 1941 года переписка между Чеховым и Бонер продолжалась регулярно. Затем наступил перерыв – началась Вторая мировая война. Бонер с отцом жила в Цюрихе, Чеховы в Нью-Йорке и с 1943 года – в Лос-Анджелесе. В 1946 году переписка возобновилась и продолжалась до 1951 года.

Уникальной является «дружба в письмах» Михаила Чехова с Жоржет Бонер, которая была одним из самых верных его друзей, близким сотрудником, спонсором и активным помощником в его театральных исканиях.

Несмотря на далеко не идеальное владение немецким, Чехов не чувствовал в нем неуверенности – настолько, что всю каламбурил на чужом языке в свойственном ему «чеховском» стиле. Письма публикуются с незначительными купюрами – опущены поздравления с праздниками, приветствия членам семьи и друзьям.

Вторая часть писем М.А. и К.К. Чеховых (1935–1951), адресованных Жоржет Бонер, будет опубликована в следующем выпуске альманаха.

1

М.А. Чехов – Ж. Бонер

25 июля 1931 г.⁷¹

Многоуважаемая и дорогая фройляйн Бонер!

От всей души прошу вас – не сердитесь на меня из-за моего молчания! Мне действительно было тяжело ответить вам в первые дни, и я уверен, вы поверите, что это было сделано не из-за грубости. Вы же знаете (вы же чувствуете), как я восхищаюсь вами и вас и как безмерно благодарен вам, и не будете думать обо мне особенно дурно и простите меня! Очень, очень вас об этом прошу!

Дорогая фройляйн Бонер! Ваше письмо с планом доставило мне двойную радость: во-первых, ваш почерк! Какой он причудливый! К сожалению, я не графолог, но на меня это сильно действует. Я должен повторить: вы – подросток, очень, очень умный, хороший, глубоко мыслящий, глубоко чувствующий и чуткий подросток. Вы с этим согласны? (И все-таки я, как видите, графолог!)

Второе: Ваш план такой заманчивый. Ах, возможно ли это? Можно ли надеяться? Да? Нет? Что? Я ничего не слышу!! Что сейчас говорит об этом помещении господин Леонард [Г. Бонер]? За это время туман немного рассеялся? Серьезно, я глубоко обеспокоен. На самом деле, я не могу быть спокоен, пока не выяснится вопрос с помещением. Господин

Громов пишет мне, что вы были бесконечно любезны и посмотрели с ним несколько помещений. Что это были за помещения? Где? Значит ли это, что планируемое помещение недоступно? И вообще, что вы думаете сейчас, дорогая фройляйн Бонер, о решении вопроса с помещением?

К сожалению, я не знаю вашего летнего адреса. Может быть, вы мне его сообщите? Пожалуйста.

Как дела с вашей литературной работой? У вас все же было время прочитать что-то у доктора Штайнера? Как бы мне хотелось иметь представление о ваших впечатлениях! Но, возможно, еще слишком рано.

В любом случае, я был бы очень рад возможности поговорить с вами об антропософии.

Вы сейчас одни? Или ваша дорогая сестра тоже с вами? В этом случае, пожалуйста, передайте ей мои наилучшие пожелания! Индийские ритмы разбили мое сердце и сделали мою внутреннюю тоску по *театру** еще более невыносимой. Терпение, терпение! Может быть, судьба позволит мне когда-нибудь сделать что-то «ритмичное»!

Дорогая фройляйн Бонер, пожалуйста, передайте своему глубокоуважаемому отцу сердечный привет от нас с женой.

Я дам вам знать, как только перееду.

Удачи в вашей работе

Ваш послушный и благодарный

Михаил Чехов

Простите мне, пожалуйста, мой плохой немецкий язык.

2

М.А. Чехов – Ж. Бонер

12 августа 1931 г.

Дорогая фройляйн Бонер!

---

* Выделенное слово, написано красным карандашом.

Примите мою сердечную благодарность за ваше дорогое письмо! Когда я развил свое графологическое воображение, то испугался, что вы рассердитесь на меня – теперь, насколько я вижу, все в порядке! Вы даже согласны! Что вы узнали по моему почерку?

<...> Меня по-прежнему беспокоит вопрос с помещением. <...> У меня есть надежда, но однозначно я пойму это только осенью, когда парижане вернутся в город.

Я бесконечно благодарен вам за вашу заботу, дорогая фройляйн Бонер. И вы даже готовы приехать в Париж, если это будет необходимо, – это уж для меня действительно слишком много и абсолютно незаслуженно! Примите мои теплейшие слова благодарности.

О моих актерских способностях вы отзываетесь слишком хорошо. Но правильное, настоящее актерское мастерство в будущем обязательно найдет отпечаток в человеческих душах! (Как, например, индийские ритмы в моей душе.) Метка смерти нашей сегодняшней театральной культуры проявляется в том, что она не имеет последствий. У нее есть некоторые эффекты – шоу, но эти эффекты таковы: внутренняя пустота и болезненность! К искусству это точно не имеет никакого отношения⁷².

Надеюсь, дорогая фройляйн Бонер, что господин Леонард сразу даст вам знать, если что-то прояснится? Да?

Если вам и господину Громову понравилось помещение, то оно, я уверен, хорошо и нам подходит. <...>

Я немного приболел (простыл), и поэтому, к сожалению, мне придется остаться здесь немного дольше, чем я думал. <...>

Совершали ли вы чудесные горные походы? <...>

Благодарный вам

Михаил Чехов

Вы получили письмо от моей жены?

Я так рад, что вы начали читать сочинения доктора Штайнера. Терпеливо жду ваших впечатлений. Вы посетили Дорнах⁷³?! Ах, для меня

это совершенно невозможно!

3

М.А. Чехов – Ж. Бонер

17 августа 1931 г.
[Гитранкур]

Дорогая фройляйн Бонер!

Сегодня получил вашу милую телеграмму и очень вам благодарен. Да, я надеюсь, что, к нашей общей радости, пророчество исполнится. Оно должно исполниться.

Если бы вы только знали, как мы все счастливы. Наша работа уже началась⁷⁴. Мы уже сообщили новости господину проф. Масютину и господину де Бюцову (музыкант) и сейчас ждем ответ.

Я и господин Громов теперь заняты режиссерским планом. Каждая репетиция начинается с определенных упражнений, важных для ритмического стиля исполнения.

Настоящим посылаем вам, дорогая фройляйн Бонер, краткое содержание сказки и письмо господина Траутветтера⁷⁵, которое вы нам дали. В сегодняшней ситуации это письмо должно оставаться у вас на руках.

Господин Громов, наши артисты и я от всего сердца желаем вам радости, хорошего отдыха и успешной работы.

Преданный вам

Михаил Чехов

P.S. Прилагаемое экспозе уже претерпело изменения.

4

М.А. Чехов – Ж. Бонер

<...> Еще один быстрый-быстрый вопрос: вы имеете что-нибудь против того, чтобы господин профессор Масютин обсуждал какие-то

принципиальные вопросы с великой и очень опытной художницей, госпожой Каринской (костюмы)? <...>

5

М.А. Чехов – Ж. Бонер

27 августа 1931 г.

<...> Ваши ценные мысли о сказках мне очень помогли, и я попробую использовать их в художественной работе. Когда мы снова увидимся, я надеюсь взять у вас «интервью» и буду вообще очень рад сотрудничать с вами. <...>

6

М.А. Чехов – Ж. Бонер

31 августа 1931 г.

[Гитранкур]

<...> Большое спасибо за ваше разрешение господину проф. Масютину обсудить костюмы с госпожой Каринской. Это действительно очень важно – чтобы костюмы и декорации создавались вместе! <...>

7

М.А. Чехов – Ж. Бонер

3 сентября 1931 г.

[Гитранкур]

Дорогая, дорогая фройляйн Бонер!

Сегодня я получил ваше письмо. Мне будет очень приятно, если вы к нам приедете! Только хотелось бы, чтобы вы привезли с собой хорошую погоду, чтобы мы кроме репетиций могли погулять!

Приезжайте, приезжайте к нам, пожалуйста, дорогая фройляйн Бонер!

Ваш банковский перевод я получил (16000 франков) и должен в

понедельник ехать в Париж. Может быть, я увижу Вас и там.

За банковский перевод примите мою глубочайшую благодарность!

<...>

Скоро придет время, когда мы с вами будем работать вместе. Я с нетерпением этого жду. Очень, очень!

О «тайноведении»⁷⁶ позвольте мне лично сказать вам пару слов. Все будет в порядке. Вы будете очень, очень счастливы. Я убежден в этом.

Так что, надеюсь, скоро увидимся.

Пожалуйста, телеграфируйте мне, на каком поезде вы едете; я заеду за вами в Мантес⁷⁷. Доставьте мне эту радость.

Жена и друзья благодарят за приветствие и шлют вам свои самые теплые пожелания.

Мне очень приятно, что вам понравились наши фотографии. Вот почему я посылаю вам еще несколько.

Преданный вам, глубоко вас почитающий

Михаил Чехов

P.S. Другие чеки последуют.

8

М.А. Чехов – Ж. Бонер

10 сентября 1931 г.
Гитранкур

Дорогая, дорогая фройляйн Бонер!

В субботу мы уже будем в Париже, а в воскресенье пойдем в «Театр Михаила Чехова, Директор фройляйн Д-р Бонер» на репетицию. Я хотел бы ежедневно с 1,5 до 7; и с 9 до 12 вечера репетировать. Утреннее время хотелось бы оставить свободным для дополнительных разговоров и другой работы.

Я позволю себе, дорогая фройляйн Бонер, приложить несколько чеков.

Ожидайте в ближайшее время.

До свидания

Ваш, ТАК вас почитающий

Михаил Чехов

Директор, фройляйн Доктор Ж.Б.

Жена передает вам сердечный привет. Она встала с постели, но выглядит еще не очень хорошо.

Друзья шлют вам теплейший привет.

9

М.А. Чехов – Г. Бонеру

9 февраля 1932 г.
[Париж]

Глубокоуважаемый и дорогой господин Бонер!

Как я обрадовался Вашим приветствиям и русскому предложению! Большое Вам спасибо! Ваши фотографии, которые Вы раньше отослали фройляйн Бонер (три моментальных снимка), были очень хороши. Я только все не мог никак представить, как можно ходить в такой снег без пальто!⁷⁸ Мои московские «представления о снеге» доставляют мне много сложностей при рассматривании этих снимков. Ксения Карловна убедительно просит Вас надевать шубу. Мои гастроли в Риге будут проходить в начале марта. Итак, скоро я должен быть там, чтобы начать репетиции. Кроме того, на днях пришло режиссерское приглашение в литовский театр⁷⁹. Итак, с этими вопросами улажено. С разрешением на жительство – тоже все блестяще. Господин Зикар был очень любезен и просил лишь об одном, чтобы я не занимался политикой! О, Господи! Вся эта политика «не нужна бы мне»!⁸⁰

Я сейчас полностью защищен от ракового заболевания. [Благодаря водке. – *Приписка Ж. Бонер.*] Нет больше страха. И все же,

время от времени, снова защищаюсь. Все-таки нужно быть осторожным. Однако «маленькая Ольга»⁸¹ была так небрежна... Без Вас я бы никогда не осмелился пригласить ее к столу.

<...> У меня уже сильное чемоданное настроение, которое [уладится] только благодаря разрешению на жительство. Надеюсь, все будет в порядке⁸². Фройляйн Алис приедет около 5 часов, без всякого чемоданного настроения, и вещи все еще не упакованы. Это мне совершенно непонятно. Скоро мы все отправимся на вокзал провожать фройляйн Алис⁸³.

Скоро, скоро моя райская жизнь на пл. Ламартен, 3 подойдет к концу. Но мое сильное, сильное чувство благодарности навсегда останется во всех комнатах, во всех углах, в воздухе! Глубокоуважаемый господин Бонер, примите мою сердечную благодарность за все – все!⁸⁴

Желаю Вам столько спокойствия и радости, сколько Вам нужно, и еще больше!

Вас обожающий и любящий Вас,

Михаил Чехов

Ксения Карловна сердечно приветствует Вас и Татьяну Петровну⁸⁵.

10

М.А. Чехов и К.К. Чехова – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

27 февраля 1932 г.

[Датируется по почтовому штемпелю]

О, мой доктор! Мы в Аахене! Где мое прошлое? И каким будет будущее? Прошу Вас, единственный мой доктор, хорошо и внимательно изучить «книгу», о которой мы говорили⁸⁶. В ней кое-что написано о нашем будущем. Душа моя думает о Вас. Вокзал, одинокие

ждущие фигуры, кульбахское пиво, знакомые языки и воспоминания. Рига все еще не здесь – взор обращен назад.

Мое лицо болит после того, как чемодан упал сверху прямо на него. Стыдно. С паспортом все в порядке. Я горд. Через 2 часа и 4 минуты отправляется и мой доктор⁸⁷. С Богом.

Ваш граф

Жоржеточка! Жоржеточка! Целую Вас с большой любовью и благодарностью.

Все идет очень хорошо.

Ваша Ксения

11

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[7 марта 1932 г.]
Рига

Моя дорогая, дорогая, хорошая Жоржета! «Жоржета»!

Мой доктор!

Лежу в кровати и вынужден писать карандашом – не сердитесь на меня. Сегодня первый вечер, когда не было не только ни одной репетиции, но я даже могу лежать и писать [тебе. – *вычеркнуто*] Вам письмо! Здесь сейчас сыро и влажно, и так много актеров больны гриппом и простужены, что пробы невозможны – поэтому я тоже лежу в кровати, чрезвычайно ленивый!

Ах, если бы мы могли вести диалог! К сожалению, вынужден монологизировать. Хорошо. В 9 утра я уже на репетиции. Больше никаких дневных спектаклей! В 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18 я должен уже играть. (Подчеркнуты литовские вечера)⁸⁸. Ах, прекрасное старое искусство!

Мой дорогой доктор! Вы уже достаточно хорошо изучили книгу?⁸⁹ А что Вы скажете о параллельной идее книги? Прошу, пожалуйста, внимательно проследите эту идею!

Я так благодарен за [твои. – *вычеркнуто*] Ваши письма. Мое страстное желание велико... Когда и где увижу я еще мою любимую, дорогую докторшу? Узнает ли она меня? Смогу ли я когда-нибудь подать ей пример своей жизнью? Где? Кто? Читает ли моя Жоржеточка сочинения доктора Штайнера? Пишет ли Жоржеточка о Шницлере? Хорошо ли она отдыхает? Чем занята она сейчас больше всего? Как обстоит с планами Камерного театра в Цюрихе⁹⁰? Собирается ли доктор устраивать экзамены для молодежи?⁹¹ Да? Тогда хорошо! Получает ли доктор новости от Борд<олло> и еще больше от Борд-лло⁹²?

Сегодня из Швейцарии пришла чудесная открытка на русском! Большая, большая радость! Сердечно приветствую Татьяну Петровну, и прошу мою дорогую Жоржеточку передать *многоуважаемому и дорогому Георгию Генриховичу** мои приветы и наиплеишие пожелания! Для меня и моей половины это было действительно большой радостью, иметь возможность читать такой знакомый и такой дорогой русский почерк⁹³. Само собой разумеется, также и наше вам с кисточкой! Надеюсь, что Георгий Генрихович чувствует себя хорошо и благополучно!

Всего, всего, всего хорошего! Какие чудные ученые ученики у Татьяны Петровны! Ура!

Знаете ли Вы, моя бесконечно дорогая Жоржеточка, что значит быть «внутренне пустым»? Да, это так пока. Скорее читайте КНИГУ!

---

* Выделенные слова написаны кириллицей.

Глупею и не могу писать логично. Не сердись (иногда забываю писать на конце слова некоторые буквы) на меня. Бесконечные репетиции в обоих театрах совершенно меня изнурили, кроме того, я уже один раз был во фраке и один раз на премьере Рейнхардта (оперетта)⁹⁴. Какая была эта премьера? ..... <sic>, но сам Рейнхардт был очень любезен и мил, и пригласил меня в Ландау, чтобы сделать там совместный спектакль⁹⁵. Он меня приглашает именно тогда, когда я занят. Это хорошо.

Читайте Книгу! Мне тяжело так долго быть без Вас.

Конец!

Ваш граф

[*Приписка на 1-й странице:*] В работе мне очень помогает Громов. (Я благодарен ему за это.)

[*Приписка на 3-й странице:*] Пожалуйста, не забудьте, что определенные вещи можно делать параллельно, например, что-то начинать учить (подготавливать себя к чему-то) одновременно с Камерным театром. Что?

[*Приписка на 4-й странице:*] Не простужайтесь. Наблюдения за натурой уже прошли?

12

М.А. Чехов – Ж. Бонер

16 марта 1932 г.
Рига

(Восток)

(когда же будет Запад?)

(Что, простите?) РИСУНОК

Если бы Ты! только знала, что за радость ты мне доставила своей добротой! С тех пор как я получил твое письмо с обращением «ты» – я ношу что-то теплое в области моего сердца. В двух буквах, всего в двух

буквах ты сказала мне так много, так много подарила. Целую обе твои лапки, мой дорогой Доктор, в мыслях о твоей спальне⁹⁶, ищу (и нахожу) твой аксессуар и зачитываю тебе.

Прости, пожалуйста, что пишу карандашом, но я лежу (из-за усталости) – и не могу писать пером.

Вчера была последняя премьера («Двенадцатая ночь»)⁹⁷. Все было плохо, но по странному стечению обстоятельств, публика и пресса ничего не заметили, и история всем понравилась! Oh la-la! Это хорошо!

Мне здесь предлагают начать педагогическую деятельность и руководить Русским театром. Ну, а теперь по секрету, и только тебе! Я хочу попробовать воспользоваться этими предложениями и тем самым задержать здесь Виктора Громова... а самому легко и свободно, одним прыжком перемахнуть на Запад (куда же???) и там, с кем-нибудь (с кем же???) направить свою жизнь по верному руслу. Наше вам с кисточкой! Нужно, нужно как следует проштудировать Книгу! Давно пора! Но, разумеется, прыжок на Запад станет возможен лишь тогда, когда с Запада подует попутным ветром!⁹⁸ Пусть кое-кто на Западе (кто бы это мог быть?) не волнуется, что кое-кто на Востоке (кто это мог бы быть?) совершит прыжок внезапно. Восток будет выполнить исключительно пожелания и распоряжения Запада. Исключительно! Так что вопрос о задержании здесь Виктора Громова – это пока тайна, которая сообщается только тебе. Впоследствии он сам будет рад работать с русскими в старом театре. Вчера он сам говорил, что все еще любит старый театр. Кроме того, он сможет быть самостоятельным и прежде всего – работать по-русски. Это все его очень обрадует. Я уверен. Что ты об этом думаешь?

Открытка от Аахельхен. Сладкая Ахель!⁹⁹ Она тебе пишет?

Жоржеточка, передай, пожалуйста, от меня привет твоему дорогому, дорогому папе. Всегда думаю о нем с большой благодарностью. Желаю ему много, много здоровья и радости!

Георгию Генриховичу мой большой сердечный привет. *Если увидишь Татьяну Петровну, поклонись ей сердечно**.

<...> Пишу тебе так кратко лишь потому, что мое время полностью распределилось между Латвийским и Русским театром. Но внутренне я весь и целиком с тобой. Только не забудь меня, иначе я...

Твой всегда, всегда (если разрешаешь)

Граф

13

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1 апреля 1932 г.]
Двинск

<...> Сейчас я сижу в Двинске¹⁰⁰. Совершенно особый город. Вещь в себе. Ты просто не можешь вообразить ничего более отставшего от жизни! Грязь и уединенность. Я бы и недели здесь не смог прожить. Приехал вчера, но сегодня же ночью снова уеду в Ригу! Рига! О, это... Париж!.. Я хочу, чтобы ты, когда к нам приедешь – сперва посетила бы Двинск, только тогда ты сможешь по достоинству оценить Ригу. Вчера я почти не мог играть, потому что не было контакта [с публикой]. Странно. Совершенно чужая атмосфера. Очень интересно.

Жоржеточка, ну, когда же ты приедешь к нам? Какой у тебя паспорт? Много ли сложностей в поездке? Ах, ты, бедолага! Попытаюсь озаботиться и сделать тебе швейцарский паспорт, и тогда ты легко сможешь ехать туда, куда захочешь. И я это сделаю, будь спокойна¹⁰¹.

* Выделенные слова написаны кириллицей.

Моя Докторша, как продвигается твоя работа? Желая тебе успеха. Не забывай Книгу. И о Камерном театре не забывай¹⁰². Мне вот что кажется: серьезные, глубокие, произведения-мистерии скоро станут необходимы. Почему у Рейнхардта так плохо идут дела? Потому что он не пошел дальше легкомысленных опереток и проч. От него люди уже хотят чего-то иного! Симптоматично.

У меня все еще туго со временем, и только поэтому пишу тебе, моя Жоржета, так мало. Не сердись на меня и знай, что я всегда внутренне с тобой и в тебе.

Ты получила? Извини, что пока так мало. Но из авторского-то общества ты уж точно получила¹⁰³. Скажи.

Целую [тебя. – *вычеркнуто*], твои руки и всегда, всегда

Твой граф

[*Приписка на 1-й странице:*] Пожалуйста, передавай мои наисердечнейшие приветы твоей дорогой тетушке¹⁰⁴.

[*Приписка на 2-й странице:*] Здешние актеры делают меня несчастным: они все так бедны, так голодны, так плохо одеты. И думают лишь о том, что они получают за эту утомительную поездку в Двинск 4 лата 50 сантимов (22,50 франков)! Русская драма дает 17 марта для этой труппы представление. Хочу непременно играть для них.

[*Приписка на 3-й странице:*] О, насколько лучше литовская труппа! Конечно, они все у себя дома и с убеждением творят свою собственную культуру!

[*Приписка на последней странице:*] Каждая строчка от тебя – для меня большая, большая радость. <...>

14

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[11 апреля 1932 г.]
Либава, Латвия

Ну, наконец-то я здесь!¹⁰⁵

И сердечно приветствую тебя, моя дорогая Жоржета!

То, что время от времени ты думаешь о Риге, чрезвычайно радует меня и дает большую надежду, что однажды мы будем в Риге вдвоем вспоминать о Цюрихе. Хорошо так? Ты поедешь в Цюрих?

Очень рад твоей «Шницлериане»¹⁰⁶ и, как всегда, желаю тебе больших успехов!

<...>

Знаешь, здесь практически невозможно основать школу! Теперь мне это совершенно ясно. Легче получить театр. Русская драма уже делает разные предложения. Тоже, может быть, театр, но только не школа. Во всяком случае, отсюда все видишь иначе, чем видел издалека. И каждый день меняется. Мой план по задержанию здесь Громова слегка зашатался. Меня это очень огорчает. Хорошо было бы когда-нибудь конкретно и подробно обсудить этот вопрос с тобой – после того, как с твоим театром (КТ) все станет понятно и прояснится здешняя ситуация. Должен тебе сказать, моя дорогая, добрая, любимая Жоржет: когда я думаю о театре, то думаю скорее о тебе. Что же делать. Посоветуй! = Секрет! Пожалуйста, читай ежедневно свою карманную «книжечку»! Там ты найдешь многое из того, что нас волнует. Если бы ты знала, как я устал от театра (морально устал). Только Камерный театр с тобой может доставить мне радость. Все актеры здесь (русские) так плохи! От этого вдвойне устаешь! В латышском театре ужасная спешка – это тоже отнимает всякую возможность с удовольствием отработать пьесу. Все, решительно все становится коммерческим предприятием, все механизмуется, и душа выбрасывается за ненадобностью! Ну, теперь ты знаешь все, да, все... и хватит об этом. Напиши, пожалуйста, побольше о твоих КТ планах. Прошу.

<...> Я очень надеюсь, что в июне будет проходить турне в Литву, а оттуда можно легко что-нибудь и послать¹⁰⁷. Ехать в Польшу

сейчас по известным причинам я не хочу. Может быть, в Эстонию. В Русской драме мне нужно сыграть еще 2 раза. (О, Русская драма! Я многое понял – люди слишком опасны!) В Латвийском театре моя работа продлится еще некоторое время.

Либава уже – в 1,5 этажа.

Я прибыл в 8 утра. Сейчас – 10 часов. Заваливаюсь на кровать и буду лежать так пару часов. Ты, верно, уже достаточно высоко взобралась на гору и вдыхаешь прекрасный свежий воздух? Видишь? Прошу только, чтобы деревенские окна были закрыты.

Твоей глубокоуважаемой и дорогой тете мои сердечные приветы и благодарность.

[*Приписка на 4-й странице:*] Еще о КТ. Может быть, лучше начать КТ в Эстонии или Литве, или здесь или в Чехословакии? Ты напугала меня тогда, когда сказала, что у нас в Цюрихе никогда не будет учеников. Обдумала ли ты эту страницу наших планов? А, может быть, было бы лучше начать где-нибудь здесь? Или ты сейчас другого мнения?

Увидимся в Риге.

Твой, всегда твой КТ.

Остаюсь здесь до вторника до 5.30 ночи.

Ну почему я пишу тебе всегда так по-дурацки?

Когда я тебе пишу, всегда остается что-то невысказанное. Итак, мне нужно разговаривать с тобой. Приезжай к нам! О, приезжай, приезжай!

15

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[До 22 апреля 1932 г.

Рига]

Моя дорогая, дорогая Жоржеточка!

Сегодня пришли твои долгожданные письма с фотографиями! Как ты прекрасна... (на фотографии...), как я тебя люблю... (на фотографии...)! Ты выглядишь, слава Богу, такой свежей, здоровой и веселой (даже со спины)! В самом деле, Швейцария, и в особенности ласковый уход твоей уважаемой тети за тобой, здоровее, чем жизнь на улице rue du Colisee!¹⁰⁸ (КТ, само собой разумеется, не может повредить.)

(Прости: лежу в кровати после изнурительной репетиции. Поэтому вынужден писать карандашом.)

Наконец-то, наконец-то словечки о Цюрихе!

Моя особая благодарность за это! Я очень обрадовался! Должен тебе признаться – я думал, что ты уже это...немножко... ну, совсем чуть-чуть – потеряла интерес к КТ. Однако сегодня я уже снова полон надежды! <...>

Да, моя Жоржета, если ты пишешь уже из Цюриха, то я должен сказать тебе, что единственно верно относительно театра, так это то, что он должен родиться в маленьком скромном помещении и без всякой помпы. Здесь в Риге публика хорошая, понимающая, но театр чрезвычайно старомоден, и поэтому я вот что думаю.

Камерному театру не нужно признание хорошей публики, так как он должен собрать вокруг себя свою собственную, новую публику, поэтому я думаю опять-таки, что важнее всего начинать там, где это ВОЗМОЖНО (не необходимо), и поэтому я так обрадовался, что ты написала о Цюрихе.

Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты точно и корректно разобралась с цюрихским паспортом, работой, помещением, расходами и т.д., и дальнейшими возможностями и т.д., а потом (о, извини) ты приедешь к нам в Ригу и здесь сможешь оглянуться на самое себя, а потом сама же (я буду тихонько стоять рядышком) все решишь. Мое сердце всегда

тянется к Швейцарии, но я хочу, чтобы решение вопроса о театре объективно исходило от тебя. Ты меня поняла?

Как здорово, как здорово, что ты нашла «Антония» на немецком. У тебя только один экземпляр?¹⁰⁹

Скоро ты сможешь поставить себе на стол еще одну фотографию: 22 апреля состоится премьера «Смерть Иоанна Грозного»¹¹⁰.

Целую твою... (рисунок) и остаюсь в глубочайшем почтении,

Граф

16

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1932 г.]

Рига

Тебе – сердечный мой привет! Тебе мои самые наилучшие и найтеплейшие пожелания!

Моя дорогая, дорогая Жоржеточка! (рисунок)

Как я рад, что Риттелмайер помог тебе в работе!¹¹¹ О, он тебе еще многим сможет помочь, если ты сама того захочешь. (рисунок) Что же касается Виктора Громова, то я точно знаю... он тоже может и хочет работать один¹¹². Он теперь стал таким самостоятельным... Ну да ладно. Оставим его наслаждаться искусством. Мы же будем скромно трудиться над своим Камерным театром. <...> Только, пожалуйста, не подумай, что я тебя подстегиваю и тороплю, нет, – делай только так, как тебе удобнее и лучше.

Как бы я хотел тебя увидеть!

Дай бог тебе спокойствия и счастья, и больших успехов в твоей работе! Эта приписочка должна означать, что у меня все еще нет времени, и что я тебя люблю (комплимент в русской манере) и думаю о тебе, и часто о тебе с моей «половиной» разговариваю.

Твой граф

[Два рисунка – сердце].

17

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[30 апреля 1932 г.]

Рига

Сердечно приветствую мою столь любимую и столь ненаглядную Жоржету!

И снова должен я просить прощения за мою «карандашную» писанину. Но я теперь все время уставший, и когда я имею немножко времени для отдыха, чтобы черкнуть тебе пару строчек, мое тело в таком положении, что никакое перо этого не выдержит. Так что – прости!

<...> Прости, пожалуйста, что последнее послание было так мало, но по-другому не вышло¹¹³. Может быть, мне удастся послать тебе кое-что из Литвы. Меня так обрадовало то, что ты написала о возможностях в Цюрихе. Я всегда с нетерпением жду новостей. А что, вопросы с паспортом и разрешением на работу еще не решены?¹¹⁴ У тебя точно нет никаких сведений? Знаю, ты напишешь сама, если что-нибудь узнаешь.

А что ты думаешь о маленькой, уютной швейцарской усадьбе? Что? Хотелось бы получить от тебя карту страны, где будут обозначены + КТ, и (+) усадебный участок. Дай хоть немного насладиться этой картой!

Тут витает надежда, что латвийский театр пригласит господина Громова на режиссерскую работу на следующий год. Для него это тоже было бы замечательно. Но это пока совсем неясно. Опасаюсь только, что директор латвийского театра при этом сильно рассчитывает на меня.

Как бы то ни было, я решил поговорить с директором таким образом, чтобы быть совершенно не связанным с Ригой. Важно, что Громов, наконец-то, получит свое дело! Так что все в порядке! Второго или третьего мая из Каунаса приезжает директор литовского театра, он тоже будет мне что-то предлагать¹¹⁵.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО, Я ХОЧУ ЗДЕСЬ УВИДЕТЬ ТЕБЯ!

«Моя» тоже тепло и сердечно приветствует тебя!

<...>

18

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1 мая 1932 г.]

Рига

Сегодня все гуляют по улице. Скучная, глупая история. Принципиально сижу дома. Вечером – «Иоанн Грозный». Устал. Хочу спать.

19

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[4 мая 1932 г.]

Рига

Моя дорогая, дорогая Жоржеточка, мой славный друг!

Прости, что на этот раз отнимаю твое внимание своими денежными делами.

Пятнадцатого июня я должен выплатить тебе и твоему многоуважаемому папе свои долги. Я пытаюсь сейчас совершенно официально получить через валютную комиссию право переводить определенную сумму денег за границу. Получу ли я это разрешение, не знаю, однако есть большая надежда. Но главное, о чем мне особенно тяжело говорить, это то, что я все еще не могу выплатить всей суммы.

Сперва я хотел бы послать господину Бонеру 1000 латов (это примерно 5000 французских франков). Отдельно я еще обеспокоен тем, что фрау Моргенштерн гарантированно поручилась за меня, но она тоже не может моментально исполнить свои обязанности, и я страдаю от этого ужасно. Прошу тебя, дорогая моя Жоржета, спроси у господина Бонера (я сам не отваживаюсь), позволит ли он выплатить ему сначала только вышеупомянутую сумму. И еще, спроси у него, могу ли я успокоить госпожу Моргенштерн вследствие данной к 15 июня гарантии. Все-все (пусть пока и небольшие) деньги, что я заработаю в Литве (это, наверное, произойдет только в середине июня), – я с благодарностью вышлю тебе и господину Бонеру сразу же. Перед тобой мне так стыдно, что словами не выразишь. Сейчас я не могу выслать тебе даже половины. (Позор, прости меня! Но когда-то надо набраться мужества это произнести!).

<...> Осенью я надеюсь совершить турне в Польшу, и это даст мне возможность выполнить мой долг перед тобой. В любом случае, будут использованы все возможности, которые я найду (хотя бы и с опозданием), чтобы тебе и господину Бонеру смочь выплатить все деньги. Это все. С нетерпением и чувством стыда, а также с надеждой жду твоего ответа на мои вопросы. <...>

Приношу также свои извинения за то, что деньги для господина Бонера я буду отсылать на твое имя (в твой банк). Если, конечно же, получу официально разрешение. Я не знаю банка господина Бонера. Может быть, ты сообщишь мне его адрес? Поступай так, как считаешь лучше всего. И дорогая, дорогая Жоржета, постарайся сделать так, чтобы господин Бонер простил меня! Сообщи мне потом о его решении.

Конец!

Прости!

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Без даты]

Добрый день, моя дорогая и славная Жоржеточка!

Жму твою руку и прошу передать от меня и Ксении сердечные приветы Ульриховичам¹¹⁶. Обе стороны твоей почтовой открытки для Ксении произвели на нас огромное впечатление! Три фигуры прекрасны, вне всякого сомнения! Без сомнения, тебе стоило большого мужества, чтобы расстаться со всеми тремя. Другая сторона твоей открытки произвела на меня волнующее впечатление своей фразой «чемоданная лихорадка» и всем, что связано с этим словом. Жоржеточка! Может быть, это судьба? Вот только было бы глупо, если я сейчас взял бы, да и уехал внезапно. <...> Возможно, что перед литовским турне должно состояться еще одно коротенькое турне в Эстонию¹¹⁷. Все будет решено в ближайшие дни, и я предлагаю тебе, моя дорогая Жоржеточка, пообещать, что, прежде чем пройдут все путешествия, я действительно увижу тебя в Риге! Вот только получу ответы на все необходимые вопросы, касающиеся части турне, и тогда уже смогу тебе обо всем подробно сообщить, и действительно увижу тебя в Риге! (Я даже вижу, как Ксения и я на Берлинском вокзале в Риге лихорадочно смотрим на приближающийся поезд. О-ля-ля!)

Как только ты пересечешь латвийскую границу, тебе сразу же придется зарегистрировать все деньги, что у тебя с собой, и взять соответствующую квитанцию, чтобы смочь снова забрать деньги. Не забудь об этом.

<...> Я на самом деле уже устал и попытался на 10 мая взять выходной в латвийском театре, но директор закатил мне «скандал» и мне надо до 18 мая играть «Смерть Иоанна»¹¹⁸.

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[5 мая 1932 г.]
Рига

Мой дорогой друг!

Я не знал еще сегодня, смогу ли отослать тебе это письмо, поскольку именно сегодня я был в Русской драме, чтобы получить там деньги, но меня ждал сюрприз: господин Гришин (директор)¹¹⁹ разъяснил, что денег у них нет, и мне придется подождать. Но как долго?.. Я зол, как лев! В любом случае я все же решил отправить это письмо тебе. В случае если латвийский театр будет честнее, я получу возможность возместить то, что я обещаю в этом письме. Прости, пожалуйста. Я так несчастен от всего этого!

7 мая сюда приедет каунасский директор, и мы будем все обсуждать, а потом я напишу тебе обо всем этом подробно¹²⁰.

Твой в бесконечной любви,

Граф

22

М.А. Чехов – Ж. Бонер

9 мая 1932 г.
Рига

Вот как я выгляжу. РИСУНОК

внутренне внешне

Моя милая, дорогая Жоржета (род. Ульрихович)!

Каунасский директор не приезжает и не пишет. Сейчас я не знаю, состоятся ли вообще каунасские гастроли. Если бы я знал, что я не буду больше ездить, я бы сразу пригласил тебя, мой дорогой друг, приехать сюда, и мы могли бы здесь хорошо разговаривать и молчать, походить и дома посидеть и т.д. Но, к сожалению, я не знаю ничего и не знаю, можешь ли ты приехать сразу. Прошу тебя подождать еще немножко, пока я не узнаю что-нибудь от каунасского директора.

Русский театр еще ничего не заплатил. Латвийский театр заплатил уже частично.

Только что получил письмо из... Корсики! О-ля-ля! Трудно себе представить, какая там жизнь! Интересно. Мой дорогой господин Бонер играет в гольф! Татьяна Петровна рисует.

Сердечно приветствую тебя с этими листочками и желаю тебе много успехов с твоей работой.

Твой

РИСУНОК. КОРОНА

Граф

23

М.А. Чехов – Ж. Бонер

10 мая 1932 г.
Рига

Да здравствует моя дорогая Жоржета!

Сердечно тебя приветствует твой крепко выспавшийся (до половины первого) Граф.

<...> Сочетание КТ и деревня чрезвычайно нравится мне! Да здравствует мой «Анатоль»!¹²¹ А вопрос о разрешении на работу? Однако надеюсь, что ты, ты можешь все!!! О чем ты спрашивала господина профессора Зангера¹²²? О разрешении на работу? О театре? О деревне? О том и другом?

Пожалуйста, мой добрый, дорогой друг, не вылечись от чемоданной лихорадки. Будем надеяться, что тебе еще нужна будет эта лихорадка. Наконец, сегодня каунасский директор позвонил, он приедет на днях в Ригу, и все выяснится. «Смерть Иоанна» будем играть последний раз 17 мая. Не было ясно, так как я хотел закончить пораньше. Но директор устроил мне «скандал», и я буду играть по 17 мая. **Сноска: См.: письмо 20 и коммент. 118.**

Хочется поговорить с тобой о многом. Без тебя все мои планы и идеи висят в воздухе. Наведение тобой справок играет для нашего КТ главную роль. Нам все нужно обсудить.

Твоя бодрость радует меня очень, и я прошу тебя лично привезти частицу из нее в Ригу.

Здесь люди говорят по-немецки, и ты можешь совершенно спокойно разговаривать с детьми. На русском и латышском ты тоже можешь высказаться. Все будут тебя понимать!

Погода стала у нас плохой.

Любовь и уважение от твоего

РИСУНОК . КОРОНА И ГЕРБ КТ

«Моя» передает тебе самый сердечный и горячий привет.

13 и 14 буду еще играть (Чеховский вечер) в провинции¹²³.

Загадка

РИСУНОК Я ЛЮБ теБЯ

Ты можешь разгадать?

Еще одна загадка

Какой железнодорожной линии тут нет?

РИСУНОК КАРТА

Париж – Берлин – Цюрих – Рига – Каунас – Вена – Варшава – Прага.

24

М.А. Чехов – Ж. Бонер

6 июня 1932 г.
Каунас

Мой дорогой добрый Жоржета!

Я не привез с собой фрака, но был в обычном костюме всегда и везде в большой компании! Никакого покоя и нет возможности сосредоточиться. Страшно утомительно! Кроме того, было много

деловых разговоров. Мне хотелось бы перенести все эти переговоры на осень и сначала поговорить с тобой, но это невозможно¹²⁴.

Мне осталось сделать все так, чтобы иметь возможность более или менее легко освободиться. Здесь [в Риге] я должен взять работу, ибо это позволит мне хоть что-то зарабатывать и отдавать кое-какие долги. Это особенно важно потому, что идея оставить Громова здесь не осуществилась! Для меня это очень печальная новость. Кризис и национальные амбиции обострились здесь настолько, что он (Громов), будучи русским, не может устроиться на работу. Итак, я опять не один:

$$\text{я} + (\text{Давыдова} + \text{Громов}) = \text{X}.$$

Эта формула меняет все мои ожидания. Об этом мы должны подробно поговорить. Все мои надежды на будущее – были и продолжают быть связаны с тобой, но не могу же я опять доставлять тебе те же сложности, что в Париже. Нам нужно вместе найти способ, как можно разрешить эту новую ситуацию. Мне нужно многое тебе сказать и о многом спросить тебя, и так как мы скоро увидимся, нам лучше поговорить при встрече. За последние дни случилось много неожиданностей, и поэтому мне немножко грустно. Итак, об этих делах, когда мы увидимся, моя дорогая Жоржет.

Дорогому и уважаемому господину Бонеру моя сердечная благодарность! Господин Бонер очень облегчил мою душу! Сначала я очень беспокоился, но теперь я увижу, что с некоторым опозданием все будет в порядке. Я очень, очень благодарен. (Я уже послала господину Бонеру 5000 фр.) Я успокоил тоже госпожу Моргенштерн и передал ей твой привет¹²⁵.

Все оставленные у тебя книги – твои. Не привози ничего, приезжай сама!

Здесь я убедился, что Камерный театр – верная мысль. Теперь нам нужно основательно поговорить о практических делах. Много зависит от того, что ты мне расскажешь о твоей цюрихской поездке.

Сейчас мне нужно закончить, так как скоро начнется важный разговор со здешним директором¹²⁶. Ах, если бы я мог сегодня читать твои мысли!

Желаю тебе так много счастья, что тебе будет почти невозможно его вынести.

Твой всегда

РИСУНОК КОРОНА

Может быть, мое письмо глупое, но в спешке так вышло. Извини.

Ксения передает сердечный привет.

25

М.А. Чехов и К.К. Чехова – Ж. Бонер

[13 июня 1932 г.]

Балдоне

«Экспресс» – в душевном смысле.

Наш дорогой добрый Анатолий!

Наконец мы в Балдоне и ждем тебя с нетерпением. Вот что мы тебе сообщим.

<...> Сейчас мы просим тебя, дорогой добрый Анатолий, напиши нам немедленно, КОГДА и КАКИМ поездом ты приедешь в Ригу. Мы будем стоять на вокзале, и ты узнаешь нас сразу в тысячной толпе.

Адрес (для телеграмм) Чехов, Пансионат Апин. Балдоне.

Ждем тебя!

Твои, с любовью

оба Чеховы

М.А. Чехов – Г. Бонеру

[Дата Ж. Бонер: 1932 г.]

Многоуважаемый и дорогой господин Бонер!

Считаю своим долгом сообщить Вам следующее:

- 1) Фройляйн Жоржета благополучно добралась, чем и доставила нам несказанную радость!
- 2) Фройляйн Жоржета кушает мало. Она утверждает, что этого вполне достаточно. Но, честно говоря, это мало. Ну что с этим поделаешь?
- 3) Гуляем много, хотя погода – не очень.
- 4) После еды всегда о чем-то спорим:

Я – А теперь надо немного вздремнуть, не так ли?

Фройляйн Бонер – Это еще зачем? Нет! Я уже и так обленилась.

Я – Так ради здоровья же! Я предлагаю бросить все силы на то, чтобы вздремнуть!

Фройляйн Бонер – (про себя) – лучше... нет...

Я – Ну это же не какой-то там сон эгоиста, это жертва!

Фройляйн Бонер – (с интересом) – А это как?

Я – Приносить себя в жертву ради природных сил, требующих сна.

Фройляйн Бонер – Жертвовать собой?

Я – Да, и как можно скорее.

Фройляйн Бонер – Ах, жертва! Это же прекрасно! (и почти мгновенно засыпает). Обычно «жертва» длится полтора часа.

Многоуважаемый господин Бонер, благодарю Вас за Ваше дорогое письмо. Желаю Вам спокойствия и здоровья.

Ваш покорный и благодарный

Михаил Чехов

К.К. Чехова – А. Бонер

[Почтовая открытка]

24 июня 1932 г.

Рига, Юрмала

Дорогая и многоуважаемая фройляйн Бонер! Шлем Вам сердечные приветы с Рижского взморья, где нам все очень нравится и где мы всюду наслаждаемся морем.

Жоржета уже пару раз искупалась и чувствует себя хорошо. Я внимательно слежу, чтобы она не простудилась, слишком уж она смелая. На этой открытке изображен наш новый дом с Жоржеточкиным балконом, откуда открывается чудесный вид на море, а вечером – на закат.

С сердечными приветами и пожеланием всего хорошего,

Ваша Ксения Чехова

28

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[5–6 августа 1932 г.]

Ассерн, Латвия

Мой дорогой друг, господин доктор!

Сегодня мой последний воздушно-солнечно-свето-травяно-речной день. Завтра я буду уже снова в Риге (она, конечно, тоже мила и приятна) и завтра же в 12 ночи уезжаю уже в Каунас¹²⁷. И надеюсь, что оттуда смогу написать тебе пару строк, моя дорогая Жоржеточка. Но все, однако, выглядит так, будто там у меня не будет ни секунды свободной: каунасский директор попросил меня взять с собой фрак и смокинг. Это плохой знак! Поживем – увидим. Я все еще не совсем понимаю: что же мы должны говорить президенту/директору? полиции? Что мы там будем сами время от времени появляться?¹²⁸ Извини, но мне это непонятно.

Жму твою крепкую мужскую руку и целую тебя так, как если бы ты была фройляйн!

Твой, почтительно тебя любящий.

(Рисунок – корона)

<...> Вчера в своих мыслях я долго гулял по пл. Ламартен, 3. Прекрасно! Прекрасно! Прекрасно! Читала ли ты что-нибудь из доктора Штайнера? А ты в курсе, что тут ни у кого нет ванных комнат? Пишу об этом в большом страхе. Но зато есть серные ванны (очень легкие), в 4–5 минутах ходьбы от дома.

Еще одна загадка: отгадай, кто ждет тебя с нетерпением в стране, столица которой носит название Рига?

29

М.А. Чехов – Г. Бонеру

9 августа 1932 г.
Каунас

Многоуважаемый господин Бонер!

Ну вот, я уже и без фройляйн Бонер в Асари! И очень, очень этим огорчен. Однако надо же когда-то и работать начинать. Моя (современная) супруга сейчас одна наслаждается присутствием фройляйн Жоржеты!

Я очень Вам благодарен, многоуважаемый господин Бонер, за бандероль. Лучшая литература для меня – шахматная¹²⁹. <...>

Михаил Чехов

30

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[11 августа 1932 г.]
Каунас

Во вторник вечером (после ванны).

Ты, мой дорогой, славный и верный друг!

Жоржеточка!

Пока что я не получил никакого письма из Асари, и не знаю, как вы все там поживаете¹³⁰.

А что касается тебя, то чаще всего я вижу тебя письменно или читабельно. Не так ли? Не забывай, что новая работа ждет тебя, когда ты закончишь свою нынешнюю. Но труднее всего мне представлять тебя после обеда! Ты можешь точно описать мне это время? Ну, скажем, часа эдак через 2–2,5 после еды?¹³¹

У меня сейчас совершенно неожиданно много времени. Музыка, декорации и текст (переводы) уже заказаны, и до начала основных работ у меня еще есть время¹³². В настоящий момент, например, я сижу один в комнате и, как видишь, пишу. А наверху играют Шопена.

Знаешь ли ты, что из такого нового и тяжелого у меня имеется? Ботинки? Костюм? Нет, галстук! Я совершенно отвык от этих ненужных вещей! Могу лишь себе представить, каким должно быть человеческое тело, если его раздеть и снова одеть.

Целую тебя тепло и сердечно.

И остаюсь твоим старым пузатеньким

*Графом Хюрером*¹³³

Передавай, пожалуйста, всем приветы.

Получила ли ты из Швейцарии что-нибудь для моего уважаемого живота?

Смотри, чтобы Ксения никогда не купалась одна и особенно в ветреную погоду.

31

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

18 августа 1932 г.

[Дата по почтовому штемпелю]

Ул. Капу, 59. Дворец у моря
Рига–Юрмала. Асари П

Моя дорогая доченька!

Неужели же это возможно, как пишет Ксения, что ты уже к первому числу должна быть в Париже? Это бы меня так расстроило! Моя душа радуется, что ты сейчас здесь. О, оставайся, пожалуйста, еще хоть на какое-то время. Твой Папа ¹³⁴ и так целых 26 лет видит и слышит тебя.

За Аристотеля, доченька моя, благодарен тебе очень, очень. Ты, как всегда, мила и внимательна.

Желаю тебе столько добра, чтобы было не унести.

32

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

2 сентября 1932 г.

[Дата по почтовому штемпелю]

Каунас

Моя дорогая доченька!

Благодарю за твои милые письма! И за рисунки – мне все там было сразу же понятно! Вот что делает подлинное искусство! Господин Жилинский хотел с тобой поговорить (!!!). Приезжай в Каунас. Здесь среднеплохойхороший отель, и тебе в нем будет среднеспокойно и на четверть удобно жить. То, что тебе понравились Печеры, очень радует меня, и я надеюсь, что во время твоей следующей поездки на восток, ты обнаружишь меня там в длинном облачении, а рядом со мною решительно современную супругу¹³⁵.

Целую тебя,

Твой граф

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[3 сентября 1932 г.]

Каунас

Добрый вечер, дорогая моя доченька!

Твой Папа II, абсолютно ленивый, возлегает на своей софе и пишет тебе эти строки, и просит тебя извинить его за карандашную писанину.

С нетерпением жду твоих снимков в монастыре. Учитывая твой вкус, это должны быть чудесные фотографии.

За программу жрачки для живота, которую я получил через Ксению, – моя наилучшая благодарность тебе и господину доктору, который так много хлопочет ради меня. <...> А что, все швейцарцы такие милые? И такие внимательные к другим людям? О, я хочу в Швейцарию, чтобы научиться там чему-нибудь!!! Видишь, вот уже есть целых две причины, чтобы поехать в Швейцарию! Итак, наисердечнейшая и наитеплейшая благодарность твоему дорогому доктору!

Моя работа доставляет мне особенную радость, потому что я знаю, что сам играть не буду! О, что за радость осознавать это! Но Рига? Да, там я снова буду гримироваться!¹³⁶

Обнимаю тебя сердечно и целую,

Твой Папа II

Ксении – мои приветы.

Жоржеточка, будь добра, передай господину Бонеру приложенное письмо (никакой тайны). Я опасаясь, что он сейчас там, где его не найти по указанному адресу.

Ваши обнаженные снимки прекрасны! Но почему среди них нет ни одной еврейки?¹³⁷ Где вы?

М.А. Чехов – Г. Бонер

3 сентября 1932 г.
Каунас

Многоуважаемый и дорогой господин Бонер!

Вы доставили большую радость своими двумя снимками, которые фройляйн Бонер переслала мне в Каунас. Огромное спасибо!

Вы уже знаете, что фройляйн Бонер, с одной современной и решительной дамой по имени Ксения, посетила в Эстонии монастырь? И, насколько мне известно, им там очень понравилось. Это меня очень утешает в моем одиночестве. Я уже давно не видел фройляйн Жоржету и мою решительную супругу, но надеюсь 12 сентября отправиться в Ригу (к открытию школы), и не только для того, чтобы там увидеться со своими подругами, но и взять их с собой в Каунас, так как 17 сентября я должен уже быть здесь. Если уж фройляйн Бонер настолько осмелела, что никакие восточные впечатления ее не пугают, то она обязательно должна увидеть Каунас! Жаль только, что это впечатление будет последним!

Я слышал, что фройляйн Бонер скоро нас покинет, что для меня и супруги очень грустно.

Ах, как жаль, что я не швейцарец и не могу возвратиться «домой» в Цюрих! Но с некоторых пор (!!!) судьба столь благосклонна ко мне, что я надеюсь когда-нибудь познакомиться и с Цюрихом.

<...> *Мои сердечные приветы и пожелания* [кириллицей] Татьяне Петровне. Желаю ей много, много здоровья!

Ваш преданный и благодарный,

Михаил Чехов

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[До 12 сентября 1932 г.]
Каунас

Благослови тебя Бог, моя дорогая Жоржина!

За твои милые письма, телеграмму и заботу о моей супруге – благодарю 196330004562122345678901234567890 раз! <...>

Уверен, что наши уроки английского в Париже тебе очень пригодились: ты уже можешь теперь хоть «Гамлета» по-английски изучать!¹³⁸ Очень рад этому!

«Розу и Крест» ты должна читать по-русски и переводить для Шуры [А.Д. Давыдова] на иврит. Пожалуйста, делай так!

О Гришине и моем с ним разговоре я написал Ксении (для тебя). Ты уже в курсе. Жилинский постоянно говорит о том, что хотел бы с нами работать (он и его супруга). Ему тоже тяжело работать с этими местными слабыми актерами. Если я 12 сентября приеду в Ригу, то мы сразу же можем и решить, будем ли мы говорить с Гришиным и о чем. Может, ты обдумаешь еще раз вопросы.

Работаю здесь много, и если бы актеры были получше, то мы бы уже давно могли быть готовы. Но...

Целую тебя, моя дочурка.

Люблю тебя и ревную...

...Ты едешь к своему Папе I

в Париж!

О, страдание!

Возьми меня с моей супругой вместе!

*Твой вечный граф,
Папа II.*

36

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Осень 1932 г.]
Каунас

Моя дорогая доченька Жоржина!

Твой парижский папа так добр ко мне, к нам, что позволил тебе здесь подольше остаться. Ураа!

Предлагаю тебе больше не скрывать, что ты – фройляйн Чехова! Довольно! Пусть все узнают правду! Я уже устал от этого вранья! Да, да, ты – фройляйн, и ты – Чехова. Фотографии говорят за себя! <...>

По поводу письма от Кременецкого¹³⁹ мне Виктор [В.А. Громов] написал, что он ждет твоего ответа и мнения. Это так? Очень тяжело принимать решения. Но ты ведь гений и можешь все!

Целую тебя.

Мой (РИСУНОК – сердце),

Твой граф – Папа II

37

М.А. Чехов – Г. Бонеру

22 декабря 1932 г.
Каунас

Многоуважаемый господин Бонер!

От всего сердца благодарю Вас за Ваше дорогое письмо моей супруге и мне. К сожалению, у меня его больше нет, так как Ксения затребовала его обратно. Вы так всегда добры ко мне! Если бы Вы только знали, как я тоскую по раю на пл. Ламартен, 3. Но это так понятно... Как чувствует себя фройляйн Жоржета в «моей» комнате? Надеюсь, что также уютно, как и я сам.

Моя работа в Каунасе продлится приблизительно до середины февраля. Потом, может быть, небольшое турне в Польшу и режиссерская работа в Риге. Евреи тоже присматриваются ко мне. Они хотят, чтобы я поехал в Палестину¹⁴⁰. Сознаюсь, что горю желанием увидеть Палестину. И прежде всего – еврейскую полицию. Как удастся ей отличать уличные разборки от беспорядков и катастроф? Я бы, пожалуй, охотно сыграл еврейского полицейского.

На Рождество я еду в Ригу к моей супруге и останусь там до 1 января. Будет зажжена елка. Не знаю, почему, но, когда я вижу так много свечей, особенно на елке, – мне всегда грустно. Это выглядит так, как если бы в моей душе всплыли какие-то воспоминания, которые я осознать не в состоянии.

Многоуважаемый и дорогой господин Бонер, мое сердце всегда исполнено большой благодарности к Вам. Пожалуйста, примите мои самые наилучшие пожелания к Рождеству и Новому году.

Ваш преданный

Михаил Чехов

Фройляйн Жоржета написала мне вчера, что Вам интересно то, о чем я сейчас пишу и отправляю фройляйн Жоржете¹⁴¹. О, пожалуйста, читайте! Это доставит мне большую радость. Только, господин Бонер, как Вы сможете ликвидировать мои ошибки?

Сердечные приветы фройляйн Жоржете и ее многоуважаемой сестре.

38

М.А. Чехов – Ж. Бонер

26 декабря 1932 г.
Рига

Благослови тебя Бог, мое парижское дитя, моя милая доченька!

Как мы благодарны нашей милой Площади [Ламартен] за телеграмму!

Дитя! Только здесь в Риге я впервые прочитал, что мы вместе наболтали и что я отправил тебе в Париж. Сильное впечатление: прежде всего – хаос. Что из этого следует? Очень важное: ты не должна предпринимать никаких усилий к тому, чтобы привести этот хаос к порядку. Еще слишком рано. Оставь пока что все как есть, пока я не приду к форме, иначе я только буду тебя зазря тормозить. Я там еще так

много наболтал, что в этом, действительно, нет никакого смысла, – теперь начинается твоя работа. Собственно говоря, я должен был предположить это и избавить тебя от этой рутины, но у меня в писательском деле не такой уж большой опыт¹⁴²...

Я бы хотел получить от тебя (в Каунасе) не только 1–2–3–4 страницы, но и все-все, что ты взяла с собой. Иначе я никогда не выйду из хаоса на свет (до страницы 4 б).

Смейся, смейся над моими немецкими предложениями. Я смеюсь с тобой вместе. Фуфайка всегда на мне! Это меня сохраняет. Не волнуйся.

С актерами из Каунаса дела обстоят немного лучше¹⁴³. Очень благодарен за твои слова. Часто забывают о том, что надо работать с материалом, имеющимся в наличии, а не с собственной фантазией.

Спасибо за еврейскую шутку. Тебе это удалось, а мне доставило огромную радость (хотя и исходило от Жоржа¹⁴⁴).

Пожалуйста, пожалуйста, дай господину Бонеру прочитать все, что он хочет. Это доставит мне только радость. Тихонечко: и потом передай мне, что он на это скажет.

Мой двойник поступил правильно. Разве мог бы он исчезнуть, если бы только не захотел этого сам¹⁴⁵.

Он что, не видел, как на площади Ламартен, 3 читают газеты?

<...> 2 января я снова буду в Каунасе.

39

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Начало 1933 г.]

Шлю тебе это на пробу, дорогая моя дочечка, чтобы услышать твое об этом мнение. Может быть, у нас получится таким образом продвинуться вперед, хоть и медленно.

И потом я хотел бы знать, дорогая кукушка, когда я могу надеяться

прочитать еще что-то машинописное?

И снова повторяю: может быть, ты хочешь щадить свои силы и пока нет пишущей машинки и нет ничего окончательно сформированного <...> О театральных поисках я никогда не забывал и никогда не забуду, но есть некоторые вещи, о которых хотелось бы слышать чаще...

Как идут дела с цитатами? <...>

Декорация к «Двенадцатой ночи» очень сложная технически. Все будет делаться на глазах у публики актерами, поэтому нужно будет долго и усердно репетировать. Как раз это я и делаю в эти дни. <...>

Детка, детка, мне так жаль, что я так неявно написал свою последнюю Ромеаду¹⁴⁶, но теперь мне совершенно невозможно объяснить ее. Когда сочинение отправляется к тебе, у меня не остается копии, и я больше уже ничего не знаю. Опять! SOS! Что делать. Посоветуй!

И снова я тебя спрашиваю: как мы будем разговаривать друг с другом о твоей работе? У меня уже было совершенно нахальное желание: места из твоей работы, которые не вызывают у меня вопросов, (извини) вырезать и вклеить в мою брошюру в надежде, что таким образом мы постепенно всю историю – напечатаем на машинке (хорошо сказано?)... о, я наглец.

Кроме благодарности и любви я тебе еще кое-что скажу, но только в астральном плане – позже. <...>

40

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Без даты]

Я так восхищен фото «Режиссерских тревог»! Виктору [В.А. Громову] ты это послала. И я очень прошу, настоятельно, сильно с соответствующей атмосферой – пришли и мне «Режиссерские тревоги».

Чудесное фото!

Кто снимал?

Тебе самой нравится?

В ожидании.

Высокочитимая фройляйн Бонер!

Меня так сильно мучает, что я изменил все начало, и ваша работа должна быть сделана заново. Это действительно ужасно меня мучает! Что мне делать?

Дитя, милое дитя! Что мне делать? Я скоро пошлю тебе все, что не менялось, и старый мусор тоже! Шли мне скорее твою работу.

41

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

7 января 1933 г.
Каунас

О, мое любимое дорогое парижское дитя! Что мне пишет сегодня Ксения! Ты заболела! Детка, детка, как же я хотел бы прямо сейчас быть рядом с тобой, помогать тебе, хорошенько тебя укутать в твое одеяло, подкрутить отопление в твоей комнате, принести тебе еду, приготовить тебе лимонад, почитать тебе вслух (Dr. St!!!)¹⁴⁷. Детка, я же всегда говорил, что ты страшно неосторожна. Всегда перечить, если родители что-то сказали. Надеюсь, ты спокойно лежишь в своей постельке, и никто тебя из постельки не гонит! Пожалуйста, не вставай слишком рано – это самое опасное.

Мой Жоржетинчик! Я пишу и пишу, записываю, клею и т.д., как безумный. И я по-прежнему ничего не могу тебе послать. Завтра (воскресенье) я свободен весь день и надеюсь многое уладить. О, ты получишь через господина Альберта¹⁴⁸ хорошую посылочку! О-ля-ля! Будь здорова. Пожалуйста. И Ксения не может тебе помочь! Почему ты не осталась на востоке с этой болезнью?

За чудесные «режиссерские радости»¹⁴⁹ – я тебе более чем благодарен! Я глубоко тронут. Ты, детка моя!

42

М.А. Чехов – Ж. Бонер

11 января 1933 г.

Любимая, дорогая детка!

Каждый день я думаю: завтра я напишу Жоржетке кучу всего – и каждый день я вижу – я еще совсем не готов. Пожалуйста, прости! Но когда же я получу твою работу? Мне это должно так помочь. Я надеюсь многое понять, после того как увижу, как ты все сформировала, воплотила. Пришли мне, пожалуйста. Я в нетерпении.

Я тебя люблю, я думаю о тебе, я...

Пожалуйста, еще какое-то время не забывай твоих серьезно и глубоко любящих тебя восточных друзей.

Я работаю и теперь совершенно терпелив. Ты можешь быть мной довольна. Опиши мне, как проходит твой день? <...>

Твой ВСЕГДА

Отец II

43

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

24 января 1933 г.

Каунас

В спешке на почте

Детка! Только что получил твою работу. Но – начиная с 10-й страницы! Где начало? Потеряно? Или не написано? Очень встревожен.
<...>

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1933]

Моя дорогая дражайшая доченька!

Моя Ундиночка!

Теплоту в нашей брошюре ты можешь создать сама. Да! Да! я тоже стараюсь, где могу, но без совершенного владения языком этого невозможно достичь! (Детка, я люблю тебя горячо.)

За сделанное начало – благодарность. Мне это нужно, и когда я переделаю, то пошлю тебе обратно *сразу*.

За чудесные книги для Ксении и для меня – я кричу тебе: «Детка! Дочка! Ундина! Спасибо, спасибо 103670,12 раз!» Ты такая милая, и я... тебя так...!

Я так надеюсь получить твою работу! О, как я мечтаю! Я жду, жду! Вчера я написал тебе: «не работай, пока я не найду форму» – сегодня я уже жалею о том, что написал тебе это. Но я все же должен сказать – не работай, иначе ты потеряешь слишком много времени на то, что еще далеко не готово. И не забывай твою собственную работу. Но посылать я тебе все равно буду все новое написанное.

Ритм: Ты должна, ты – ты – ты выбирать цитаты. Кто же еще? Кто знает такое количество мировой литературы? Кто знает лучше тебя, о чем идет речь? Кто знает так много языков? Кто..? В общем – ТЫ!!!

Так что я продолжаю верить в тебя, ты мне сразу же скажешь, если работа тебе... и т.д. <...>

Тревоги твоего Папы II:

Пожалуйста, огради себя от всех V.B. «Даниэль», «Давид» **коммент?** (которых я не знаю). Ты слишком доброжелательна. Одного опыта в этом направлении достаточно.

Всерьез довольно!

<...>

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1933]

Моя (в порядке исключения) теплая изнутри Ундиночка!

Дорогое дитя!

Детка!

Когда ты получишь отправленное вчера (ты уже получила это от м-р Бонера) – ты больше не будешь утверждать, что я владею немецким языком.

Немецкий язык – владеет мною!

Детка, детка!

Унд, Киндина!

Кунд, Индина!

Инд, Кундина!

Если бы ты только знала, что ты делаешь для меня, когда ты говоришь, что написанное мною близко твоей душе! «Будто бы из моей души написано!» Ты это говоришь! Мне нужна смелость, и ты мне ее даешь. За это я тебя буду благодарить еще тогда, когда мы оба будем обитать в других сферах. Ты есть разные возможности проявить свои чувства. Здесь это немного сложно.

Дитя!

Дитя!

Меня зовут (с двух сторон) в... Париж... снимать кино... что? Испугалась? О нет, это же еще совсем не конкретно! Когда чего-то так так желаешь, то это как раз и не происходит. Так что будь спокойна...

После твоих слов о необходимости переделать и еще неготовый материал я стал спокоен и, главное, счастлив! Никаких возражений с моей стороны! Ура!

[РИСУНОК Чехов внизу у пирамиды – наверху фигура (м.б.,

Жоржет)]

Кто уже так далеко ушел вперед?

Кто остался позади?

Я очень тебя благодарю за то, что ты сняла с меня самую серьезную мою заботу. А за [нрзб.] слова я тебе говорю ясно и серьезно:
---- !! --- !-----!!!

<...> Палестинский вопрос¹⁵⁰ пока что совершенно темен. Бен-Хаим¹⁵¹ уехал и будет там разговаривать со своими. Они хотели бы, чтобы я ехал сейчас. Этого я не могу, и он будет еще разговаривать.

<...>

С отцовской любовью

И восточной страстью

Приветствую тебя

Твой Отец II

Когда я получу твою работу?

<...>

Я и не знал, что мой дядюшка был Ромео! Теперь я понимаю, что такое наследственность. Дарвин был совершенно прав. <...>

Папа II

46

М.А. Чехов – Ж. Бонер

Воскресенье вечер 1933 г.
Каунас

Благодарю тебя за твое такое милое письмо, дорогая Жоржеточка! Как же это тяжело так долго не иметь возможности ничего, совершенно ничего узнать про своего собственного ребенка! Много ли ты гуляешь? Хорошо ли себя чувствует твоя лапка, не совсем ли ты забыла своих восточных друзей, не...

Ах, как же легко стало читать пишущую машинку! Но жаль: красивого почерка!

Пожалуйста, прими от меня эту бесформенную болтовню в форме письма. Рукопись у меня есть, к сожалению, только со страницы 4б. Так что, когда у тебя будет готово все до этой страницы, шли мне, пожалуйста. Я хочу совсем по-другому говорить про внимание. Не «внутреннее» и «внешнее» внимание описывать, а взять другую форму для истории.

Я снова в Каунасе. Ксения еще на какое-то время останется в Риге. Ковно так бездарно! О, боже!

<...> Если ты вдруг захочешь прекратить работу, которую ты так смело на себя взвалила (это жертва), скажи мне об этом. Я буду спокоен, только если ты делаешь это без ненависти ко мне! Обещай мне сказать, если история тебя начнет утомлять. Теперь я жду описания моего двойника.

О, те мысли, которые все еще парят в твоей (моей) комнате, вытесняются (замечаешь ли ты это?) другими, гораздо более грустными мыслями!

Господин Фома¹⁵² к концу 2 акта очень много занимается мистикой. Он работает теперь как плохой волшебник. (Но теперь уже нет – он сидит в Ковно).

«12 ночь» будет тяжелой работой: актеры играют свински плохо. У них столько же юмора, сколько у меня было при моем рождении. <...>

47

М.А. Чехов – Ж. Бонер

7 февраля 1933 г.

Мое милое, прекрасное парижское дитя, мой младенец, моя кукушка!

Моя дорогая Ундиночка!

Я еще не ответил на твои милые письма. Кроме того, что эти дни были побольше заняты, – я еще стал непродуктивен во всем, во всем, что я делаю. Я глуп (хочу сказать, еще больше) – зол и нервен. Совсем не понимаю,

отчего. Не хочу ничего делать, никого видеть – и каждый день вижу много людей в театре. Но это все небрежность.

Публикацией тех листов, которые ты получишь, – я много занимался. Всегда об этом думал: «о, если бы мое дорогое дитя – думал я – все это однажды опубликовало». Так что видишь – это все же пришло мне на ум! Вперед!

Я ясно вижу тебя в черном пальто. Но я тебе не желаю пережить что-то похожее на то, что когда-то пережил некто, разгуливая в этом же пальто. Упаси тебя от этого бог.

<...>

Очень рад, что ты все поняла про нумерацию. Но в конце я напишу тебе об этом пару слов. Вторая стадия будет полностью переработана (но в настоящий момент, как уже было сказано, идет тяжело) – и наполнена примерами, как посоветовал высокоуважаемый господин Бонер.

Но где же, дорогое мое дитя, страницы 1–10? Я полон ожидания.

Когда, когда они придут? Это должно меня утешить и вернуть мне энергию.

Когда я в таком состоянии, как сейчас (слава богу – все реже и реже), – то не хочу ничего другого, чем... монастырской жизни! Из меня мог бы выйти злой монах. Никакого выхода. С другой стороны, слишком веселый монах.

Детка, детка! Что ты делаешь? Что ты думаешь? что ты пишешь?

Как мне понимать открытку (Италия)?

«Что я хочу»¹⁵³ будет показан между 7–10 марта. После этого будет рижская семинарская болтовня и, возможно, короткое турне в Польшу. Играть у Берзиня [в Национальном театре Латвии] я буду только старые роли. О новых ролях я сейчас совсем не могу думать. Сначала как следует отдохнуть. Эта зима оказалась какой-то тяжелой.

13 февраля сюда приедет Ксения.

Пожалуйста, передай мой сердечный привет дорогому, дорогому

господину Бонеру и твоей дорогой, милой тете.

Не забывай меня

Твой астральный друг и Отец 2

48

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Январь – февраль 1933 г.]

Мое очень любимое, дорогое парижское дитя!

Сегодня пришло милое письмо от тебя. Спасибо, моя Ундиночка! Ты чудо для всех оккультистов: единственная Ундиночка, у которой есть собственное внутреннее тепло. И я первый, кто это открыл! Я поздравляю самого себя! Спасибо!

Дитя! да, да, да! Определенно – да! Почему ты не шлешь мне свою работу? Я тебя так просил. Или мои немецкие письма невнятные? Нет, правда? Детка, если бы ты знала, как я жду. Так что: шли, пожалуйста, немедленно.

Меня очень опечалило твое сообщение о смерти Высоцкого¹⁵⁴. Он в моей памяти связан с тобой. Что теперь делает семья? Могут ли они существовать? Отчего он умер – напиши мне об этом.

Я так рад, что мое дитя снова здорово! О, мое дитя – любит жизнь, – это так хорошо, и так правильно для него. Хорошо, хорошо! Поэтому мое дитя так живительно действует на всех людей. (Не только поэтому, но об этом в других сферах.)

Приеду ли я в Париж – еще под очень большим вопросом. Как бы я хотел! Не эвакуируй пока что мою комнатку (ох!), но как я ясно представляю себе свою комнату. Спасибо тебе, когда я думал о твоей болезни, я всегда представлял себе тебя в твоей комнате, но не в моей. Так что мое астральное тело все еще, все еще живет там, рядом с... тобой!..

Передай, пожалуйста, сердечнейший привет от меня дорогому, высокоуважаемому господину Бонеру и твоей дорогой любимой тете!

Возможно ли это, что твой папа и твоя тетя помогали тебе почти так трогательно, как Ксения? О! Я немедленно (т.е. завтра) пошлю ей твое письмо! Ундиночка, где ты! Как тебя можно увидеть? Когда?

Вопрос пирамиды: сильные, мощные противоречия! Я люблю правду и поэтому должен возражать!

Дай, дай мне мужество! Мой сосунок на материнской груди. Иногда мне кажется (и все чаще), что писать совсем не обязательно. Почему?

1. Автор сам не умеет ничего из того, о чем он пишет. То есть – все из головы.

2. Все так не готово в авторском сознании, что перед написанием нужно провести много лет в экспериментах.

3. Для круга читателей это слишком сложно и неинтересно.

4. В эти дни прочел, что Станиславский подготовил 5 книг о театральном искусстве. Ему есть что сказать! Это честно! Он всю свою жизнь экспериментировал и только теперь готовит свои 5 книг. Это серьезно!

и т.д., и т.д.

Мужество, мужество, помощь, мужество!!!!!!

Я согласен со всем, что делает мое дитя. Поэтому шли скорее свою работу.

Я теперь все делаю сам (даже ложусь в постель)! Но во мне все время что-то вздыхает! Где Ксения! Ах, скоро ли она приедет?

Спасибо за известие про «Болезнь молодости» и особенно про «Здоровье молодости», Ундиноч-ч-ка!

Детка, будет ли 20-го празднование дня рождения господин Бонера? Будет ли много гостей? Будет ли господин Бонер во фраке? Что ты наденешь?

Как полон жизненных сил:

Théâtre Tchekhoff в Théâtre de l'Avenue* – я получил оттуда сегодня письмо – и что за письмо! Такое милое и теплое! – х!.. х...!

Я целую твои лапки и остаюсь всегда твой астральный сосед в моей комнате.

Будь здорова, пожалуйста, больше никакой температуры!

Твой Папа 2

Пожалуйста, сделай фотографию почтовой машины Альберта. Пошли мне.

49

М.А. Чехов – Г. Бонеру

[7 февраля 1933 г.]

Дорогой господин Орсино!

Я был очень рад получить от вас письмо. К сожалению, я не так хорошо, как вы, пишу по-немецки, но надеюсь, что вы тем не менее меня поймете.

Смотрите: я пошлю фройляйн Бонер отдельное разъяснение и все, что необходимо, чтобы навести порядок. Но сначала я должен сам себя отчасти привести в порядок после прочтения всего. На меня это произвело странное впечатление. В мыслях я, дорогой господин Орсино, представлял себе эту брошюру несколько по-другому, чем она есть в реальности.

Пожалуйста, передайте мои приветы высокочтимой фройляйн Бонер и сделайте так, чтобы она не слишком много занималась спортом со своей больной ножкой.

Ваш Миша

50

М.А. Чехов – Ж. Бонер

8 февраля 1933 г.

---

* Театр Чехова в Театре д'Авеню.

Детка! Грудной ребенок!

Прости мне мою вчерашнюю глупость! Ксения написала мне, что ты удовлетворена моей работой. Я так рад! Сегодня я снова бодр, высокомерен, весел и работоспособен.

Всегда твой

Отец 2

Специальный выпуск – о восторге!

Детка, а ты сама в восхищении, удивлена? Речь идет о твоём сочинении! Я совершенно удивлен, обрадован и... пристыжен! Уже много лет назад тобою было так кратко, афористично, так умно сказано все существенное! И ты так долго молчала?!

Что все это значит? Это значит, что в воздухе эти идеи уже присутствуют. Хорошо. Хорошо, что так. Не странно ли, что я тебя встретил? О, мудрое провидение! Я должен был поделиться своей радостью с Ксенией и послал ей твоё сочинение. Ты скоро получишь его назад.

Спасибо.

Читал ли господин Бонер твоё сочинение сейчас?

51

М.А. Чехов – Ж. Бонер

11 февраля 1933 г.

Суббота

Каунас

Очень рано.

Доброе утро, моя дорогая парижская деточка, доченька!

Как ты поживаешь? Где ты теперь? Может быть, уже в Давосе? Тогда мой утренний привет немножко запоздает. Пожалуйста, скажи мне, как чувствует себя твоя лапка? Больше не болит? И выглядит хорошо? Почему господин Бонер пишет, что ты не можешь заниматься зимним спортом?

Завтра или послезавтра Ксения придет сюда. Сегодня ветрено и

прохладно. Я сейчас пойду театр и буду делать там что мне угодно¹⁵⁵.

Высокочтимому, дорогому господину Бонеру передаю приветы от всего сердца. Твоя дорогая тетья, наверняка, уже не в Париже?

Твой Отец II

52

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

12 февраля 1933 г.

Каунас

Haus Boner Davos Platz, Suisse

Мое дорогое дитя! Пока что только одно слово. Но какое слово: спасибо за твое письмо! Я пришел в такое воодушевление (из-за тебя, определенно), что сразу многое написал заново. Какой интересной станет для меня работа теперь, когда у меня есть твои бумаги как материал. Я получаю благодаря твоей работе важное представление о том, что должно произойти с брошюрой. И как бы я хотел поговорить с тобой, услышать твои предложения, но, увы, это пока невозможно. Я благодарю тебя от всего сердца и так радуюсь! Тебе никто еще не говорил, что ты крылатое создание? Нет? Странно!

То, что ты как лев сражалась с «Авторами»¹⁵⁶, – меня совершенно потрясло. Как мне благодарить тебя? Скажи, как? Вопрос: то, что на вопроснике ты отметила красным, нужно ли мне это стереть? Я не понимаю смысла этих красных штрихов. Пожалуйста, напиши, или телеграфируй, «стирать» или «не стирать», или что-то в этом роде в стихах. Извини мою глупость. Никаких пьес Чехова здесь не было. Все рассказы. Передай от меня, пожалуйста, большие приветы твоей дорогой тете и дорогому, высокочтимому господину Бонеру. Всегда твой

О. 2

М.А. Чехов – Ж. Бонер

19 февраля 1933 г.
Каунас

Haus Boner Davos Platz, Suisse

Дражайшее мое дитя! И Инхен **коммент?!** Я так долго не писал тебе, потому что все время надеялся: скоро моя посылочка будет готова, и тогда я напишу. А это идет медленно, и я хочу тебе «в промежуточное время» написать привет! Твою работу, за которую я тебе так благодарен, я внимательно изучил. У меня возникло много пожеланий, но как мы это будем делать? Про все это нужно разговаривать, потому что писать про это невозможно. Мои парижские кинопланы, кажется, не осуществляются, и теперь я совсем не знаю, как мы сможем встретиться?! Пока что я только скажу, моя дорогая доченька, что для наших читателей нужно писать еще популярнее, точнее. Нужно несколько раз повторять и резюмировать. С нашими читателями по-другому нельзя. Я в этом глубоко убежден. Только что мы были у Чюрлениса¹⁵⁷. Теперь в Метрополь!.. за жратвой... Ксения чувствует себя лучше, и я рад, что она здесь. «Что мне угодно» так сложна технически, что я со страхом думаю о дне премьеры. Очень возможно – отложить, я тебе еще про это напишу. <...> Ксения передает привет тебе, господину Бонеру, твоей тете, очень, очень сердечный.

Всегда твой О. 2

Получила ли ты последний пакет в Париж?

Писать нужно как учебник для детей! Это важно!

Как себя чувствует моя детка? Лапка? Легкие? Здоровье в целом?

Пожалуйста, пиши об этом подробно. Достаточно ли тебе солнца?

Возможно ли это по-кошачьи¹⁵⁸, что мы когда-нибудь увидимся?

Что ты читаешь? Я читаю разговоры Эккермана с Гете. В частности, и ради цитат. Очень человечески интересно.

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[до 14 марта 1933 г.]¹⁵⁹

Сердечно тебя приветствует твой О2х12 «Что мне угодно».

Я так радовался, узнав, что ты в Париже, как лев, победила Авторское общество. Да, да, пожалуйста, и напиши, пожалуйста, что тебе причитается. Господину Бонеру от меня приветы и наилучшие пожелания. С благодарностью, с глубочайшей благодарностью. Я хотел тебя саму об этом просить, но я не знал, победишь ли ты это Общество. Мне все время очень больно, что я только отчасти могу исполнить свой долг, но что я могу поделаться! Я очень, очень надеюсь, что дорогой, высокочтимый господин Бонер на меня за это не сердится. А ты должна мне в этом помочь, да? Пожалуйста, пожалуйста, моя парижская детка! Если я должен что-то еще декларировать Авторскому обществу, напиши мне, пожалуйста, об этом подробно.

Что касается брошюры: я в большом отчаянии, как я тебе писал. Там нужно все, и основательно, переработать. Когда я наберусь мужества для этого, мне пока не совсем ясно. В любом случае, в настоящий момент об этом не может быть речи – моя душа (я таковою обладаю) – слишком напугана общим впечатлением. Я не ожидал, само собой разумеется, ничего готового и гармоничного, но такой хаос оказался для меня неожиданным.

Но я пришел к убеждению, что цитаты и конкретные примеры – должны быть выбраны?! Скажи об этом тихонько господину Орсино.

Что касается десятой страницы, я посылаю тебе незаконченное сочинение, которое должно быть размещено перед всем остальным. Кроме того, обрати внимание на новую нумерацию до страницы 212 включительно. Ты, таким образом, получишь представление о том, как это выглядит в данный момент у меня. Но не забудь сначала вставить в брошюру Ромеады – иначе это не совпадет. Пожалуйста, напиши мне свое мнение о моих замечаниях к твоей работе.

Теперь первые слова той десятой страницы, с начала: <...>

V2x12.

В районе 1 апреля я должен еще на пару дней съездить в Каунас.

Пожалуйста, передай мои сердечнейшие приветы твоей дорогой тете.

И еще раз сердечнейшие приветы господину Бонеру.

Будь здорова, радостна, весела и излучай на Восток хорошие чувства и мысли!

М. М.¹⁶⁰ – передает тебе приветы.

Ксении ты снишься.

Виктор и Шура [Громовы] просят меня передать тебе их приветы и наилучшие пожелания. Господин Добужинский делает хорошие успехи!¹⁶¹

55

М.А. Чехов – Ж. Бонер

14 марта 1933 г.
Каунас

Ах!

Мое дорогое парижско-цюрихское-Площадь Давоса-Дом Бонер-Восток-дитя!

[изображение зверя – карикатура Чехова – кричит]

Дитя! Я еще жив! Еще люблю!

Вчера генеральная репетиция. Сегодня премьера. Послезавтра Рига... И потом относительный покой.

[рисунок Чехова: спит в постели]

Из этого относительного покоя я тебе тогда напишу из Риги.

Твою посылку получил с благодарностью. Напишу об этом подробно. Сам над книгой давно уже не работаю. Надеюсь, дальше работать в Риге.

М.М[оргенштерн] приехала. -----!

Я устал, поэтому рассеян.

Но благодарю тебя как ЦЕНТР ПОКОЯ.

Очень недоволен тем, что ты занимаешься спортом и твоя нога тебя беспокоит, крайне неосторожно.

Обнимаю тебя сердечнейше, по-отцовски, по-братски, по-человечески. Еще раз спасибо за посылку, я об этом напишу.

Высокопочтимоу и дорогому господину Бонеру передаем приветы Ксения и я, очень, очень. И, пожалуйста, передай сердечнейшие приветы твоей тете.

Твой всегда

Благодарный

О. П

Ни в коем случае не сердись на меня за такое долгое молчание, было очень тяжело в спешке и нехватке времени сейчас в Каунасе.

56

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

16 марта 1933 г.
Каунас

Сидя на вокзале!

Дитя! Я (и Кс.) передаем тебе сердечнейшие приветы.

Премьера прошла. Все, кажется, хорошо. Рецензии хорошие. (Русские еще не появлялись.) М. М[оргенштерн] тоже здесь!..

Твой всегда О. 2

Горячие приветы высокопочтимоу господину Бонеру и твоей дорогой, уважаемой тете.

57

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Перед Пасхой, апрель 1933]

О, мое дитя! Любимое дитя!

Прежде всего – хорошего, счастливого дня!

Что ж, жду сообщений от тебя! Присылай мне скорее. Когда я приеду из Польши (25), надеюсь, твоя посылка уже будет здесь. Сейчас перерыв! Хотя я пока не могу продолжать работу, мне еще нужно собрать материал и подготовиться к дальнейшей работе. Я жду, жду.

Я так рад, что ты столько храбро сражалась и передала авторские деньги господину Бонеру! Я тебе бесконечно благодарен! Милая моя детка – спасибо! Пауза!

Передай господину Орсино (ах, какая картина!), что я не могу ему сейчас писать, так как меня гложет лихорадка. Высокая, сильная лихорадка путешественника. Уезжаю завтра.

Твоя дорогая, уважаемая тетя совершенно правильно истолковала причину не-работы. Я и сам чувствую себя слишком русским во всем. Может быть, было бы лучше уметь вести себя как еврей в некоторых вещах. Но сейчас ты ничего не можешь сделать. Очень жаль. А если серьезно, то я очень благодарен тебе за добрые и столь необходимые слова о трудностях написания книги. Да, конечно, и терпение, терпение. Все будет хорошо. Потерпи меня сейчас, и все будет хорошо.

Про форму спасибо, хотя потому как «Что» очень сильно зависит от формы, как мне кажется..

Кто такой господин Юрок¹⁶²? Я сейчас ничего о нем не знаю! Напиши что-нибудь про него поподробнее.

К сожалению, я не могу понять всего, что ты говоришь о моих заметках. Пришли мне страницы, которые я тебе переслал.

Значит, не SOS? Ну и хорошо!

Так что очень тебя прошу – пришли мне немедленно свою большую посылку.

Господину Бонеру мои самые сердечные, наилучшие пожелания счастья и радости. И спасибо за все, за доброту, за его большое сердце. Пожалуйста, передай привет своей дорогой, дорогой тете.

Увижу ли я тебя еще когда-нибудь?

Твой в любви, лихорадочный Западно-восточный диван¹⁶³.

Сердечные приветы от Ксении

М. М[оргенштерн] – тоже. Семья Громов – тоже.

На Пасху – много сил, счастья, радости.

Должен ли я ехать в Палестину? Скажи.

58

М.А. Чехов – Ж. Бонер

5 мая 1933 г.
[Рига]

Моя дорогая, любимая детка, моя кукушка!

Наконец – наконец я могу написать тебе письмо. Во-первых, спасибо за твою посылку. До сих пор, к сожалению, не было возможности прочитать, что ты пишешь – но завтра (сегодня лекции и школа) начну и с радостью это просмотрю. Я живу в предвкушении удовольствия, источник которого, конечно, ты! Детка, детка! Однако есть у меня одна мысль: не правильно ли было бы начать с первого этапа и описать все так, как если бы вся брошюра была описанием проблемы. Напечатать другим шрифтом, все теоретические упражнения по-прежнему могут оставаться в качестве приложения. Все четыре этапа, взятые за основу, должны представлять собой переложение «Короля Лира» в современное произведение. Итак: практикуюсь и практикуюсь. Теперь ты должна сказать, хорошо и правильно ли это, а также посоветовать, какое современное произведение я должен использовать в качестве примера для брошюры?

В Польше все «моральное» было очень хорошо. Больше всего покойный Мармеладов¹⁶⁴, принесенный кукушкой, ему удался! Я не могу избавиться от этих фантомов! Только представь! Польки не такие красивые, как... другие...

В Литве сейчас очень плохо с деньгами, и думаю, я это сильно почувствую.

Большое спасибо за все твои добрые, утешительные слова, которые ты всегда для меня находишь. Мое сердце всегда сильно преисполняется и остается таким навсегда.

Евреи со всего мира сейчас собираются в Палестину и рассчитывают на меня (с моим секретарем). Seriously: я еще не получил ответа из Палестины. Надеюсь, в эти дни узнать что-то конкретное.

В школе время экзаменов.

Семинар –

Каунас – репетиции «Ревизора»¹⁶⁵.

Усталость.

Иногда – уже бессонница. Мне срочно нужен отдых, отдых, отдых.

Всегда твой, с глубочайшей любовью, восхищением и благодарностью.

Даниэль коммент, почему такая подпись?

Я хотел бы попросить передать привет уважаемому и дорогому господину Бонеру от меня и моей жены (ее зовут Ксения). Я лучше всего вижу это образно? на картинках: господин Бонер после обеда на диване и: мы гуляли с зажженными сигаретами.

Образ монаха прекрасен!!! Ах, какие желания пробудились в моей душе!

???

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Май? 1933 г.

Рига.]

Здравствуй, моя дорогая дочь Давоса!

<...> я должен прочитать брошюру Виктору [В.А. Громову]. Начав, я стал впадать в такое отчаяние, что теперь думаю, стоит ли мне продолжать в том же духе. По крайней мере, не сейчас.

Содержание еще далеко от завершения, так что почти все приходится делать с самого начала, но я уже слишком устал для этого. И потом, форма мне совсем не нравится. Нужно найти особую форму, иначе это не будет хорошо звучать. Какой может быть форма? Мнение Виктора по этому поводу мне пока неизвестно, потому что мы еще не совсем закончили. У писателя это непременно должна быть художественная форма. Но я не писатель, не ученый, а промежуточных форм, видимо, не бывает. Что должно произойти? SOS! Пока я сижу (лежу) в таком отчаянии – мне тоже придется помолчать и о твоей работе, хотя я начал новое сочинение с твоим текстом. Это должно до поры до времени ждать своего часа, пока я не получу какое-нибудь объяснение.

Неантропософский текст идет ужасно медленно.

Но зачем ты читала «Как работает карма»? Что говорит об этом твоя душа? Просто дай мне знать – очень интересно. Как долго вы будете в Давосе?

Твоя задняя лапка? Как себя чувствует? Осторожно!

«Как вам это понравится» – были неплохие отзывы, но как примут зрители – пока неизвестно. Господин Жилинский об этом не пишет. Спектакль красивый с точки зрения декораций, но игра актеров могла быть и лучше. Но – «терпение», сказала ты мне. Хорошо. Я терпелив.

Целую твою лапку, благодарю за все и передаю наилучшие пожелания твоей дорогой тете и столь дорогому, доброму господину Бонеру. Будем надеяться, что все вы такие родные, но, к сожалению, такие далекие, здоровы и счастливы. Мы с Ксенией так часто вспоминаем о вас с любовью, благодарностью и тоской. Мы еще увидимся? Мы оба увидим вас?! Ах, ах, а... х...

Возьми меня в свой дом пуделем! И мою жену пуделихой.
Пожалуйста.

Всегда твой, так любящий тебя

О. 2

Пиши в Ригу, потому что я остаюсь здесь.

О. 2.

60

М.А. Чехов – Ж. Бонер

26 мая 1933 г.
Каунас

Моя драгоценная деточка! (восклицательный знак был поставлен намеренно).

<...> Да, да! И на этот раз моя кукушка была права. Этот... ну... как его зовут?.. Мармеладов... принесите ему мою кукушку... он еще жив!.. (но не сейчас...)

Ах, этот экзамен! У нас из школы отчислено 12 детей! Осталось более 40 человек. По какой причине? Бедные люди.

Спасибо, дорогая, за поиски современного произведения, за советы и за большую посылку (далее об этом).

Итак, сейчас.

Детка! Ты глубоко тронула меня, доставила огромную, сердечную радость своими столь прекрасными и столь ясными замечаниями о Швейцарии. Ты даже не представляешь, что значат твои

слова для меня. Об этом я хочу рассказать дальше и подробнее внятными словами!

Моя любимая детка, кукушка, ундина, Жоржеточка, я ценю твое предложение (правильное по смыслу). Я с благодарностью пожимаю твою лапку и говорю: если твое сердце и дальше будет искушать тебя делать такие вещи, то не забывай меня больше. Почему «дальше»? Потому что я уже взял на себя обязательство провести следующий сезон здесь, в Риге. Так должно быть какое-то время, потому что долги когда-нибудь должны быть погашены (хотя я сейчас испытываю много неожиданных финансовых неудобств в Риге).

Детка, детка, надеюсь, однажды я буду сидеть рядом с тобой в полутемной комнате. Но это должно быть то, что ты захочешь. Однако это то, чего я давно хотел. Мои сомнения носят чисто внешний (финансовый) характер, и я надеюсь, что однажды они тоже будут преодолены, и тогда я стану твоей тенью до тех пор, пока ты будешь с этим мириться. Ты поняла меня, дитя моей души? Спасибо, спасибо от души-сердца-сердца!

Поэтому я живу надеждой. Но я желаю тебе столько радости и успехов в твоей работе, сколько... чтобы...

Извини; я не спрашивал госпожу Моргенштерн об отправке книги. Почему?

Но ее адрес – Германия, Земля Фюрстенфельдбрук. Верхняя Бавария. Брайтбрунн-ам-Аммерзее.

Я приехал в Каунас сегодня утром. (Поэтому я могу, наконец, написать тебе, дочурочка), и госпожа Морген [знак звезды] поехала дальше на этом же поезде¹⁶⁶.

Теперь несколько слов о твоей посылке. Жаль, очень жаль, что мы не можем об этом говорить. Писать о таких прекрасных вещах невозможно. Поэтому только обще, крупным планом. Прежде всего, я хочу еще раз поблагодарить. Во-вторых: мне все же очень жаль, что ты

так много сделала, но, поскольку я должен переработать всю брошюру от начала до конца, твоя работа, как я уже писал ранее, является преждевременной! Тебе не жалко себя? Я восхищаюсь твоим характером и люблю его.

От всего что касается тайн языка, я избавлюсь от новой редакции.

Великий урок доктора Штайнера нельзя передать полностью. Его надо изучать в оригинале, тогда он может пригодиться актеру. Даже в твоём «исполнении» его наука настолько кратка, что читатели не могут ею воспользоваться. И: все от Д-ра Штайнера, обретенное духовно, требует абсолютно точного воспроизведения. Но это невозможно для меня, потому что я не ясновидящий и могу кое-где согрешить. (Ты тоже местами грешешь.) Из собственного опыта, но я не могу дать читателям практических советов в этой области речи, потому что сам не практиковался. Остается только указать читателю на первоисточник. (Дело осложняется еще и тем, что из всего того, что Д-р Штайнер дал от духа, действительно понять можно лишь учение о тайнах речи.) Что же до дальнейших дел, то это странно: чем больше мне нравится твой красивый, умный перевод, тем меньше я удовлетворен смыслом дела, содержанием. Из-за ясности структуры предложения содержание для меня всегда уменьшается. Понимаешь? Но так как я буду делать все иначе, то не совсем искренне опечален таким впечатлением. Возможно, наоборот: через твою ясность мне становится видна и расплывчатость моего содержательного материала. Также: по опыту работы с местными актерами (Каунас), я прихожу к выводу, что им нужны гораздо более элементарные и простые вещи, чем то, что написано в брошюре. Им нужны вещи, которые для меня, ученика Станиславского, давно стали само собой разумеющимися. Вот почему я хочу тебя спросить: не повременить ли с брошюрой, пока Станиславский не издаст свою книгу, где каждый актер сможет узнать хотя бы самые элементарные, но принципиальные вещи? Понимаешь?

Почему глава про атмосферу так сокращена? Или мне это только кажется, потому что у меня нет с собой рукописи? Я не буду говорить о сложности твоего стиля, потому что в любом случае вся структура книги будет коренным образом изменена. Всегда думай о каунасских актерах! Однажды ты так мне помогла, сказав, что нужно набраться терпения с каунасскими актерами, потому что они не могут быть гениями. Так же и с тяжелым стилем письма. Они не могут (и не являются) такими умными и опытными в чтении.

У меня есть еще одна серьезная проблема. Сегодня в Германии не нужна такая книга, как эта брошюра. Что ты об этом думаешь?

Так что моя дорогая, хорошая, созидающая дочурка! Я не могу обсуждать все детали твоей рукописи. Все, что меня осчастливило, восхитило, одалило и обогатило благодаря твоей работе, я принимаю с большой сердечной благодарностью. Если дойдет до этого, я также уточню то, что нахожу спорным и сомнительным. Не знаю, смогу ли написать этим летом, потому что мое лето, увы, будет слишком коротким: а) в июне очередной курс-семинар для провинциальных латвийских актеров и б) подготовительная работа над... оперным спектаклем... который я получил! Ты слышишь? Ты понимаешь? С моим ухом! С моим оперным опытом? О, дитя! Твой Отец 2 стал слишком храбрым! Но жизнь требует этого. Итак, опера! (Я так плохо пишу, потому что у меня немного трясется рука – я не совсем здоров – может быть, простуда. Не пиши об этом ни слова Ксении! Ради бога!)

Благодарю, преклоняюсь и люблю тебя, дочь моей души, желаю всего, чего желает тебе собственная душа.

Пожалуйста, передай мой сердечный привет, уважаемому и любимому нашему господину Бонеру.

Твой, всегда твой

Отец 2

С 1 июня (может быть) я вернусь (надеюсь) в Ригу к моей любимой жене Ксении.

Пожалуйста, извини меня, Жоржеточка, за такое долгое, долгое, но невольное молчание.

P.S. Это письмо было написано с перерывами – не за один день.

61

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

24 июня 1933 г.
Каунас

Любимая, любимая Жоржеточка!

Завтра генеральная репетиция, послезавтра – премьера. Жаль, правда, жаль, что ты не можешь быть в эти дни здесь и радовать меня. Ты приедешь к нам в Ригу? Когда? Пожалуйста! В среду я надеюсь поехать в Ригу. В Литве я больше работы не получу!

Твой О. 2

Детонька, не забывай меня!

62

М.А. Чехов – Ж. Бонер

26 июня 1933 г.

Как мне не поразиться твоему характеру. Например: ты пишешь о человеческих эмоциях... – Театр д'Авеню! Эх, ты! Столько лишений и так мало ненависти к преступникам! Вся эта история до сих пор смущает меня. Ты только подумай – столько наговорено, столько обещано и НИЧЕГО не сделано! О, жалость. Но будь спокойна – необходимая месть через муки совести была и есть.

О, детка, моя дорогая детка!

Что ж: два места зарезервированы на премьеру «Ревизора». Одно место для Ксении, другое??? Ответь, пожалуйста.

Прилагаемое письмо из Парижа должно быть «переведено» и отправлено обратно.

<...> Я уже писал тебе о главе про речь, что хочу полностью ее избежать. Но твоя идея должна быть воплощена и все же остаться. Было бы здорово.

Уважаемый эксперт! В конце концов, русские дамы такие же, как и нерусские дамы. Пожалуйста, сообщи своим клиентам. Нужно просто сохранять сознание до самого финала. Просто нужно знать, чего на самом деле хочется.

Собачка Коко доставила мне массу удовольствия. Я страстно целую это существо! Ты берешь его с собой в машину, когда идешь на прогулку?

Для меня господин Альберт и госпожа Клементина¹⁶⁷ подобны двум сказочным персонажам <...>

Прежде чем я умру, я обязательно снова испытаю пл. Ламартен, 3 счастье. Я могу надеяться? Да? Нет?

Я очень тебя прошу, деточка, передавай наши сердечные приветы многоуважаемому господину Бонеру и скажи еще раз СПАСИБО ОТ ГЛУБИНЫ И ОТ ПЛАМЕННОГО ЦЕНТРА СЕРДЦА МОЕГО!

Всегда твой афганизированный **что это значит?** отец 2. Татьяне Петровне мой сердечный привет.

Ксения приветствует пл. Ламартен, 3 и испытывает ТОСКУ так же, как и я.

[На обороте красным карандашом]:

Мое любимое, дорогое душевное дитя! Наконец-то у тебя есть карманные деньги! Хорошо. Я хочу сказать: я счастлив! О-ля-ля!

Я очень рад, что ты умеешь писать главы про речь, но я пока далек от того, чтобы писать сам, – не сердись на меня за это. Ты должна

быть немного русской. Не так ли? Но это случится, поверь мне. Это (разумно говоря) – РИТМИЧЕСКАЯ пауза. Хочешь сказать: душа ленивое состояние трещины расслабления <?>. От души звучит: «ах ты, поганый воробей»! <...> Но правду надо говорить.

Очень благодарю за то, что сообщила моему дорогому, доброму, многоуважаемому господину Бонеру известие об Обухове¹⁶⁸. Обухов у вас обедал? Что ему понравилось? Искусство рыбы Клементины¹⁶⁹? Какое? Пожалуйста, опиши точно!

Лекции здесь: компания такая приятная, такая внимательная, такая милая, отзывчивая! Гораздо, намного лучше, теплее, симпатичнее, чем в Риге. (Но, бывало так и в Риге, ничего плохого сказать не хочу.) Виктор [В.А. Громов] объясняет, как пьеса должна быть проработана по ролям, а я рассказываю, как пьеса должна развиваться сама, и даю такое количество упражнений, что его (слушатели) сильно потолстели (я, однако, тощий):

КАРИКАТУРА – ТОЛСТЫЕ АКТЕРЫ – ТОНЕНЬКИЙ ЧЕХОВ

О. П

63

М.А. Чехов – Г. Бонеру

3 августа 1933 г.
Юрмала
«Замок у моря»

Многоуважаемый и дорогой господин Бонер!

Не знаю, смогу ли я еще написать вам! Прошу извинить меня за долгое молчание. С одной стороны, внутренне немного беспокоили два новых для меня вида работы, за которую я брался: руководство оперной школой, как вы уже знаете, постановка оперного спектакля. Но это только одно. С другой стороны, я, к сожалению, русский человек,

который думает: да, сейчас бы написал, письмо будет написано сразу... и о чудо – время пролетело ужасно быстро!

Мне осталось «жить» всего две недели. Скоро возвращаюсь к работе. Благодарен своей судьбе за это. Хотя я бы лучше пошел в монастырь в Эстонии (в тот самый монастырь, где фройляйн Жоржет была с Ксенией).

Закаты... я не говорю восходы... те, что я встречаю здесь, так прекрасны, что я все думаю, не взяться ли мне за кисть... В Каунасе я пытался брать уроки рисования. Но эти добрые силы шепчут мне изнутри: хватит всяких проб и ошибок – надо как-то делать то, что можешь. И я подчиняюсь этому вдохновению. Меня утешает ощущение, что есть вещи, которые можно передать только со сцены. С другой стороны, я точно вижу, что сцена в ее нынешнем виде не хочет развиваться дальше и подниматься к более высоким задачам, и от этого я чувствую, что сижу между двух стульев. Фройляйн Жоржет не может признать это в такой мере, как я делаю это вполне ощутимо и живо (а также болезненно). В России, как я часто слышу, театральное искусство находится на высоте, но я знаю, как оно «цензурируется» и «вдохновляется». Итак, нам нужно ждать – что будет!

В Каунасе мне сейчас предстоит поставить «Ревизора». Потом вернуться в Ригу, и буду вести здесь театральную и оперную школы. Потом «Волшебная флейта»... о! что мне делать с бедолагой?.. Потом, может быть, два-три спектакля в местном «Дайлес-театре»¹⁷⁰, где собраны лучшие актеры. Эта работа должна быть интересной. У господина Громова достаточно работы, слава богу. К счастью, пока что шовинизм здесь почти не заметен. Надеюсь, так и будет. В Литве, напротив, меня почти каждый день ругают в газетах и пишут, например: «Он получает столько-то и столько-то гонорара – сколько сена наш фермер должен продать, чтобы получить его месячный оклад!»

Уважаемый господин Бонер, я заканчиваю свое письмо самыми теплыми, сердечными пожеланиями крепкого здоровья, мира и счастья!

Ксения, которая вам очень-очень кланяется, так же, как и я, интересуется, приедет ли к нам еще наша дорогая фройляйн Жоржета?! Как бы это было приятно для нас обоих.

Пожалуйста, примите мою глубочайшую благодарность за ваше недавнее письмо.

Ваш, всегда благодарен вам

Михаил Чехов

[По-русски:] Ксения Карловна и я кланяемся низко дорогой и глубокоуважаемой Татьяне Петровне.

64

М.А. Чехов – Ж. Бонер

14 сентября 1933 г.
Рига

Приветствую тебя, моя любимая, дорогая детка!

Твое последнее сообщение о здоровье господина Бонера было обнадеживающим. Я очень надеюсь, что все уже улажено, и дорогой господин Бонер больше не болеет. Пожалуйста, передай мои самые теплые, самые сердечные приветствия господину Бонеру. И от Ксении.

Детка, ты сама здорова? Ты совсем забыла меня?

Сначала о сегодняшнем сне.

Ксения много лет изучала медицину. Хотела быть врачом. Теперь ее учеба закончилась. Вот ты приходишь и говоришь, что Ксения не может быть врачом. Настроение унылое. Я прихожу к тебе и говорю – хочу быть монахом. Ты говоришь: ты никогда не сможешь быть им. Мне нельзя молиться, стоя четыре часа в день! Дитя! У меня такое

тяжелое ощущение во сне: как будто, в конце концов, нам с Ксенией больше нечего делать! Посмотри, как ты отнеслась к нам обоим!

Дорогая деточка. То, что я сейчас пишу (пишу, потому что «Парсифаль» отнимает время) – всего лишь ритмическая тема. Все с этой точки зрения. Много из того, что я написал по-немецки (насколько проще по-русски!) – полностью отброшено. Очень короткое сочинение. Боюсь – слишком коротко – нецелесообразно – короче. Все, что я получил от Станиславского – не упоминается – потому что нужно выразить по-своему. А также все, что пишет Д-р Штайнер о буквах и движениях, – не воспроизводится, и упоминаются только литературные произведения Штайнера по этим вопросам. Ничего про «индивидуальность», ничего про четыре этапа, никаких упражнений и т.д. Только: ритмизация исполнения. Три новых примера: из «Иоанна Грозного», «Мещанина во дворянстве» – комическая ритмизация, и «Золотого коня» Райниса (латышская сказка). Я хотел показать тебе все. Некоторые моменты действительно интересны. Все примеры короткие, но описание делает их столь длинными. (Ты еще понимаешь мой немецкий – я совсем отвык.)

Мне кажется, что между Г. Б[онер] и М. М[оргенштерн] возникла интенсивная переписка?!... Гм... гм...?

Я еще не говорю по-латышски, но по-божески – да!

Да, да «история театра» – это иллюзия! О, да!

Теперь самое главное: ты пишешь о своей работе с черновиком брошюры. Детка! Это мне очень интересно. Но есть вопрос... «тогда возникает большой вопрос»... Не могу угадать. Пожалуйста, задай мне вопрос подробно и как можно скорее! Это моя большая просьба. Теперь у меня к тебе вопрос: если ритмическая тема пишется отдельно, то что должно быть с остальным материалом?

Твое настроение... Я, конечно, не спрашиваю об этом... но я хочу от всего сердца, чтобы ты чувствовала себя хорошо и счастливо.

Любимое, любимое дитя. Твой О.2. приветствует и всегда любит тебя! Не забывай обо мне.

«Село Степанчиково», возможно, существует только у Гришина. Но Павлов, который тоже играл здесь «Фому», – все изменил, и я не знаю, как обстоят дела сейчас¹⁷¹.

Ксения передает тебе и господину Бонеру самые наилучшие пожелания. Если захочу, то очень точно, сильно и конкретно прочувствую атмосферу пл. Ламартен, 3 – Рай.

65

М.А. Чехов – Ж. Бонер

15 сентября 1933 г.

Все еще Каунас

Моя дорогая, драгоценная, хорошая деточка!

Я так давно тебе не писал. Почему?

1) С 10 до 2 репетиции «Ревизора».

2) От 2 до 6 ½ очень сложная работа с профессором искусств Добужинским¹⁷². Обед.

3) С 7 по 11 – «Ревизор».

И так каждый день. Может быть, еще слишком рано, но я должен сказать: я уже устал. (Усталый, но энергичный!) Вот причина моего молчания. Но ты так велика, что я не злюсь на это невольное молчание.

В конце месяца я приезжаю в Ригу и... заколдовываю свою флейту. С книгой... да, был перерыв. И правильно, по многим-многим причинам. Время многое мне поведало об этом. Это должно случиться один раз, но не сейчас и не в такой форме.

То, что Ксения в Нижнем Линдау¹⁷³ – делает меня чрезвычайно счастливым. Я очень надеюсь, что это ей поможет.

Просто напиши мне одно слово «не злюсь», и я буду благодарен. Я совсем не спокоен. Будь так добра, напиши!

Пожалуйста, передай привет господину Бонеру, которым я искренне восхищаюсь.

В спешке,
Всегда твой

O.2

Что делаешь?

Что пишешь?

Что читаешь?

Куда едешь?

У тебя есть театральные планы? Какие?

Ты все время в Париже?

Господин Бонер останется в Париже?

Где сейчас фройляйн Алис? Пожалуйста, передай ей мои наилучшие пожелания.

У меня есть несколько книг о Египте и, представь, нет времени даже листать их! Но «Волшебная флейта» должна быть исполнена в ноябре! О, горе!

66

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

20 сентября 1933 г.

Среда
Каунас

Мое любимое дитя! Какое сильное письмо получил от тебя твой O.2! Он был раздавлен и уничтожен! Дитя, не сердись на меня. Я всегда верен тебе, и тысячи километров и неловкое молчание не изменят мою душу!

Детка, детка!

Через несколько дней я покину Ковно навсегда: побежден и должен уйти. Грустно. Похоже, что-то подобное происходит и в Латвии, но, слава богу, пока не так сильно, и я надеюсь, что все останется как прежде. Посмотрим.

Деточка, чем ты занята? Скажи. Когда тебе будет хорошо, напиши мне в Ригу.

Любимому и уважаемому господину Бонеру от меня сердечные приветы.

Всегда твой О.2

67

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

24 сентября 1933 г.

Послезавтра премьера¹⁷⁴. Я больше не получу работу в Литве!

Твой О.2

68

М.А. Чехов – Ж. Бонер

18 октября 1933 г.

Рига

Моя любимая, дорогая Жоржеточка!

<...> Твое настроение меня беспокоит. И как долго оно тянется. Конечно, я не спрашиваю, почему так, но я желаю тебе всего, что приносит облегчение и радость.

Любимая детка, вот последние новости:

1. Вместо «Волшебной флейты» сначала будет исполнен «Парсифаль» (того же оперного режиссера)!!

Да, нужно иметь храбрость, зная обстоятельства. Без этого сегодня было бы невозможно.

2. Начинается изучение латышского языка. Почему? Националистическое настроение здесь против меня довольно заметно. Нужно сделать что-то, чтобы смягчить это настроение.

3. Ваш друг господин Жилинский больше не директор театра! Его истошили интриги, положение теперь совсем печальное.

4. Премьера «Ревизора» в Каунасе имела большой успех у публики и хорошие сборы, но получила неслыханную брань в свой адрес в так называемой «прессе». Все против меня лично. (Конечно, и против Жилинского, пригласившего меня.) Что касается меня, то наплевать на эту ругань. Что касается господина Жилинского, то во многом виноват он сам: его грубость нажила ему столько врагов.

5. Книга (брошюра) лежит как камень! Но на днях пришел русский издатель (у нас в Риге) и попросил передать ему «Путь актера». Не хочу этого, потому что все было написано в России и слишком лично. Но я предложил другое: небольшую тему из книги (брошюры). Может быть, если время позволит, я скажу несколько слов об «атмосфере» или «ритме» по-русски. Ее хотят опубликовать к Рождеству, но я не знаю, хватит ли времени. Посмотрим.

Дитя, любимое, дорогое дитя! Чем ты сейчас занята? Что ты пишешь? Что ты читаешь? В нашей школе мы (я) готовим «Зеленого попугая» Шницлера. У Виктора [В.А. Громова] уже готова премьера в опере («Корневильские колокола»)¹⁷⁵. Русская пресса (вероятно, под влиянием господина Гришина¹⁷⁶) его ругала – латышская хвалила. Хотя это не так весело, как «Сильва»¹⁷⁷.

Мое любимое дитя: незабудка <рисунок: цветок>

Всегда твой в любви и поклонении

O.2

Многоуважаемому господину Бонеру мои сердечнейшие приветы.

Мы с Ксенией всегда надеемся, что ты нам однажды позвонишь!!!

69

М.А. Чехов – Ж. Бонер

16 декабря 1933 г.
Рига

Моя любимая, дорогая, сердечная детка!

Поздравляю тебя с Рождеством! Будь здорова, радостна и не забывай меня!

Спасибо за прекрасное письмо. Оно заставило меня особенно каяться, потому что было теплее, чем последние. В прошлый раз я думал, что ты мной недовольна и очень-очень грустил! Ты, моя милая детка! А теперь представь, что я не знаю, какую форму придумать для моей главы о ритме? А именно: литературно неспособен. (Пока больше не буду писать, потому что время бежит.)

Ну, извини меня, Жоржеточка, я был, правда, так глуп и не понимал, что ты пишешь: что-то, связанное с темой брошюры? Почему ты спрашиваешь меня, что должно произойти с тем, что ты создала? Ты изменила мой текст? Тебя тронули темы Д-ра Штайнера? Если последнее, то ты обязательно должна самостоятельно изучить труды доктора и ни при каких обстоятельствах не основываться на моих предложениях. Это большая, совершенно новая область, и тебе предстоит изучать ее в оригинале. Только тогда станет понятно на практике. Я этого не делал и поэтому не имею права передавать учение доктора. Итак: исключи меня, читай и изучай Доктора самостоятельно.

Многое от Станиславского. Мы даже не можем это прочитать, потому что оно еще не написано. По этим же причинам я решил написать очень короткие, но собственные эссе. Теперь, может быть, ты понимаешь, что я не понял в твоём вопросе. Для ясности: выдержка из

твоего письма: «Что делать с маленьким куском брошюры-дитя, которое от твоих предложений продолжает работать в моей голове, и что-то должно – законно или незаконно – прийти в мир???» Дитя, если хочешь, постарайся объяснить мне яснее и не сердись на меня за то, что я такой, такой глупый!

Моя оперная работа застряла: художник еще ничего не сделал¹⁷⁸.
С актерами я не встречусь до января!

Решил высказать все на самой внутренней странице (как я сказал по глупости – лучше не умею).

Жена уже 2 недели лежит в постели – простуда.

Детка! Я очень тебя люблю и желаю тебе всего, что действительно может сделать тебя счастливой!

Твой всегда, всегда

O.2

70

К.К. Чехова – Ж. Бонер

9 февраля 1934 г.

[Рига]

Моя деточка! Быстро напишу тебе несколько слов. В эти дни Мише запрещено писать, врачи вообще запрещают работать. Все эти боли, которые раньше были у Миши при ходьбе (уже 3–4 месяца), потом приступ перед спектаклем, ухудшение и теперь обострение – все это не оставляет сомнений в том, что у него Angina Pectoris, и он уже в опасном состоянии, потому что испытывает боль, даже когда спокойно лежит. Сегодня ужасный день, потому что Миша должен решиться отказаться от оперы*. Он так нервничает и злится на меня и на врачей, вряд ли сейчас с ним можно разговаривать. Прости, дитя мое, за огорчение, которое я причиняю тебе, но я должна написать правду.

Целую нежнейше.

Всегда твоя *Ксеничка*

* Директор не может ждать; сегодня утром я говорила с ним. Предложила отсрочку на месяц, потому что врачи считают, что Миша сможет-таки закончить работу после месяца постельного режима. Сегодня вечером все должно решиться.

Вечером. Директор ни в коем случае не может отложить и хочет передать работу другому режиссеру. Я не смею сказать это Мише. Он все еще надеется и обещает завтра отправиться в клинику на пару недель. Сегодня целый день чувствует боль, поэтому о работе не может быть и речи. Я напишу тебе завтра снова.

Твоя *Кс.*

71

К.К. Чехова – Ж. Бонер

10 февраля 1934 г.

Сегодня Миша поехал в клинику. С оперой нашли компромисс. По словам Миши, Виктор [В.А. Громов] будет продолжать работать по мишиному плану эти 2–3 недели, а потом, может быть, Миша сможет сам закончить работу. Прости за мой почерк. Я только что вышла из клиники очень уставшей. Слава богу, сегодня Миша более бодр и не так страдает от боли.

Целую нежнейше. Сердечные приветы твоей милой семье.

Твоя *Кс.*

72

К.К. Чехов – Ж. Бонер

20 февраля 1934 г.

<...> Слава Богу, в эти дни Мише немного лучше. Я очень надеюсь, что он вернется домой в конце этой недели. Грудь до сих пор болит при наклонах и при любых резких движениях, но сильные спазмы в ногах за эти дни прекратились, и это большое счастье. <...>

Моя дорогая деточка!

В это письмо Ксении надо включить и мой привет. Детка, вот что мне кажется: кто-то стоит рядом со мной и не хочет, чтобы я поступил правильно. Ты можешь это понять? Я чувствую: если бы я смог победить его, то получил бы много радости и сил свыше и служил бы жизни. Понимаешь? Вот и славно! Привет! Мои сердечные приветы уважаемому и дорогому господину Бонеру. Извини за корявый почерк – неудобно.

Твой О.2

73

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[февраль 1934 г.]

Привет, моя любимая, дорогая детка!

Моя Жоржеточка!

Я даже издалека чувствую, как твоя жизнь постепенно полностью изменилась. Это делает меня счастливым за тебя и грустным из-за... ну, это ненужная романтика. Во время моего долгого постельного режима я немного (не слишком много) думал, чувствовал и мечтал. Мне все больше кажется, что ритм – вообще главная в мире фигура. С ритма все люди начинают свой земной путь, потом, с юности, все становится нам понятнее, важнее, наполненнее.

Как ты уже знаешь от Ксении, я несколько дней пролежу в больнице. Незначительный сердечный анамнез становится все более

незначительным из-за обстоятельств и напряженных обсуждений. «Парсифаля» пока ведет Виктор.

Он приходит ко мне, и мы вместе обсуждаем все необходимое. Но буквально пять минут назад я подумал: никакой Рейнхардт в мире ничего не может сделать в театре (драме, опере и т.д.) со старыми актерами и старыми принципами. Даже если у кого-то есть талант – этого уже мало в наши дни: надо иметь новое ритмическое образование и духовные (я имею в виду непосредственно антропософские) идеалы. Конкретные (поэтому антропософские) идеалы. Раньше, не так давно (даже несколько десятков лет назад) повсюду были неконкретные идеалы, и немного ритма. Но теперь! О, как безобразно выглядит жизнь! А уж так называемое «искусство» и «художники» – ни слова об этом.

Ах, как бы мне хотелось подготовить премьеру с талантливыми актерами, как я это вижу – ритмически. Только что, буквально 10–15 минут назад я спал и представлял себе сцену из «Орлеанской девы». Поле битвы. Все в словах, интонациях, звуках и движениях полно ритмичности! Ах, как это красиво, как вдохновляюще! Дух действительно живет там! Извини, мне нужно взять карандаш. Благодаря ритму и духовным идеалам все будет исцелено, но, детка, мне кажется, что жизнь уже изменилась. Мы лишь видим, как мощно растут противоборствующие силы.

Детка, пока заканчиваю. В следующий раз скажу несколько слов о брошюре.

Пожалуйста, передайте сердечные приветы дорогому, глубокоуважаемому господину Бонеру.

Предыдущие новости были очень плохими, а сегодня уже лучше. Извини, что прервал письмо.

Ты можешь разобрать мой почерк?

Ты мне назвала две книги, насколько я понял.

М.А. Чехов – Г. Бонеру

4 марта 1934 г.

Уважаемый и дорогой господин Бонер!

Искренне благодарю вас за любезное письмо. Мне было особенно приятно, что вы подумали обо мне в тот момент, когда я лежал в больнице (кстати, впервые). Сейчас я снова дома. Но не могу сказать, что мне было плохо в больнице, нет, все были такими милыми и трогательными. Вскоре я нашел приятное занятие: рассматривал в микроскоп различные препараты в лаборатории.

Если был поднят вопрос о «знаменитости», то должен сказать, уважаемый господин Бонер, что мне выпала честь лечиться у известного профессора, его зовут профессор Клименко и он отец нашего актера Клименко¹⁷⁹, о котором вы, я думаю, давно забыли. Но он (отец) слишком строг со мной: представьте, дорогой господин Бонер – **ни одной сигареты!!!** Вот настоящий мучитель! Столько должно быть было причин для моего маленького порока сердца за 42 года, и вот вдруг наступает момент, когда во всем виноваты сигареты! О, я действительно болен, серьезно болен, но мне нельзя курить! Кто вылечит меня от этой болезни?

Большое спасибо, дорогой господин Бонер, за ваш совет пить молоко против отравления никотином. Мясо мне какое-то время запрещено, а молоко (которое я не люблю) постепенно входит в мою жизнь.

Желаю вам всего, всего наилучшего. Будьте здоровы и радуйтесь. Мои сердечные приветствия фройляйн Алис и фройляйн Жоржет. Преданный вам, всегда вас уважающий и любящий

Мих. Чехов

Моя жена просит передать вам сердечнейшие приветы.

75

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[10 марта 1934 г.

Рига]

Моя дорогая, драгоценная деточка!

Он, твой О.2, искренне благодарит тебя за Клагеса¹⁸⁰ и все, что ты незаметно отправила. А также за хорошие, сердечные слова. Детка, к сожалению, я все еще немного болен и сейчас работаю в опере. 14 марта – премьера «Парсифаля». Хаос! После премьеры я вам все как можно более подробно опишу. Прямо сейчас я лежу в постели после репетиции, а сегодня вечером – техническая репетиция. Прости за плохой почерк, он приветствует тебя.

Твой любящий О.2

Уважаемому господину Бонеру и фройляйн Алис мои теплейшие приветы.

76

М.А. Чехов – Ж. Бонер

15 марта 1934 г.

Рисунок

!

О Рига -----О Париж ----- Африка? -----

----- Рига

Ты, мое любимое парижское дитя!

Все пройдет, все пройдет, все, что было вчера – сегодня: глубокий вдох и выдох и тихое ничегонеделание.

Моя первая мысль сегодня о тебе и уважаемом господине Бонере: я так тронут телеграммой и благодарю от всего сердца!

Я не могу пока точно знать, как принимают премьеру. Но надеюсь, что не так уж и плохо. Посмотрим.

Благодарю тебя, моя дорогая доченька, за все, что ты прислала. И твое сочинение написано с такой глубокой любовью. Ты это ты! Дай бог тебе много-много здоровья. (Сила и мудрость у тебя уже есть. Здоровье для тебя означает скорее желание быть осторожной.)

Клагес! Детка, почему, о, почему нужно так сложно писать? Ты не знаешь? Он пишет такие важные и интересные вещи только для ученых? Это правильно?

Только для 1% человечества? Стоп. Извините. В любом случае, здесь иностранцы с Востока должны молчать! Хорошо: Вы правы. Стоп.

Стоп... п... ..п!

Чем ты занята, моя милая, дорогая детка? Что читаешь? Что любишь? Кого любишь? Это музыкант(ка)? писатель(ница)? Акте -----0!

Нет! РАДИ БОГА! НЕТ! СТОП!

Всегда твой, благодарный, глубоко любящий и ценящий,

O.2

Передай теплейшие приветы дорогим и уважаемым господину Бонеру и фройляйн Алис от моей жены (которую зовут Ксения) и от меня.

77

М.А. Чехов – Ж. Бонер

18 апреля 1934 г.

Дорогая, драгоценная детка!

Дорогая Жоржеточка!

Детка!

Короткие новости из Риги:

19 апреля – открытый ученический вечер в Национальном театре¹⁸¹. Ожидаем всех друзей и врагов! Я, само собой разумеется, в плохом настроении. Мало того, что вечер может произвести дурное впечатление, так еще в последнее время мне стало известно много очень интересных и значительных вещей о ритме в театре. И с точки зрения истории, этих ритмических возможностей, все в сегодняшнем театре кажется мне таким мучительно плоским, мертвым и нехудожественным! Что я должен делать! Меня сегодня буквально тошнит от всех этих театральных штук!

Дорогая детка! Желаю тебе счастья. Твои чувства должны быть сейчас великие, твои мысли – ритмико-гармоничные! Присылай мне скорее фотографии своего окружения в вашей обстановке!

Навсегда твой, любящий тебя

Отец 2

78

М.А. Чехов – Ж. Бонер

24 апреля 1934 г.

Бирсгален

<...> На этот раз я пишу тебе в Париж. Письмо должно быть деловым. Ко мне пришел один господин (его зовут Таубе, я его давно знаю, он был в Московском Художественном театре секретарем господина Немировича-Данченко. Хотя это не важно). Этот господин пришел ко мне с предложением сделать фильм. С двумя вариациями (в) Париже <...>¹⁸² Ну, моя любимая, дорогая детка! Ты спросишь: почему я снова говорю с тобой о таких вопросах после того, что произошло в Париже? Я тебе скажу: только поэтому и говорю о том, что, как ты уже знаешь, моя совесть всегда беспокойна и страдает. Я хочу, чтобы ты как-нибудь получила компенсацию за парижское несчастье. Чего я хочу для себя? Ничего. Я сразу сказал, что, если тебе нравится, можешь

работать без меня. (Речь идет не только о финансовом участии, но и о художественном.) <...>

79

М.А. Чехов – Ж. Бонер

27 мая 1934 г.
Рига

Моя любимая, драгоценная детка!

Моя Жоржеточка!

<...> Мое дорогое дитя, сейчас я хочу сказать тебе: твое последнее письмо ко мне значит больше, намного больше, чем ты можешь себе представить! Я понимал, что у тебя нет злых и дурных мыслей обо мне, но то, что ты так хорошо, правда хорошо, ко мне относишься, как я это ощутил в твоём последнем письме, – это мне не было известно. Мои угрызения совести нарисовали картину несколько темнее, чем она есть на самом деле... (под картиной я имею в виду картину твоих духовных отношений со мной). Дорогая Жоржеточка, твое письмо, твои слова ко мне я глубоко и серьезно сохранил в своём сердце. Твои слова принесли мне большое облегчение, и я хочу служить тебе, работать с тобой.

Извини за мою немецкую речь и пойми смысл так, как если бы он был напечатан по-русски.

Когда я получил твое письмо, когда я прочитал, что ты также можешь поговорить с нашим уважаемым господином Бонером, я сразу предпринял две вещи:

1. Попросил господина доктора Таубе записать некоторые деловые подробности, чтобы у тебя было что-то полезнее моих слов. (Письмо Таубе – прилагается.)

2. Я попросил того же господина доктора Таубе дать мне сценарий фильма (он получает его из Парижа), чтобы я мог сказать, по силам ли мне та или иная роль.

Рукопись скоро придет.

Я также сказал господину Таубе, что поделюсь своим мнением о рукописи с тобой, моя детонька, и с ним. А если после этого (и если ты захочешь говорить с киношными господами после личного знакомства), то господа могут подойти к тебе... Мое милое дитя, скажи мне, правильно ли я все это сделал?

Деточка! Хорошая, любимая деточка, конечно, это было бы очень серьезно – приступить к работе в кино. Там можно было бы сделать много благородных и прекрасных вещей. (В финансовом отношении его нельзя сравнить с театром.) Кино настолько развито, что многие вещи, невозможные в театре, можно легко сделать в кино. Ритм как форма игры также возможен. Не так ли? Я увидел юмористический ритмический момент в игре Чарли Чаплина – это было восхитительно!!! Если бы ты (а через тебя и я) сыграла бы в фильме некую руководящую роль, то можно было бы постепенно, осторожно попытаться это сделать. Мой знакомый режиссер из Парижа (?) скоро окажется в мире кинотехники. Что?

Но, но, но:

Люди из кино должны быть проверены! И это прежде всего!

Я знаю господина доктора Таубе как честного любящего человека – и это все, что я о нем знаю. Насколько он подкован в бизнесе – ты должна (если уж на то пошло) проверить сама. И не только его, но и всех, с кем ты работаешь над фильмом! Да, да! Проверь, проверь! Хотя особых советов в этом плане тебе не нужно, пишу просто чисто эмоционально.

Доченька, доктор Таубе выразил желание, чтобы мы (опять же, если на то пошло) начали свою работу в Париже уже в июле. (Париж,

это значит – площадь Ламартен, 3, это значит снова видеть тебя и дорогого господина Бонера!..) Ну, а я еще не знаю, как будет с сердцем (сейчас стало лучше). Не знаю, смогу ли поехать в Париж на более длительный период летом, потому что я должен время от времени репетировать в Рижской опере, потому что «Царица Савская» Гольдмарка¹⁸³ (ты знаешь эту оперу?) должна быть поставлена мною ранней осенью? Пишу это, чтобы ты была в курсе. Но может быть и так, что ближайшее будущее принесет что-то новое, и все планы придется срочно менять. Я думаю, ты должна думать об этом как можно свободнее, а потом посмотрим. Да? В любом случае: если это предложение сделать фильм действительно серьезное и интересное, если ты сочтешь всех киношников, связанных с ним, достойными, серьезными и интересными, то мы можем эту работу и отложить. Мы можем хорошо подготовиться – не так ли? У этого дела тоже должна быть долгая жизнь, то есть, да, не эпизод: это господин доктор Таубе понял. Сейчас у них уже есть одна готовая рукопись, которую они предзаказали, но мы все вместе будем выбирать, рассматривать, создавать вторую, третью и т.д. рукопись...

Стоп!

На следующий день

28 мая 1934 г.

Видишь, моя дорогая детка! Вчера я пророчески написал, что «ближайшее будущее принесет что-то новое». Вот что сегодня произошло: газетная статья, которая полностью меняет мои планы: я должен уйти с работы (временной работы в опере)¹⁸⁴. Это на самом деле трудно описать подробнее. Что будет здесь со школьным и прочим рабочими планами – сказать сложно. В любом случае, упомянутая газетная статья, без сомнения, только начало! Так что ясно, что жизнь для меня должна будет принять другую форму. И, конечно, отсрочка работы над фильмом сегодня не так заманчива, как вчера.

Моя любимая дорогая детка, теперь я еду дальше. Вчера хотел тебе кое-что предложить и, о чудо: сегодня стало срочно нужно (мне)! Вчера (и особенно сегодня) я хотел сказать кое-что из-за твоих прекрасных строк в последнем письме из Марокко¹⁸⁵: неужели тебя не заинтересует действительно артистичная, хорошо подготовленная, художественная и т. д. возможность организовать тур? Многие страны остались в стороне от русских спектаклей: Чехословакия, Польша (многие провинциальные города), Югославия, Сербия, Болгария, Эстония, Финляндия, Швеция, Норвегия, Голландия (и т.д.) Даже в Англии, насколько я знаю, есть интерес к действительно хорошим русским спектаклям. И наконец: АМЕРИКА! О-ла-ла!..

Промежуточное сообщение:

(Мне еще надо передать тебе сообщение – пожалуйста, будь уверена: фрау Громова уехала в Москву! О, дитя! Мне стало легче в два раза! Я легок, как перышко! И уже за эти несколько дней, когда фрау Гр. нет дома, господин Громов стал совсем другим человеком!)

С другой стороны, моя дорогая, дорогая Жоржеточка: что бы ты сказала, если бы я предложил тебе школу, вернее, студию, экспериментальную (не знаю, как это сказать по-немецки) – Школу-студию, которая имеет своей целью создать молодой театр. (Будут ли там учить французы, или немцы, или швейцарцы, или русские, или все вместе – вообще не знаю¹⁸⁶.) Мы могли бы иметь определенный ежемесячный доход от учеников, который не покрывал бы расходы, но приносил бы определенное финансовое облегчение. Почему я говорю об этом? Потому что здесь, в Риге, как я это вижу, есть небольшая молодая группа, которая тоже хочет эмансипироваться от Школы, экспериментировать и создать новый молодой театр. Это идеалисты нашей местной Школы. Я намеревался обучать эту группу отдельно от Школы. Так мы сможем создавать идеальную групповую молодую театральную модель с самого начала. Не правда ли?

Дорогая детка! Ты можешь подумать: Миша и так слишком много пишет – не хочу я от него столько предложений. Но, дитя мое – ты мне сразу скажешь. Я спокоен и поэтому пишу тебе все искренне, потому что знаю – Жоржета мне скажет: «остановись», если будет нужно. (Детка, ты понимаешь мой уродливый немецкий почерк и структуру предложений?)

Теперь я хочу положить этому конец на время. Я хочу увидеть, что ты, дорогая моя дочурка, обо всем этом скажешь.

Жоржета, пожалуйста, пожалуйста, прими мои восторженные благодарственные звуки, которые летят к тебе из моей души!

Умоляю, передай очень глубокочтимому и любимому господину Бонеру мои сердечные приветы. Мы с Ксенией посылаем их и фройляйн Алис.

Твой О.2

80

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[май 1934 г.]

Сегодня ничего существенного, моя любимая, дорогая парижская детка!

Возможно ли это по-человечески!?! ЧТО Г-Н ТАУБЕ СКАЗАЛ МНЕ ПО ТЕЛЕФОНУ!

Кто-то едет в Латвию! Может быть? Когда? К кому? У тебя так много знакомых в Латвии?

Дитя! Дитя! Дитя! Дитя! Дитя!

Больше не может быть восхищение вне впечатления!?!

Во-первых:

Как мы (т.е. мы с Ксенией) должны понимать эти прекрасные слова, обращенные к Таубе? Ты сюда? К нам?

О!

Приди!

Детка! Деточка!

Мы ждем тебя с некоторыми друзьями!

Приди, приди!

Когда?

Сообщи точно:

КОГДА?

Быстрее!

Таубе уже должен быть с тобой!

[две фигуры: Ксения танцует, Чехов танцует]

Ксения приветствует и: [Ксения танцует]

я духовно [Чехов танцует] физически [сидит устало]

Пожалуйста, пожалуйста, сделай это, наш дорогой, уважаемый господин Бонер благословляет тебя в этом путешествии к нам! <...> Ну же **ПРИДИ!**

81

М.А. Чехов – Ж. Бонер

5 июня 1934 г.

Рига

Моя дорогая, драгоценная детка!

Прежде чем получить от тебя письмо, я хочу кое-что сказать: рукопись не произвела на меня такого впечатления, как хотелось бы¹⁸⁷. Тему, пожалуй, можно было бы развить глубже. Для меня была роль Правителя, но Правитель такой неприятный лжец, что я не могу взять на себя роль – это было бы грубо с моей стороны... как бы это выразиться? ... по отношению к моей вере (так говорят?). Доктор Таубе предлагает изменить роль – чтобы я мог ее сыграть. Но сначала я хочу знать, что ты думаешь о рукописи (и больше всего, конечно, обо всем

вопросе с фильмом). Поэтому я бы предложил, если у тебя есть время и желание, быстро просмотреть рукопись и высказать свое мнение. Что ты об этом думаешь? Скажи, хочешь ли ты прочитать рукопись.

Теперь несколько слов о моем нынешнем здесь положении: я писал в газеты, что не могу работать в опере, если моя работа будет признана такой вредной. В ответ на это – еще один выговор и, прежде всего, довольно возмутительный подход и ложь обо мне и Викторе []! Мы должны уйти отсюда. (Но пока не можем.) Виктору проще – он едет в Москву по этому поводу (ждет оттуда вестей, сможет ли он там устроиться на работу), а мне немного сложнее. Все темно: школа, театр, Русская драма... все неясно и так неожиданно, так внезапно! Все делали 4–5 человек, которые в нужный момент подняли голос на нас, иностранцев. Мы все знаем этих людей и знаем причины их крика, но... делать нечего. Я немного устал и завтра еду за город. Я больше ничего не хочу знать. Что случится, то случится. Я, так или иначе, ничего не могу делать.

Мы с Ксенией благодарим тебя и уважаемого господина Бонера за чудесные приветствия из поездки! Мы желаем господину Бонеру, тебе и фройляйн Алис счастья и радости.

Детка, милая детка, пожалуйста, напиши мне: Латвия, Birzgale macitaja miiza. Чеховым.

Моя берлинская дочь [О.М. Чехова] выходит замуж! <...>

82

М.А. Чехов – Ж. Бонер

8 июня 1934 г.

Моя дорогая, прекрасная, драгоценная парижская деточка!

Спасибо за твое милое письмо.

Доктор Таубе говорит, что создатели фильма (и он сам в их числе) – могут сразу ответить на все твои вопросы. Они просто ждут

возможности встретиться с тобой. <...> Я попросил господина Таубе подождать, пока я не получу от тебя сообщение: хочешь ты поговорить с киношниками или нет. Дорогая детка, пожалуйста, напиши мне несколько слов вдобавок к этому. Если ты желаешь поговорить с ними, эти господа придут к тебе с рукописью и соответствующими объяснениями. Дитя, если дело действительно серьезное, уверенное и интересное, оно могло бы быть художественно (будь то эта рукопись или другая) тоже очень интересно. Почему? Потому что: смотреть фильм или участвовать в фильме как актер – это совсем разные вещи.

Как:

фильм, в целом

от начала до конца

Конец

создание

иметь в виду.

(т.е. вещь также для наслаждения ритмичностью)

Мне очень любопытно посмотреть, что ты скажешь о рукописи. Я не могу играть роль Правителя как она есть. Можно ли его изменить – я буду думать только об этом, когда ты скажешь, интересна ли сама тема. <...>

83

М.А. Чехов – Ж. Бонер

23 июня 1934 г.
Бирзгале

Моя дорогая, драгоценная детка!

есть только короткая телеграмма, содержащая:

а) Приветствие и благодарность тебе

б) Обрати внимание, что доктор Таубе сам хочет поехать с тобой в Париж. (С рукописью.)

в) просьба: очень внимательно проверь деловую сторону предложения киношников! Может быть, все хорошо и благополучно, но мое отцовское сердце беспокоит. Я знаю господина Таубе как очень милого и хорошего человека, но так ли хорошо он все понимает в деловом плане – не знаю.

г) Когда я пишу, у меня болит грудь, и поэтому ты прости меня, милое дитя, за то, что я пишу так кратко.

е) Я очень благодарен за то, что ты практикуешь навыки кинорежиссера в Швейцарии. Я сам хотел тебе предложить: поучаствуй в том, что предлагает Таубе, сначала в качестве режиссера и заодно проверь всю историю.

е) Пожалуйста, скажи: в Швейцарии [ты] только как режиссер, или как в предложении Таубе – еще и финансовый директор?

ж) Не забывай меня по трем причинам:

1) потому что я люблю и защищаю тебя.

2) потому что мы можем вместе сделать что-то ритмически красивое в кино.

3) .....

К сожалению, все.

Пожалуйста, напиши, что ты делаешь? Мне очень, очень интересно! Особенно о швейцарском предложении.

Пожалуйста, передай мои сердечнейшие и теплейшие приветы уважаемому господину Бонеру.

Виктор [ ], который через 3-4 дня поедет в Москву, – сидит сейчас здесь и просит передать свой самый теплый, самый сердечный привет. Он очень благодарит за... все несказанно хорошее, что ты сделала для него (и, конечно, для меня)!

Этот час мне печален – но что поделаешь?! Я остаюсь здесь, и мое будущее мрачно. Виктор правильно делает, что смело едет в Москву. Я не могу и не хочу.

Всегда твой

Отец 2

Ксения передает привет и благодарит за открыточку. Она напишет тебе подробно в эти дни.

84

М.А. Чехов – Ж. Бонер

Конец июля 1934 г.

Моя дорогая детка!

Если бы ты только знала, с каким нетерпением я жду твоего появления! Я люблю тебя, я хочу тебя видеть, я хочу говорить с тобой!

Приди, приди, моя детка, любимая-дорогая!

Твой О. 17

Приди.

85

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[1934]

Бирзгале

Моя любимая, дорогая детка, моя хорошая,

благодарю тебя за милое, милое письмо. Самая теплая, сердечная благодарность от нас с Ксенией! Кроме великой радости, доставленной твоим письмом, – оно было для нас таким заманчивым, таким соблазнительно заманчивым, и Бог знает, что было бы, если бы у нас были другие паспорта! Ну, ты хорошо знаешь, мое милое, дорогое дитя, что с нашими паспортами мы не можем получить визу во Францию, Швейцарию или Марокко! Нам всегда так удручающе тяжело. Всегда должны быть определенные причины для получения визы. Мы с Ксенией надеемся, что скоро получим здесь латвийский паспорт и – о

чудо – сейчас же уедем! Но, детка! Прежде чем я вернусь к вопросу о твоём приглашении, позволь кое-что сказать. Слушай внимательно:

Я сидел здесь грустный, мое будущее казалось мне грустным и темным... дни шли... темные... безнадежные... (так начинается рассказ)... вдруг (слушай!)... вдруг (слушай!)... вдруг приходит телеграмма:

«Отвечайте согласны ли с 15 сентября по август четыре пять пьес пятьдесят фунтов ежемесячно транспортные расходы авиапочтой [? – М.Ч.] Габима»

Итак: Палестина... (сравни, пожалуйста, с Марокко!..) Эта телеграмма была для меня просто знаком спасения! Я получаю работу! (Ты можешь себе представить ситуацию полностью.) Мой ответ-телеграмма был таким:

«Спасибо за приглашение ответ в письме в принципе возможно». Почему не сразу «Да!» – спрашиваешь ты. Ах, сейчас самое сложное: здоровье! Смогу ли я работать в сентябре – это еще вопрос (хотя я в значительной степени поправился). Но: палестинская жара и тяжелое для меня путешествие. Мое письмо в «Габиму» было полно вопросов. (Это тоже понятно.) А теперь идет твое милое доброе письмо, доченька. Что для меня твое письмо? Одно: Спасение? (Детка, я плохо так пишу – прости.) Но: Визовый вопрос! Из Палестины мне пришлют визу. Но Марокко? Швейцария? Франция? Конечно, было бы в 1000 раз правильнее с благодарностью принять твое дорогое, сердечное приглашение, но только... и т.д. А теперь слушай дальше... так много сразу посредников. Где мы встретимся? Угадай! Теперь для меня стал ясен вопрос.

Либо: Марокко, Франция, Швейцария (исключая визовый вопрос) на основании твоего письма.

Либо: Палестина, Тель-Авив на основе телеграммы «Габимы» (исключая вопрос моего здоровья).

И в любом случае:

С нашим совместным предприятием!

Я думаю, что это должен быть фильм, и ты должна занять место режиссера. Теперь в Швейцарию, чтобы ты уже хорошо знала эту профессию еще до основания нашей «совместной» компании.

Письмо должно быть отправлено как можно скорее. Поэтому коротко:

Господа от кино должны прийти к тебе. Я не знаю, что происходит. Доктор Таубе хотел к тебе приехать. Я писал тебе об этом.

Прими мою сердечную благодарность за твою огромную доброту и позволь надеяться, что, если все пойдет хорошо, мы встретимся у тебя.

Я ужасно тороплюсь – в город едет один господин – он возьмет с собой письмо.

Мы с Ксенией приветствуем многоуважаемых и любимых господина Бонера и фройляйн Алис. Наши наилучшие пожелания.

Всегда твой *О.2*

Извини, что пришлось сделать такой внезапный, неритмичный финал.

Про ритм писать не могу – он запрещен – напряжение при письме! О горе!

Извини, если глупо написал – я всегда знаю, когда пишу, что мне это запрещено по медицинским показаниям, и оттого у меня беспокойна совесть, и я от этого немного тупой...

86

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

[по почтовому штемпелю: 1 июля 1934 г. Латвия]

Моя дорогая, драгоценная детка!

Этими строками я просто хочу сказать, что я глубоко, глубоко тронут твоим милым письмом! Я писал тебе так много о себе и так мало об этом, что ты порадовала меня своими добрыми словами и предложениями! Хочется открыть тебе всю теплоту своей души – и опять не получается! О, как глупо с моей стороны!

Детка! Прощай!

Всегда твой

О.2

Моя дорогая, у нас есть еще один неожиданный сюрприз. Импресарио Леонидов прислал телеграмму: предложение Пражской группе от 1/1.1935 – тур Париж, Брюссель, Голландия, Северная Америка! Быстрее напиши свое мнение об этом всем. Сердечный привет!

Твоя Кс.

87

М.А. Чехов – Г. Бонеру

24 октября 1934 г.
Сальсомаджоре

Многоуважаемый и дорогой мистер Бонер!

Примите от Ксении и от меня самый теплый и сердечный привет из Сальсомаджоре!

Мы приехали сюда как последние гости курорта – это даже выглядит опасно: отели закрываются, больные массово вылечиваются и уезжают каждый день... Становится пусто и так тихо... не моя вина, что весь персонал задерживается – боюсь, что день выздоровления наступит раньше, чем нужно!

Мы не видели любимую фройляйн Жоржету уже пять дней! В наших дружеских отношениях уже закладывается привычка быть вместе, и это затрудняет прощание. Но, надеюсь (если дело Леонидова

пройдет), мы скоро снова увидим дорогую Жоржету в Париже. Жоржета написала нам сегодня, что вы вернулись в Париж и очень этому рады. Хорошие новости пришли и от фройляйн Алис¹⁸⁸, как сообщает Жоржета. Ах, это должна быть хорошая поездка! Я был так счастлив, когда увидел этот большой корабль! Это целый город! Нужно вести особую жизнь, когда ты не можешь ходить по земле много-много дней! В моем (возможном) путешествии я думал об Америке, но это, должно быть, опять что-то другое: зима, холод, может быть, бури и... болезни. Было бы гораздо лучше отправиться в Палестину на том же корабле, на котором плыла фройляйн Алис. Я очень надеюсь, что когда-нибудь это произойдет – и обязательно с моим милым и добрым, добрым «Секретарем», как вы ее называли. – Я уверен, что он уже сегодня с вами. Пожалуйста, передайте ему сердечные приветы от Ксении и меня. Ксения передает привет и вам, уважаемый и дорогой господин Бонер.

Будьте здоровы и хорошо отдохните после поездки.

Всегда, всегда вам благодарный

М. Чехов

88

М.А. Чехов – Г. Бонеру

24 октября 1934 г.
Сальсомаджоре
Вилла Омброса

Я должен очень поблагодарить вас, господин Бонер, за ваше любезное сообщение о вашем впечатлении от «Эликсира дьявола».¹⁸⁹ Трудности слишком велики, и они там, где вы их тоже увидели, и если не удастся полностью преобразовать дело, то нет смысла начинать эту пьесу. Но у меня есть определенные надежды. <...>

М.А. Чехов – Ж. Бонер

25 октября 1934 г.

Сальсомаджоре

О! Тебе действительно не нужно никакого дополнительного образования, дорогая Жоржеточка, твои письма так прекрасны, так добры! (И в каждом марка!) <...> Итак, в Париж! Много счастья! Леонидов больше ни слова не отвечает, и я понятия не имею, что было отправлено и как это повлияло на французскую визу. <...> С благодарностью жду Достоевского. (Достоевский был русским писателем, как Толстой, Козьма Прутков и другие.)

Оно (=Я) пишет свинцовым карандашом и ручкой.

Любящий и очень уважающий тебя

О. 02.

К.К. Чехова – Ж. Бонер

26 октября 1934 г.

Сальсомаджоре

Дорогая, прекрасная деточка!

Ты балуешь нас своими прекрасными строками! Итак, сегодня ты в пути и уже покинула Италию. <...> Жоржета, я еще раз благодарю от всего сердца за все заботы о нас и за посылку, которая прибыла сегодня. <...> Пожалуйста, не беспокойся о нас. Миша написал больше в шутку. Простуда есть, но не сильная. Главное, что он может продолжать купаться, потому что температуры нет, только насморк. Мне тоже лучше, и, слава богу, настроение у меня спокойнее и легче, потому что вчера был очень хороший день, особенно к вечеру. Мы поздно пришли домой с консультации: это было бесконечно. Но оно того стоило. Доктор действительно светлый человек, и Миша сразу же проникся к

нему полным доверием. <...> В мышцах наблюдаются нервные спазмы, не связанные с сердечным анамнезом и обусловленные отравлением никотином (!!). Это нас полностью успокоило и заверило, что это не органическое опухание и постепенно полностью пройдет, когда организм выздоровеет и нервы успокоятся. Он сказал, что Миша сильно простужен; ему нужно, по возможности, больше бывать в более теплом климате. Он прописал лекарство и на ночь горячие растирания. Несколько смягчил местное лечение. Ванны из местной воды не слишком конденсированные (говорят, что очень горячие), а с углекислотой, что он очень ценил (я осталась довольна!). Ингаляции очень хвалили и рекомендовали. Миша стал намного спокойнее; сегодня очень бодрый и без болей. Этот профессор вылечил многих русских артистов оперы, которую я здесь слышала; всю семью Шаляпиных и даже недавно рижскую певицу. Она очень хорошо говорила по-французски, расспрашивала об Антоне Чехове и была знакома с Мишиным парижским лором, о котором отзывалась очень восторженно и дружелюбно. <...>

Опиши, дорогая Жоржеточка, эту медицинскую профессию! Но я знаю, что и ты будешь счастлива, потому что это не опасно. <...> От Леонидова пока нет ответа. Это кажется несколько дурным знаком, как думаешь? Миша тоже получил сегодня по утренней почте твой машинописный текст Достоевского¹⁹⁰. Миша говорит огромное, огромное спасибо за все. <...>

91

М.А. Чехов – Ж. Бонер

27 октября 1934 г.

Ах, мое любимое дитя!

Спасибо тебе за посылку, полученную сегодня Ксенией! Что я могу сказать? Есть только одно затертое слово: «Спасибо»! Я хотел бы

создать что-то новое для этого случая, но я совершенно некомпетентен!

Итак, детка: спасибо!

<...> Достоевского уже прочли. Спасибо и за это! Очень интересно, я уже на самом деле все абсолютно забыл.

<...> Теперь ты уже не в Италии! Сложно представить, потому что мы были нужны тебе здесь, и где ты сейчас? Но одно мне ясно: куда бы ты ни поехала – ты встретишь одного из своих отцов. И теперь господин Бонер очень ждет твоего приезда!

<...>

Леонидов молчит, как мертворожденный! Что это значит? Я тайно думаю о турне по Польше и Палестине. Но прежде всего о возможностях кино, которые затем естественно выходят на первый план. Я как будто сделал все, что мог, чтобы не слишком беспокоить тебя. <...>

Доктор, добрый, умный профессор Лазаньи прописал мне: ... аспазмол и валеросульфур! Хи-хи!

Ты знаешь, что я судорожный=и=скачкообразный истерик! Ха-ха!

Много новых почтовых марок из Риги!

Хо-хо!

Твой любимый (покинутый)

О. 2 ³/₄

92

М.А. Чехов – Ж. Бонер

29 октября 1934 г.

Моя любимая, хорошая детка!

<...> Тебя тепло приветствует твой потерянный О. 4, и также тепло и сердечно приветствует твоего первого, самого счастливого отца!

Деточка, вещь Достоевского хороша сама по себе, но как этот маленький эпизод раздуть в целый фильм – пока не понимаю. Скажи, пожалуйста, как ты относишься к этому как к фильму и что о нем думает господин Бонер? Жду пояснений. <...>

От Виктора [В.А. Громова] радостное, деловитое письмо. Он много работает! Всюду! У Мейерхольда его тоже принимают с любовью, как прежде! Я очень рад за него. Да, это то, что ему было нужно все время: работа, работа и работа. Имеет успех как режиссер. Госпожа [Давыдова], с другой стороны, пока не имеет должности и снова просит меня дать ей рекомендацию в Московский Художественный театр. К сожалению, я не могу сделать этого.

Леонидов отвечает, как новорожденный: ничего конкретного!!!

Дитя, дитя! Как Оно живет в Париже!?

Помнит ли Оно еще своего старого, больного, истеричного отца?

Много визитов?

Не забудь свое обещание устроить оргию, когда оно приедет в Париж.

О, я очень скоро увижу господина Альберта и его жену! Передавай привет им обоим!

Чем ближе наступал парижский час, тем сильнее меня одолевали определенные воспоминания.

Привет!

Мы с Ксенией приветствуем тебя и уважаемого господина Бонера!

Твой *О. 1/16*

Любимая, хорошая!

Твое письмо! Оно сильно потрясло мою душу. Это так хорошо, приносит так много радости и вместе с тем так много боли! Что, что, что я правда должен делать? Думаю, ужасно мучаюсь и не могу решиться. Вчера я был весь в мыслях об Америке. Подписать договор и вот – твоё письмо! Детка! Я чувствую, что ни при каких обстоятельствах не должен отказываться от американской работы, что я должен, должен работать... и все-таки... все-таки я не подписал контракт. Нашел причину пока не подписывать: Леонидов до сих пор не ответил на вопрос: что со мной будет, если доллар упадет или если случится еще что-нибудь плохое.

Итак – еще не подписал (получил вчера твоё письмо) и теперь буду мучить тебя, Ксению и себя. Детка, слушай терпеливо. Скажи, пожалуйста: не слишком ли поздно сейчас, когда Леонидов нанял столько-то актеров? Американская реклама уже началась. (Что предстоит испытать актерам, которые уже на это рассчитывают, а некоторые из них наверняка уже приехали в Париж! О, у меня мурашки по спине от этой мысли!..) Для ваших и моих киновозможностей американское путешествие имеет большое значение – я так чувствую. И всякие другие более или менее важные причины говорят за Америку. Но что говорит против? Все! Мой страх перед возможными болезнями, мое личное эмоциональное состояние и многое другое, о чем вообще не стоит говорить вслух. Но прежде всего – то, о чем я потом, вероятно, пожалею, что не использовал такую большую, большую твою доброту по отношению ко мне! Мы могли бы начать работу над фильмом с тобой прямо сейчас... Но детка – я еще много листов могу заполнить «за» и «против» – все это приводит «в никуда»! Кручусь в этом мысленном колесе и остаюсь (по-женски беспомощен). Знаю сегодня только одно: пока не собираюсь подписывать американский договор, и надо написать Леонидову еще одно письмо с вопросом, касающимся

долларов. Он может рассердиться на меня – я не могу подписать после твоих писем, которые меня так потрясли. Что я должен делать? Что? Что? (О, если бы я был мужчиной!)... Дорогая детка, я глубоко и сердечно тебе благодарен... (где найти подходящие выражения!).

Не сердись на меня за все строчки, за нерешительность... Я все время мучаю и Ксению... Детка, скажи, ты быстрее принимаешь решения?

<...>

Твое письмо немного сложно и трудно написано. Но есть важные вопросы. С этим письмом в левой руке я приду к тебе (пл. Ламартен, 3, Париж 16) на час, и мы обсудим темы письма. Хорошо?

<...> Сегодня дождь! Деревья стали желто-красными! Осень снаружи и некий внутренний покой в душе.

<...> Ты видела, господин Бонер читал наше киномену¹⁹¹? Попроси его, может быть, господин Бонер скажет, что имеет для него наибольший смысл в качестве материала для фильма. <...>

Напишешь проф. Шмидту¹⁹²? <...>

Мы с Ксенией (принципиально против грехов) – целуем тебя по-русски и сбиваем с ног и просим тебя передать наши самые теплые пожелания господину Бонеру.

Твой *О. бесконечный*

94

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

12 ноября 1934 г.

Парма

Моя любимая, драгоценная детка!

Большое спасибо за письмо и марки. Вопрос: ты вообще категорически против «Идиота»? (не только швейцарская

предыстория?). Как ты думаешь, мне следует дать почитать весь текст господину Бонеру? Я имею в виду «Идиот» как первый продукт, вместо «Эликсира дьявола».

Уже 12 ноября 1934! Я еще в Парме – и большие заботы; до сегодняшнего дня у меня нет новостей от господина Леонидова! Что это может означать? Что дальше – без понятия – а теперь: оттого и тишина, потому что каждый день жду сообщений от Леонидова, чтобы сказать тебе что-то конкретное!

Храни тебя Бог, мое любимое дитя!

Спасибо за мнение об «Идиоте». Да, я прочитаю текст еще раз (если найду где-нибудь русский экземпляр) – и подумаю. «Эликсир» – очень интересен как киноматериал. Однако цензура может испортить всю работу. Я ясно вижу: без полной уверенности в том, что не вмешаются цензоры, работать над материалом не стоит. (Как раз письмо от Таубе – может быть, он даст нам какой-нибудь совет?!) У тебя есть кто-нибудь, кто может нам помочь с этим?

Большое спасибо за милую открытку и прости мое молчание, которое на самом деле следует понимать как молчание Леонидова. (Ничего не могу придумать!) У него были проблемы с получением визы для нас? Мое последнее письмо из Сальсомаджоре к нему потеряно? Что случилось? Ритмично работает с перерывами и непрерывно останавливается.

Здоровье серединка на половинку. Боль приходит неожиданно, без видимой причины. В любом случае большое влияние на дело оказывают настроение и погода. <...>

Твой О. 0,05

Два рисунка: ноты – погода в Парме. Дождливо – солнечно.

17 ноября 1934 г.

Нерви

Дорогая детка! Эта экспресс-открытка (экспресс – следует понимать в духовном смысле) хочет сердечно поприветствовать тебе, рассказать нашу нервную драму: Нерви – Женева, Пансион «Эсперия», хочет сказать, что можно было увидеть Еленочку [Э. Бордолло], а мы не увидели, потому что была путаница с поездами, но говорили по телефону: хочу сказать, что сегодня вроде небольшое улучшение с сердцем, зато внезапная хрипота: хочу спросить: если тебе не трудно – пришли русского «Идиота» (над чем ты смеешься?), пришли мне книгу, которую я смог бы разорвать (sic!), если мне потребуется. Есть такие отдельные ленты. Я хотел бы попросить: только если возможно и нетрудно: пришли, т.е. закажи на русском языке газету «Последние новости» (т.е. «Dernieres Nouvelles»)¹⁹³. Пожалуйста, закажи газету на месяц, а потом перенаправь по другому адресу. Мне страшно так долго оставаться без новостей о том, что происходит в мире.

И теперь лучшая часть. Мы с Ксенией так тронуты, что твоя дорогая, дорогая тетка интересуется нами. Пожалуйста, передай ей спасибо за красивые марки!

Леонидов будет в Париже 26.11.

96

К.К. Чехова – Ж. Бонер

18 ноября 1934 г.

Нерви

Детонька, любимая, драгоценная!

Как я должна благодарить тебя за все! Твоя добрая телеграмма глубоко тронула нас. Я вообще не могла писать в эти дни из-за поездки и заселения в отель. Миша прислал вчера наш адрес. <...> Сегодня мы наконец увидели Леночку [Э. Бордолло]. Она была с нами весь день,

чему мы были очень рады. Миша был очень живой, хотел много поговорить, но то и дело начинались боли. Он почти все время в постели в эти дни. <...>

Жоржеточка, я хочу подробно рассказать о наших последних днях в Парме. К сожалению, у нас были довольно большие расходы из-за визита к этому доктору. Проф. Ласеня присутствовал на собрании¹⁹⁴, а затем остался с нами на вечер в отеле, но ничего не взял. Какой, правда, прекрасный и любезный. Я заплатила новому профессору за рентген 100 лир, потом за новое лекарство, за переезд сюда и все, что с этим связано. В Генуе нам пришлось остаться на ночь, единственный прямой поезд из Пармы прибыл только в 12 часов ночи. Так что теперь у нас осталось только 450 лир. Малыш, я очень беспокоюсь, что мы много потратим, но отели и врачи – это другое. <...> Здесь я все заранее устроила. Надеюсь, будет достойно. Мы платим 25 лир с человека за все, включая обслуживание, налоги и так далее. Действительно хорошие варианты за 30–45 лир, а очень скромные 18–22 (без водопровода и дальше от моря).

Как было бы хорошо, если бы ты могла приехать к нам сюда! Ибо это совершенно не то место, где мы были, и воздух здесь такой чистый. Здесь должно быть особенно хорошо людям, которым необходимо отдохнуть. Надеюсь, погода продержится. Ты была на этом побережье Италии? Господин Бонер хорошо его знает, да? <...>

97

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Без даты]

Моя прекрасная детка!

<...> «Эликсир» – в этом мы согласны, малыш – необходимо попробовать то, что нас интересует, но надо быть уверенным, что наш

секрет будет хорошо сохранен. Я с нетерпением жду результата разговора с человеком от кино.

Отправил тебе открытку, но забыл наклеить марку, потом я эту марку кинул в те же открытки с запиской и теперь интересно, получишь ли ты эту открытку. Я еще написал адрес (на конверте) и попросил, чтобы «Derniere Nouvelles» прислали мне и русского «Идиота».

Я написал Леонидову сегодня, что он должен или без меня гастролировать по Европе, или дать мне отдохнуть целый месяц. Смело жду ответ. <...>

рисунок: кровать – кровать

я – спереди – сзади

98

М.А. Чехов – Ж. Бонер

20 ноября 1934 г.
Нерви

Детка, дорогая!

Спасибо от нас с Ксенией за прекрасное и вдумчивое письмо, которое мы получили сегодня из Пармы!

Наша дорогая детка, на этот раз мы оба – англичане! Да, в самом деле! Идеальная тишина и покой. Лечение в Сальсомаджоре было безобидным и правильным, как утверждают два наших пармских профессора. Причина рецидива остается в вещах, которые в большинстве своем нервного характера – понять непросто... (мое собственное мнение: причина: 43 года на нашей земле ну не может быть вылечено за несколько месяцев.)

<...> Теперь мне ясно, что я не буду полностью здоров ни через 3, ни через 4, ни через 4 с половиной недели и т.д., но каждый выигранный день дает мне силы и уверенность в предстоящей работе. Вот почему я решил – постараться в борьбе с Леонидовым выиграть как

можно больше дней, это мне сейчас кажется правильным, и к тому же это в твоих интересах, насколько я понимаю, моя милая, дорогая, любимая детка. <...>

Теперь я терпеливо жду ответа Леонидова на мое экспресс-письмо отсюда, в котором я просил его либо совершить турне по Европе без меня, или просто дать «Ревизора», но только после месяца моего здесь лечения. Сегодня запоздалое письмо от Леонидова из Пармы – и, я надеюсь, он понимает, что у меня есть правильный ответ на срочное письмо. Кстати, мистер Леонидов не только не дал ни единого, ни единого, ни единого ответа на все мои вопросы, но и вообще не извинился! <...>

Жоржеточка! Огромное спасибо тебе за твое добро, за твое тепло и заботу, крепко обнимаю тебя по-русски!

Пожалуйста, передай глубокоуважаемому и дорогому господину Бонеру самые теплые приветствия от нас обоих. Твоя дорогая тетя все еще с тобой? Пожалуйста, привет и ей.

Твой вечный еврей

и твой *О. 8.30*

99

М.А. Чехов – Ж. Бонер

24 ноября 1934 г.
Нерви

<...> Сердечное отцовское спасибо за посылку «Идиота»! <...> В эти дни чувствую себя лучше. (Кроме ночи, внезапно довольно неприятно.)

<...> Если «Идиот» кажется слишком старомодным, может быть, мы можем свободно брать из него только темы – что ты об этом думаешь? Кстати, описание образа Идиота мне не совсем подходит, но,

может быть, получится – мне нужно немножко дольше над ним поразмышлять.

Ты знаешь, что я до сих пор лежу и не встаю. Надеюсь сегодня или завтра сделать попытку. Здесь красиво – вид такой красивый! И больше того! Аахен ! Она была с нами дважды и приедет в третий раз в воскресенье! Она прекрасный человек! <...>

P.S. Я верю: и нервозность от волнения, и возбуждение от нервов, большую роль играет сердце, темперамент!

P.P.S.S. большое спасибо за «Последние новости», которые я пока не получил. <...>

100

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Почтовая открытка]

27 ноября 1934 г.

Моя любимая, любимая детка!

Опять неопределенность: после того, как я телеграфировал господину Нидермиллеру¹⁹⁵ и господину Леонидову по визам – весь мир словно вымер! Ни писем, ни сообщений. Ничего, ничего! Тихо! Хорошо! Сегодня я впервые вышел на небольшую, но приятную прогулку! Мир так прекрасен, когда у тебя хорошее настроение! Эти два дня мое самочувствие было очень хорошим, а сегодня немножко покалывает тут и там, но это наверняка скоро пройдет! Я настолько забыл «Идиота», что читаю его как совершенно новую вещь. Очень интересно выстроена интрига и мастерски написано! Нет? Но насколько вещь может быть киноматериалом – судить пока не берусь. <...> Кстати, Леонидов пишет, что, может быть, Голландия вообще не вариант, но мне все равно – меня больше интересует визовый вопрос – боюсь, что Леонидов гораздо хитрее, чем я думал. Ксения передает

привет твоей милой тете (если она еще с тобой), милому господину Бонеру и тебе. Я – тоже.

Искренне твой

О.2

101

К.К. Чехова – Ж. Бонер

28 ноября 1934 г.
[Нерви]

Жоржеточка, моя дорогая, моя хорошая! Почему ты совсем забыла о нас? Мы с Мишей ждем новостей; кроме того, твои письма всегда доставляют нам большое удовольствие. Ты получила мою открытку и 2 письма (одно от Миши и одно от нас обоих)? Мише немного лучше. Сегодня и вчера он был на улице. Сегодня на повозке, запряженной лошадьми [мы поехали] очень высоко, на гору Святого Илария, откуда открывается прекрасный вид. Было так тепло, что я ходила там в одной блузке. Цветут цветы, мы видели бабочек и пчел. Можно легко запутаться, какой сейчас на самом деле месяц! Миша был очень доволен поездкой и тоже чувствовал себя там хорошо. Миша передает привет тебе и твоей дорогой семье и очень-очень тебя просит написать нам поскорее. Леонидов хочет оформить туристические визы, но не для въезда в Париж. И кажется, что это даже сложнее, чем 3 года назад. Хорошее развлечение! Если бы сейчас дело Европы потерпело неудачу!! Это было бы так важно для окончательного переезда Миши. Как ты считаешь? Может быть, завтра придет Еленочка [Э. Бордолло]. Я нежно обнимаю тебя с моей интимнейшей, сердечной благодарностью.

Твоя *Ксенечка*

102

М.А. Чехов – Ж. Бонер

1 декабря 1934 г.
Нерви

Ура! Детка, детка!

Наконец-то твое милое письмо! Благодарю! Как же долго мы с Ксенией, оба на нервах, ждали – долго и нетерпеливо! Кажется, ты тоже нас ждала! Взаимно? Хорошо, если это так!

Дорогое дитя? Что я слышу? Мм? Я, твой о.2, не интересуюсь твоей работой и твоими делами? Так! Таааак! Хорошо! Речь пойдет об ЭФФЕКТИВНОСТИ! Будь готова! (Это означает: подготовься.)

Аахель [Э. Бордолло] дал мне биографию Муссолини (из-за моего интереса к этому человеку). Я в недоумении (не имеет никакого отношения к «издательству» (предварительно)). Как только я закончу с этим «Идиотом», я прочитаю книгу Ахла [Э. Бордолло].

Спасибо за письмо от доктора Таубе (*рисунок птицы*). Он пишет, что нашел способы работать с французами без помощи иностранцев! Мне это не совсем понятно, но, во всяком случае, он снова стал сниматься в кино, у него есть мысли и т.д. Расскажу лично, хотя сам мало что понял.

«Идиот» кажется мне менее кинематографическим, чем «Эликсир». Теплота «Эликсира» в представлении отдельных настроенческих сцен и в атмосфере, и в атмосферной музыке Бютцова, который все это чрезвычайно хорошо понимает, и если он к тому же получит полный оркестр, как это полагается для уникальной кино съемки, то «Эликсир» может быть теплой, выразительной, эмоциональной историей. Не думай, пожалуйста, не думай, не хочу настаивать на этом – не хочу этого, не осмеливаюсь, моя Жоржеточка, – я даже не работаю над «Эликсиром», просто хочу сказать, что уверен в этой теме, и вопрос о цензуре может быть решен, и, думаю, что фильм был бы неплох.

(Пожалуйста, извини, что я пишу так плохо, но по-другому сегодня не получается.)

Миокардит. Спасибо, дорогая детка за твои заботы – мы оба утешены и надеемся, что все будет в порядке. (Кстати: Леонидов снова исчез (слава Богу)! Но виза должна прийти, скоро... о... Нерви... прекрасный Нерви...)

<...> Пожалуйста, передай сердечные приветы своей милой-милой семье! Скоро, скоро мы снова увидимся!

103

М.А. Чехов – Ж. Бонер

5 декабря 1934 г.

Дорогая, драгоценная детка!

Спасибо за твое милое письмецо!

Детка, пожалуйста, передай нашему любимому и многоуважаемому господину Бонеру нашу с Ксенией самую большую благодарность за его прекрасные теплые строки! Настоящая благодарность от нас обоих за прекрасную, известную рукопись. Скажи, пожалуйста, господину Бонеру, что мы обязательно придем есть крабов и с нетерпением ждем этого прекрасного часа заранее! Но, о горе, сейчас мне нельзя ни шнапс, ни кислоактерскую [шутка] и я буду довольно беспомощным в этом отношении! Спасибо, сердечнейшее спасибо! И ты, дитя, знай, что когда мы приедем, мы должны будем посмотреть альбом марок, и чтобы ты познакомила нас с господином Альбером и фрау Клементин, и только тогда я буду утешен и доволен! Хорошо? Обещаешь мне?

Я думал, ты не будешь читать «Эликсир», так как не будет ясности с цензурой? Ты, наверное, уже закончила сценарий? Скажи! «Идиот» – прекрасная тема! Но... теперь мы хотим посмотреть.

Сейчас в Париже очень плохо для иностранцев, особенно для русских? О, это так грустно и крайне неудобно! Мы тоже хотим это увидеть. Визы еще не пришли.

Обнимаю тебя

O.2

В наши дни «Идиот» (в форме книги) будет тебе отправлен. «Последние новости» пришли (еще раз сердечная благодарность), но: с 1 декабря, а затем с 4 декабря! Где может быть промежуточный номер?

Удивительно!

104

М.А. Чехов – Ж. Бонер

8 декабря 1934 г.

<...> О ритме написал так много, как только мне позволяют силы. Так что идет намного медленнее, чем нужно. Но это всегда дописывается, хотя и медленно – иначе никогда не будет готово, но должно быть готово по многим более важным причинам!!!!!!

Спасибо за письмо из Палестины! Мои дорогие евреи приглашают меня снова! О, насколько мне милее красивая жаркая Палестина с режиссерской работой, чем холодная океанская Америка с актерскими потребностями и необходимостью играть в театре!

Я еще не ответил Таубе, лучше сделаю это из Парижа. Да? Меня очень интересует, чем закончились разговоры с продюсером о возможности или невозможности «Эликсира» (в смысле цензуры).

Ты уже смеешься над историей нашего путешествия? Да – мне хотелось бы кого-нибудь убить или повеситься от беспомощности и тупости людей, которые так сильно хотят быть политически активными, как местный консул! Я вовсе не на Леонидова бросаюсь, а просто вообще в ярости!

Пожалуйста, СЕРДЕЧНЕЙШИЕ приветы уважаемому господину Бонеру.

Твой О.2

У местного консула понос, когда его политическая и полицейская работа пропадает даром!

105

М.А. Чехов – Ж. Бонер

11 декабря 1934 г.

Сейчас нервы почти здоровы
рисунки животных.

Дорогая детка!

ЭТО МЫШИНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?!

Всегда твой

О.943511937043157

Все животные вернутся в рай!

Без слов! Полные чувств!

Я не прошу готовить хорошие комнаты, то есть

СЛИШКОМ МНОГО

для меня! Достаточно туалета с небольшим столом и прочной лампой.

БЕЗ СЛОВ! ПОЛНЫЙ ЧУВСТВ!

Привет

Господин Альберт говорит, что я не могу произнести ни одного высокого слова по-французски. И фрау Клементина говорит то же самое!

О-ля-ля!

(рисунок) все животные придут в Париж. Альберт – шофер, Клементина – его жена, повар.

106

М.А. Чехов – Анне Бонер

22 декабря 1934 г.
Париж
(Парадис)

Мое здоровье, кажется, улучшилось, и, возможно, примерно 16 января «Ревизор» будет сыгран в Бельгии.

107

М.А. и К.К. Чеховы – Анне Бонер

1 января 1935 г.
Париж

<...> Это был приятный, тихий вечер с рождественской елкой и хорошей атмосферой. Господин Бонер много рассказывал об Америке. У моего мужа все, за очень небольшими исключениями, в порядке. И я в эти дни намного лучше. Очень вас благодарю! <...>

Я очень, очень надеюсь приехать-таки к вам после Давоса. <...>

108

М.А. Чехов – А. Бонер

13 января 1935 г.¹⁹⁶
Парадис

<...> А теперь у меня к вам просьба, фройляйн Бонер: мне кажется, Жоржета не хочет ехать в Америку. Вчера, однако, она упомянула, между прочим, что вы за то, чтобы она поехала в Америку. Я был бы очень признателен, если бы вы сказали Жоржете, что она все же едет! Для нас с женой было бы слишком грустно, если бы Жоржета не поехала. И для нее тоже была бы польза – знакомство с Америкой. Во вторник утром мы (актеры) едем в Бельгию и примерно 22, 23 января – возвращаемся в Париж.

Фройляйн Бонер, буду ли я когда-нибудь жить, как вы, дома в Давосе? Я так хочу иметь эту радость!

Прощайте, всего доброго, здоровья и радости.

Преданный вам

Михаил Чехов

Моя жена передает вам сердечный привет и очень благодарит за письмо.

109

М.А. Чехов – Ж. Бонер

[Январь 1935 г.

Брюссель]

Моя дорогая, прекрасная детка!

Ты такая милая, такая красивая, такая... ну итак! Я благодарю вас с господином Бонером за все. Благодарил и буду благодарить!

Наполовину это было так: у меня были боли во время спектакля, и я боролся с ними нитроглицерином. После спектакля и позже, до сих пор чувствую себя сносно, даже хорошо – что меня очень радует. Надеюсь, завтра будет лучше и легче играть. Художественно: очень долго и плохо играл. Думал, что и отзывы критики будут плохими, но они лучше, чем я предполагал, и это было единственной причиной написать телеграмму так, как ты ее получила.

Добро пожаловать в мою комнату¹⁹⁷ – я даже рад, что ты, безусловно, испытываешь интерес к моим книгам. Прочти их в тишине. Есть несколько хороших экземпляров (особенно на нижнем этаже). Ты также можешь принять ванну, но не используй слишком много воды – я этого не люблю.

Контракт с Леонидовым еще не подписан, т.к. Юрок сердится на Леонидова и не отвечает ему на важные для подписания контракта вопросы (!!!?) Злится, потому что я только в «Ревизоре», «Чеховских

вечерах» (и, м.б. в «Грозном») (!?!?!). «Грозного», однако, Леонидов не хочет, потому что у него нет денег на декор. Должен сказать – я не вполне ясно понимаю ситуацию.

Наполовину целую и благодарю твой любимый, хороший, дорогой

O.71

Вступительная статья

¹ Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (Годы эмиграции, 1938–1951). Helsinki University Press, 1992; 2-е изд., доп. – СПб.: Всемирное слово, 1994; Бюклинг Л. Михаил Чехов в западном театре и кино. СПб.: Академический проект, 2000.

² Книги и статьи Жоржет Бонер:

Michael Tschechow. *Werkgeheimnisse der Schauspielkunst*, [Aus d. Engl. übertr. u. für d. dt. Ausg. gekürzt u. bearbeitet. von Georgette Boner u. Hedwig David], Werner Classen, Zürich, Stuttgart 1979 [1988; 1992].

Georgette Boner. *Schauspielkunst. Von der theatralischen Sendung und dem Wunder der Verwandlung*, Verlag: Classen Zürich 1988.

Georgette Boner. Wunder der Verwandlung. Michael Chekhov. In: Georgette Boner. *Schauspielkunst. Von der theatralischen Sendung und dem Wunder der Verwandlung*, Werner Classen Verlag, Zürich und Stuttgart 1988, S. 170–241.

Georgette Boner. Michael Tschechows magisch-überragendes Spiel, in: Georgette Boner. „*Das Zusammenwirken von Bild und Geste symbolisiert geformtes Dasein*“. *Bilder, Texte, Theater*. Museum Rietberg Zürich; Stiftung Langmatt Sidney und Jenny Brown, Baden. Hrsg. von Eberhard Fischer und Eva-Maria Preiswerk. Zürich: Museum Rietberg [etc.], cop. 1996, S. 81–84.

Georgette Boner. *Hommage an Michael Tschechow. Schauspieler und Regisseur*. Werner Classen, Zürich. 1994.

Georgette Boner. „*Das Zusammenwirken von Bild und Geste symbolisiert geformtes Dasein*“. *Bilder, Texte, Theater*. Museum Rietberg Zürich; Stiftung Langmatt Sidney und Jenny Brown, Baden. Hrsg. von Eberhard Fischer und Eva-Maria Preiswerk. Zürich: Museum Rietberg [etc.], cop. 1996; Katalog zur gleichnamigen Ausstellung von 1996 in der Stiftung Langmatt Sidney und Jenny Brown, Baden (mit einer Bildbiographie, S. 11–91).

³ Hatfield Hurd. Vorwort // Boner. 1994. P. 7 (перевод – Л. Б.).

⁴ Чехова (урожд. Зиллер) Ксения Карловна (1897–1970) – вторая жена М.А. Чехова.

⁵ Из письма М.А. Чехова А.В. Луначарскому (не позднее 28 октября 1928 г., Берлин). Впервые опубликовано: *Нинов А.* Мастер и прокуратор: Неопубликованные письма М.А. Чехова и И.В. Сталина с необходимыми комментариями к некоторым темам и событиям 1927–1929 гг. // *Знамя.* 1990. № 1. С. 193.

⁶ С публикацией «Литературного наследия» Михаил Чехов «вернулся» в Россию – его статьи, книги, мемуары и письма стали доступными русскому читателю. См.: Михаил Чехов. Литературное наследие: В 2 т. Т. 1: Воспоминания. Письма; Т. 2: Об искусстве актера / Общ. научн. ред. М.О. Кнебель; ред. Н.А. Крымова; сост. И.И. Аброскина, М.С. Иванова, Н.А. Крымова; коммент. И.И. Аброскиной, М.С. Ивановой. М.: Искусство, 1986; 2-е изд., испр. и доп.: М.: Искусство, 1995 (далее – *Чехов* с указанием тома и страницы). Американские воспоминания Чехова в этих изданиях опубликованы с купюрами, которые не оговорены.

⁷ *Громов Виктор Алексеевич* (1879–1975) – актер, режиссер, близкий друг и соратник М.А. Чехова, разделявший с ним увлечение антропософией. С 1922 г. в Первой студии, затем во МХАТе Втором. Вслед за Чеховым уехал в Берлин, принимал участие в его европейских режиссерских опытах. В начале 1930-х гг. последовал за ним в Ригу. Чехов чувствовал себя ответственным за судьбу артиста, хотя в его планы Громов и его жена, актриса Александра Давыдовна Громова (урожд. Френкель, сценич. псевд. – Давыдова; 1904–1990), плохо вписывались. Отсюда постоянные заботы Чехова о том, чтобы обустроить Громовым самостоятельное, отдельное от него существование. Громов был ассистентом Чехова, ставил спектакли и преподавал в Латвии и Литве. В 1934 г. Громов и Давыдова вернулись в Россию. По рекомендации Чехова он был принят в Театр им. Мейерхольда, как вскоре оказалось, место небезопасное. Громов – автор монографии о Михаиле Чехове (М.: Искусство, 1970).

⁸ *Бондырев (Бондарев) Алексей Павлович* (1882 – 1939(57)) – актер МХТ с 1908 по 1924 г. Во время гастролей МХАТа (1922–1924) остался за границей. В Париже жил вместе с женой Софьей Сергеевной и дочерью Ириной.

⁹ *Моргенштерн Маргарит* (1879–1968) – немецкий антропософ, друг и спонсор Театра Чехова.

¹⁰ *Высоцкий Федор Давидович* (1879–1933) – чаеоторговец, член правления товарищества «В. Высоцкий и Ко» в Париже. Он познакомил Чехова с Ж. Бонер и финансировал Театр Чехова.

¹¹ См., например: *А.А. <псевдоним не раскрыт>* В гостях у М.А. Чехова // *Мир и Искусство.* Париж, 1930. № 13. 1 ноября. Эти идеи излагаются и в интервью французской газете «Quotidien» (1930. 26 novembre).

¹² «*Картель*» – объединение (1926) французских режиссеров (Шарль Дюллен, Гастон Бати, Луи Жуве и Жорж Питоев), которое противопоставило свое творчество практике коммерческого театра. В 1922 г. Шарль Дюллен (1885–1949) приобрел театр «Ателье», где его труппа выступала до 1940 г. Чехов арендовал этот театр на время гастролей труппы Дюллена.

¹³ См. опубликованное фото труппы: *Мир и Искусство.* Париж, 1931. № 12. 1 июня.

¹⁴ Письмо *И.К. Алексеева* М.П. Лилиной от 24 мая 1931 г. Цит. по: *Чехов.* Т. 2. С. 532.

¹⁵ *Ходасевич В.* «Эрик XIV». Театр Чехова // *Возрождение.* Париж, 1931. № 2192. 3 июня. С. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Львов Л.* После спектаклей театра Михаила Чехова // *Мир и Искусство.* Париж, 1931. № 12. 1 июня. С. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ И.К. Алексеев в письме К.С. Станиславскому от 1 июля 1931 г. рассказывал: «...он [Чехов] помогал Бондыреву, который бедствовал, Асланову, Громову с женой, которые без его театра сидели бы без дела». Цит. по: *Чехов*. Т. 2. С. 534.

²⁰ *Цетлин Михаил Осипович* (1882–1945) – поэт, прозаик, издатель, благотворитель. Работал в семейном чайном предприятии Высоцких. Был редактором в отделе поэзии журнала «Современные записки». Сотрудничал в газете «Последние новости» со дня основания. Его жена – Мария Самойловна (1882–1976).

Михаил Осипович Высоцкий – владелец чаеоторговой фирмы в Париже. Он активно поддерживал российских эмигрантов, приглашал их домой; издатель журнала «Современные записки».

Подробнее о Высоцких и Цетлинах см.: *Лобовская Маргарита*. Высоцкие в России и эмиграции // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер». Т. II. Академическая серия. Выпуск 31. М., 2010. С. 132–154.

²¹ *Boner G. Hommage an Michael Tschschow... S. 14.*

²² *Каринская (урожд. Жмудская) Варвара Андреевна* (1886–1983) – художница по костюмам. Держала в Москве школу художественной вышивки. В 1928 г. она с дочерью Ириной эмигрировала из России в Брюссель, с 1930 г. они жили в Париже. В Париже открыла мастерскую по изготовлению костюмов для театра и кино. Художник по костюмам в фильме А. Волкова «Шахерезада» (1929). Сделала эскизы костюмов для спектакля Чехова «Дон Кихот» (спектакль не был осуществлен). В 1940 г. переехала в США, где продолжала делать костюмы для балета, театра и кино. Обладатель двух «Оскаров» за фильмы «Жанна д'Арк» В. Флеминга (1948) и «Ганс Христиан Андерсен» Ч. Видора (1952).

²³ *Boner G. Hommage an Michael Tschschow... S. 77–100.*

²⁴ *Lugné-Poe. Le Château s'éveille au théâtre Tchekhoff // L'Avenir. 1931. 18 juin.*

²⁵ *Громова-Давыдова А.* Памяти великого артиста: Воспоминания о Михаиле Александровиче Чехове // Родник. Рига, 1990. № 5. С. 48, 46.

²⁶ Дневниковые записи Бонер за 1931 г.: *Boner G. Hommage an Michael Tschschow... S. 11–12.*

²⁷ См. вступит. статью В.В. Иванова к антропософским письмам М.А. Чехова В.А. Громову (1926–1928) // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 2. М.: УРСС, 2000. С. 85–92.

²⁸ Антропософия (от *antropos* – человек и *sophia* – мудрость (*греч.*)) – выделившееся из теософии религиозно-философское учение о человеке как о духовной личности. Основана немецким философом Рудольфом Штейнером (1861–1925) в 1913 г. Антропософы рассматривают человека как существо, имеющее одновременно и земное, и космическое происхождение, и ставят своей задачей раскрытие его сущности путем особых упражнений, позволяющим выявить в человеке его духовное активно-творческое начало, гармонизировать его разум и волю.

²⁹ *Удай Шанкар* (1900–1977) – индийский танцор и хореограф, известный созданием стиля танца фьюжн, адаптацию европейских театральных техник к индийскому классическому танцу. В 1931 г. в Париже основал первую в Европе труппу индийских танцев вместе с Алис Бонер, которая стала одной из его учениц.

³⁰ Легкость и ритмичность классического индийского танца отвечала чеховскому идеалу исполнительского искусства. Труппой Шанкара восхищались многие русские художники. Удивительным, прекрасным явлением

называл ее М.М. Фокин. Он писал о Шанкаре: «Я бы хотел, чтобы от него балет позаимствовал не отдельные позы и танцы, а то благородное, священное отношение к искусству танца, ту атмосферу вкуса и красоты, которой так отличается этот азиат от европейских и центральноевропейских танцоров и танцовщиц» (Фокин М. Против течения. Л.; М.: Искусство, 1962. С. 438). Анна Павлова создала балет «Восточные впечатления» (1930) по древним индусским танцам, которые ее очаровали.

³¹ Бергстрем Альфред Германович (1902–1972) – актер, режиссер. В середине 1920-х гг. работал в московском театре «Семперантэ». Позже жил в Латвии. В 1931 г. принимал участие в парижских спектаклях Театра Чехова. Переписывался с Чеховым с 1931 по 1954 г.

³² Чехов. Т. 1. С. 394–395. В Риге Чехов гастролировал весной 1931 г.

³³ Опубликовано в кн.: *Boner G. Hommage an Michael Tschschow.*

³⁴ Бютцов (de Bützow) Владимир Евгеньевич де (1887–1959) – музыкант, композитор. Выходец из семьи потомственных дипломатов. Работал в русском берлинском театре «Синяя птица», которым руководил Я.Д. Южный.

³⁵ Масютин Василий Николаевич (1884–1955) – график, живописец и литератор. Оформил «Сказку об Иване дурачке» (пьесу Чехова по сказке Л.Н. Толстого), постановка К. С. Станиславского во Второй студии МХТ (1922). С 1920 г. жил в Берлине. В Париже в Театре Чехова оформил «Дворец пробуждается» и «Дон Кихот» (постановка не была осуществлена).

³⁶ См.: Чехов. Т. 1. С. 217–218.

³⁷ Там же. С. 239.

³⁸ Запись беседы Ж. Бонер с публикатором. 1995 г.

³⁹ M. Michel Tchekhoff expose une nouvelle conception du théâtre traduit // *Comoedia*. 1931. № 1376. 8 novembre. P. 3.

⁴⁰ См. афишу «Дворец пробуждается», пьеса в трех актах и пяти картинах В. Громова и М. Чехова. Музыка В. Бютцова. Постановка Жоржет Бонер, Михаила Чехова и Виктора Громова. – Архив Ж. Бонер, Цюрих. Опубл.: Мир и творчество. Париж, 1931. 1 ноября.

⁴¹ Громова-Давыдова А. Памяти великого артиста: Воспоминания о Михаиле Александровиче Чехове // *Родник*. Рига, 1990. № 5. С. 48.

⁴² См.: *Boner G. Hommage an Michael Tschschow... S. 12.*

⁴³ Цит. по: Чехов. Т. 2. С. 536–537.

⁴⁴ *Antoine*. «Le château s'éveille» au théâtre de l'Avenue // *L'Information*. 1931. 17 novembre.

⁴⁵ Чехов. Т. 1. С. 240.

⁴⁶ См. сообщение Чехова русской газете о том, что он «предполагает и впредь совершенствовать этот спектакль, стремясь извлечь из этой первой своей попытки искания новых театральных путей возможно больший материал для дальнейших сценических работ». Цит. по: <б.а.> Театр Мих. Чехова // *Возрождение*. Париж, 1931. № 2360. 18 ноября. С. 3.

⁴⁷ См.: Чехов М. Жизнь и встречи // *Новый журнал*. 1945. № 10. С. 34–50 (глава 19); опубл. с купюрами: Чехов. Т. 1. С. 211–223.

⁴⁸ Там же. С. 221.

⁴⁹ Цит. по: Чехов. Т. 2. С. 536.

⁵⁰ Письмо М.А. Чехова Вс.Э. Мейерхольду от 13 февраля 1933 г. / Чехов. Т. 1. С. 401.

⁵¹ Чехов М. Жизнь и встречи // Там же. С. 223.

⁵² Там же. С. 218.

⁵³ Подробно о работе Чехова в Риге и Каунасе см.: *Бюклинг*. 2000. С. 133–196.

⁵⁴ *Жилинский (наст. фам. Голяк) Андрей Матвеевич* (1893–1948) – актер, театральный деятель. Сотрудник МХТ (1913–1922). Актер Первой студии и МХАТ Второго. В 1929 г. принял гражданство Литвы и покинул СССР. В историю литовского театра вошел как Андриус Олека-Жилинскас. Как директор Литовского государственного театра пригласил Чехова на режиссерскую и педагогическую работу в Каунас. Политический режим, который не позволил Чехову задержаться в Литве, выдал из страны и Жилинского. Позже вместе с женой, актрисой Верой Васильевной Соловьевой (1892–1986) вошел в Пражскую группу и вместе с ней приехал в США (1935), где занимался театральной педагогикой.

⁵⁵ *Сруога Б.* Михаил Чехов // *Сегодня*. 1932. № 151. 1 июня. С. 10.

⁵⁶ *Boner G.* Hommage an Michael Tschschow... S. 14.

⁵⁷ См. письмо Чехова литовским студийцам от 4 октября 1933 г. *Чехов*. Т. 2. С. 128–139.

⁵⁸ *Sruoga B.* Apie tiesą ir sceną. Vilnius, 1994. S. 242.

⁵⁹ *Чехов*. Т. 1. С. 233.

⁶⁰ Там же. С. 236.

⁶¹ *Таубе Рудольф* – секретарь Вл.И. Немировича-Данченко в первые послереволюционные годы. Позже в эмиграции. Упомянут в письмах Вл.И. Немировича-Данченко С.Л. Бертенсону (1930) в связи с берлинскими переговорами с Terra-фильм и банковским кредитом. См.: *Аренский К.* Письма в Голливуд (По материалам архива С.Л. Бертенсона). Мюнхен, 1968. С. 113, 114, 116). Возможно, сын московского врача Юлия Романовича Таубе (1858– после 1925), лечившего А.П. Чехова, О.Л. Книппер-Чехову, Вл.И. Немировича-Данченко.

⁶² Чехов позднее вспоминал: «Однажды ночью, возвращаясь с одного из таких заседаний [в школе. – Л.Б.], я заметил, что улицы как-то особенно пусты и тихи. И мне показалось: странная, напряженная атмосфера окружает меня, вызывая какие-то далекие, неясные воспоминания. Знакомое чувство беспокойства охватило меня. Я силился вспомнить, не мог, и это увеличивало безотчетную тоску. Вдруг мимо меня промчался грузовик. В нем плотно, плечо к плечу, стояли в молчании люди. Другой, третий грузовик. Снова все стихло. *Москва – семнадцатый год!* Наутро стало известно: в Латвии совершился переворот. Но переворот был в пользу фашистов. Воцарился Ульманис, и началась жестокая травля иностранцев» (*Чехов М.* Жизнь и встречи // *Новый журнал*. 1945. № 11. С. 68). Курсивом выделена фраза, опущенная в *Чехов*. Т. 1. Современные латышские историки полагают, что переворот Ульманиса был не фашистским, а крайне националистическим.

⁶³ *Чехов*. Т. 1. С. 236. Карклиньш пишет в воспоминаниях: «Теперь, мол, все должно быть латышским сверху донизу. Так вождь провозгласил. Все немецкое или русское из нашей страны вон! Мы сами все лучше сделаем. <...> Театральной школе дают новых руководителей. Воспитанники протестуют, покидают школу и во главе с одаренным режиссером Вольдемаром Пуце создают свою драматическую студию в коммерческом училище Олава. Там продолжается интересная, важная и слаженная работа» (*Карклиньш Я.* «Убей меня – не хочу идти на сцену!» // *Даугава*. Рига, 1993. № 3. С. 175).

⁶⁴ *Песталоцци (Pestalozzi) Й.-Г.* (1746–1827) – швейцарский педагог-демократ.

⁶⁵ *Чехов*. Т. 1. С. 239.

⁶⁶ Об этой встрече Бонер пишет в своих воспоминаниях, см.: *Boner G.* Hommage an Michael Tschschow... S. 14.

⁶⁷ Письмо В. Масютиной от 25 августа 1934 см.: *Вернер В.* Письма М. Чехова В. Масютину. Первые годы в изгнании // Памятники культуры. Ежегодник. 1992. М.: Наука, 1993. С. 134.

⁶⁸ См.: *Le Théâtre d'Art de Moscou (groupe de Prague). Le Revisor // La Nation Belge.* 1935. 18 janvier; *Eric de Hauleville.* Entretien avec Michel Tchekoff // *L'Indépendance Belge.* 1935. 19 janvier.

⁶⁹ *Волконский С.* кн. Гастроли «Пражан»: «Ревизор» // Последние новости. 1935. № 5060. 30 января.

⁷⁰ *Ходасевич Вл.* По поводу «Ревизора» // Возрождение. 1935. № 3550. 21 февраля. С. 3.

1

⁷¹ Сохранились две визитные карточки М.А. Чехова на немецком и французском языках с текстом «Часто бывает так, что если кому-то что-то нравится, то он достанет это Бог знает откуда!», датированные летом 1931 г. Надпись Чехова.

2

⁷² Можно сравнить эти мысли Чехова с тем, что он писал в 1930 г. Станиславскому: «Вся театральная жизнь Запада производит на меня тяжелое впечатление. Спасти ничего нельзя, надо все построить заново» (*Чехов.* Т. 1. С. 371).

⁷³ *Дорнах* – антропософский центр в Швейцарии.

3

⁷⁴ Чехов работал с Громовым над режиссерским планом сказки «Дворец пробуждается».

⁷⁵ *Траутветтер* – неуст. лицо.

7

⁷⁶ «*тайноведение*» – имеется в виду учение Р. Штайнера.

⁷⁷ *Мантес* – коммуна на северо-западе Франции, недалеко от Гитранкура.

9

⁷⁸ Георг Бонер отдыхал и занимался зимним спортом в родном доме в Давосе, в Швейцарских Альпах.

⁷⁹ Приглашение от А.М. Жилинского на режиссерскую и педагогическую работу в Литве.

⁸⁰ Видимо, речь идет о разрешении на жительство в Латвии, которое Чехов получил от Латвийского консульства в Париже. Чехов был приглашен в Ригу сначала на гастроли, потом на режиссерскую работу в Театр русской драмы и Латвийский Национальный театр.

⁸¹ «*маленькая Ольга*» – Чехова Ольга Михайловна (1916–1966), дочь М.А. и О.К. Чеховых.

⁸² Чехов волновался перед каждой поездкой, так как до 1946 г. он и К.К. Чехова имели советские паспорта.

⁸³ Старшая дочь Г. Бонера *Алис* собиралась уехать в Индию.

⁸⁴ Зимой 1931–1932 г. Чеховы жили в большой квартире Бонеров в центре Парижа, на пл. Ламартен.

⁸⁵ *Татьяна Петровна* – неуст. лицо, подруга Георга Бонер.

10

⁸⁶ Возможно, речь идет о книге Рудольфа Штайнера.

⁸⁷ Ж. Бонер, вероятно, собиралась в Швейцарию.

11

⁸⁸ Премьера «*Эрика XIV*» А. Стриндберга состоялась в Латвийском национальном театре 7 марта 1932 г. Чехов играл Эрика 10, 11 и 14 марта. 12 и 13

марта он играл Хлестакова в Театре русской драмы. Там же он играл Мальволио в своей постановке «Двенадцатая ночь» 15 и 18 марта.

⁸⁹ О какой именно книге Р. Штайнера идет речь, выяснить не удалось.

⁹⁰ План создания Камерного театра Чехова и Бонер возник, видимо, уже в Париже. Позже обсуждался в письмах 1932–1933 гг.

⁹¹ Ж. Бонер вела театральные занятия в гимназии.

⁹² *Борд-лло* – шутка Чехова. Элен Бордолло – подруга Ж. Бонер.

⁹³ *...русский почерк*. – Георг Бонер учился русскому языку и писал письма, видимо, с помощью своей подруги Татьяны Петровны.

⁹⁴ Макс Рейнхардт поставил оперетту Ж. Оффенбаха «Орфей в аду» в Национальной опере Латвии. Премьера – 5 марта 1932 г. Благодарю Дарту Церину (Darta Cerina) (Рига) за сведения о театрах в Риге.

⁹⁵ За год до этого, впервые после совместной работы в Берлине, Рейнхардт был на гастрольном спектакле Чехова – «Ревизор» 17 апреля 1931 г. в Риге – и приглашал его на совместную постановку. Теперь он повторял приглашение. Постановку Рейнхардта Чехов обошел молчанием в виде многоточия – развлекательное направление привлекало его так же мало, как и возвращение на немецкую сцену. *Ландау* – город в юго-западной Германии. Рейнхардт, однако, не ставил там спектаклей, а вскоре уехал в США.

12

⁹⁶ В Париже Чехов жил в комнате Жоржет в большой квартире Бонеров.

⁹⁷ Премьера «Двенадцатой ночи» в Театре русской драмы состоялась 15 марта 1932 г. Премьерами часто называли несколько первых спектаклей.

⁹⁸ Чехов стремился переехать дальше на Запад и надеялся на дальнейшее сотрудничество с Жю Бонер в Цюрихе. Намечено и изучение «книги», то есть учения Штайнера, в том случае, если Чехову будет разрешен въезд в Швейцарию. Это, однако, оказалось невозможно.

⁹⁹ *Аахельхен, Ахель* – ласковые имена Элен Бордолло.

13

¹⁰⁰ В *Двинске* (ныне Даугавпилс) Чехов гастролировал в недавно открытом филиале Театра русской драмы.

¹⁰¹ Шутка Чехова. Это он не мог въехать в Швейцарию по советскому паспорту.

¹⁰² Чехов возвращался к идее Камерного театра и к изучению философии Штайнера.

¹⁰³ Видимо, речь идет о главе из книги Чехова об актерском искусстве на немецком языке. «Авторское общество» – возможно, Жоржет вела переговоры об издании совместной книги с Чеховым.

¹⁰⁴ *Тетушка* – Анна Бонер, сестра Георга Бонера, с которой Чехов встретился только один раз, но всегда помнил и передавал ей приветы. Анна Бонер жила в семейном доме в Давосе. Жоржет ездила туда кататься на лыжах, хотя она не особенно увлекалась зимним спортом (Беседа с Ж. Бонер. Цюрих. 20 апреля 1995 г.).

14

¹⁰⁵ В Либаве (ныне – Лиепая) Чехов играл Фрезера в «Потопе» 11 апреля и Мальволио в «Двенадцатой ночи» 12 апреля с Театром русской драмы.

¹⁰⁶ Ж. Бонер поставила пьесу А. Шницлера «Комедия слов» в Немецком театре в Париже (июнь 1931 г.)

¹⁰⁷ Чехов собирался оплатить свой долг Бонер после гастролей.

15

¹⁰⁸ На ул. Колизея находился Театр Чехова и Бонер в Париже в 1931 г.

¹⁰⁹ *Антоний* – пьеса «Чудо св. Антония» М. Метерлинка была поставлена в Третьей студии МХТ в 1921 г. Режиссер – Е.Б. Вахтангов. Возможно, Чехов предлагал поставить ее в Цюрихе.

¹¹⁰ Премьера трагедии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в Латвийском национальном театре состоялась в апреле 1932 г. Постановка М.А. Чехова и В.А. Громова. Чехов играл заглавную роль.

16

¹¹¹ *Риттелмайер Фридрих* (1872–1938) – немецкий протестантский священник, теолог и один из основателей «Христианского общества», которое было вдохновлено идеями антропософии Рудольфа Штайнера. Риттелмайер опубликовал книгу о Штайнере (Meine Lebensbegegnung mit Rudolf Steiner [Моя жизненная встреча с Рудольфом Штайнером]. Stuttgart, 1922). Возможно, речь идет об этой книге.

¹¹² В.А. Громов ставил самостоятельно спектакли в рижских театрах.

17

¹¹³ Чехов послал главу из рукописи о технике актера.

¹¹⁴ Ж. Бонер пыталась достать для Чеховых визу в Швейцарию.

¹¹⁵ За сухим безличным упоминанием стоит фигура давнего товарища Чехова по Первой студии и МХАТу Второму – А.М. Жилинского. См. коммент.

20

¹¹⁶ *Ульриховичи* – неуст. лица.

¹¹⁷ С 7 по 11 ноября 1932 г. Чехов гастролировал в Тарту и Таллине с программой, в которую помимо рассказов А.П. Чехова были включены сцены из «Ревизора» и монолог Мармеладова из «Преступления и наказания».

¹¹⁸ По настоянию директора Театра русской драмы А.И. Гришина Чехов играл до 17 мая главную роль в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого.

21

¹¹⁹ *Гришин Александр Ильич* (1880–1940) – актер, театральный предприниматель. Управляющий труппой БДТ в Петрограде (1919–1921), антрепренер рижского Театра русской драмы (1921–1925), много лет работал директором, затем администратором этой труппы.

¹²⁰ По приглашению А.М. Жилинского Чехов приехал в Каунас 26 мая и гастролировал в Литовском государственном театре с 30 мая по 5 июня.

23

¹²¹ «Анатоль» – так Чехов называл Бонер со времени их предполагавшейся совместной работы в Париже над пьесой «Анатоль» А. Шницлера.

¹²² *Профессор Зангер* – цюрихский юрист, знакомый семьи Бонер, пытался помогать с визовыми проблемами Чеховых.

¹²³ На гастролях в Двинске Чехов играл «Утопленника», «Жениха и папеньку», «Ведьму» и «Забыл».

24

¹²⁴ Чехова вел переговоры о режиссерской и педагогической работе в Каунасе.

¹²⁵ Чехов заплатил часть долгов за парижский экспериментальный театр Георгу Бонеру и Маргарит Моргенштерн. Остальная часть долгов была погашена Бонером.

¹²⁶ Имеется в виду А.М. Жилинский.

28

¹²⁷ 7 августа Чехов уезжал в Каунас, где он проводил занятия по актерскому мастерству и начинал репетиции «Гамлета» в Государственном театре Литвы.

¹²⁸ Видимо, речь идет о разрешении на жительство в Швейцарии.

30

¹²⁹ Чехов увлекался шахматами. В Москве посещал шахматный турнир (1925). По воспоминаниям современника уже в США, «он приглашает к себе всех специалистов-шахматистов, и мастера этой игры, живущие вокруг Голливуда, восхищаются его мастерством в шахматной игре». Цит. по: Чехов. Т.2. С. 555.

¹³⁰ Михаил и Ксения Чеховы и Жоржет Бонер жили в Асари (Юрмала), где Бонер продолжала работу над рукописью о технике актера, начатой ею с Чеховым.

¹³¹ Шутка Чехова – он заботился о послеобеденном отдыхе Жоржет.

¹³² Речь идет о начале работы над постановкой «Гамлета» в литовском театре.

¹³³ *Хюрер* – житель швейцарского города Хюр (Chur), где Жоржет родилась.

31

¹³⁴ *Папа I* – шутовское прозвище Георга Бонера.

32

¹³⁵ Жоржет и Ксения посетили православный монастырь Печеры, Эстония.

33

¹³⁶ В постановке «Гамлета» Датского принца играл А.М. Жилинский. В сезоне 1932/33 гг. Чехов выступал как актер в Латвийском национальном театре и Театре русской драмы в Риге.

¹³⁷ *...ни одной еврейки* – возможно, шутка Чехова о предполагаемой возлюбленной Жоржет.

35

¹³⁸ Шутка Чехова. Ж. Бонер, которая хорошо владела английским, учила Чехова языку.

36

¹³⁹ *Кременецкий Б.Я.* – актер. В начале 1930-х гг. выступал в Театре русской драмы (Рига).

37

¹⁴⁰ Чехова пригласили в Палестину, в театр «Габима», на режиссерскую работу. См.: «Что Вы думаете о Шейлоке?» Переписка правления театра «Габима» с А. Диким и М. Чеховым (1927–1934) / Публ., вступит. статья и коммент. О. Левитан и Я. Кор // Мнемозина документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 8. М.: Индрик, 2019. С. 343–358.

¹⁴¹ Главы из книги о технике актера на немецком языке.

38

¹⁴² Здесь и дальше: главы из книги о технике актера. У Чехова был уже довольно богатый писательский опыт: в Москве он опубликовал статьи о театре и книгу «Путь актера» (1928).

¹⁴³ После постановки «Гамлета» в октябре 1932 г. Чехов в декабре работал с актерами литовского театра над актерской техникой.

¹⁴⁴ *Жорж* – возможно, Георг Бонер.

¹⁴⁵ Тема двойника возникала у Чехова часто: он считал, что его двойник жил в тех местах, по которым он сам скучал.

39

¹⁴⁶ *Ромеада* – сочинение, слово придуманное Чеховым.

41

¹⁴⁷ Доктора Штайнера.

¹⁴⁸ Господин Альберт – шофер Бонеров.

¹⁴⁹ Фото Ж. Бонер на репетиции пьесы Бюхнера «Болезнь молодости» в Немецком театре в Париже (февраль 1932 г.).

45

¹⁵⁰ *Палестинский вопрос* – имеется в виду приглашение от театра «Габима».

¹⁵¹ *Цви Бен-Хаим* (1898–1957) – актер театра «Габима».

46

¹⁵² *Господин Фома* – Фома Опискин. Премьера «Села Степанчикова» в рижском Театре русской драмы состоялась 25 ноября 1932 г. Чехов был режиссером спектакля и играл роль Фомы Опискина.

47

¹⁵³ Имеется в виду «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, у которой существует второе название «Что хотите», премьера в Литовском государственном театре состоялась 14 марта 1933 г. Постановка М.А. Чехова, художник – С. Ушинкас.

48

¹⁵⁴ Ф.Д. Высокий скончался 6 января 1933 г.

51

¹⁵⁵ Имеются в виду репетиции «Двенадцатой ночи».

52

¹⁵⁶ Авторское общество.

53

¹⁵⁷ В Музее литовского художника М.К. Чюрлениса.

¹⁵⁸ *Возможно ли это по-кошачьи...* – шутка М.А. Чехова.

¹⁵⁹ Написано перед премьерой спектакля «Двенадцатая ночь» в Литовском государственном театре.

¹⁶⁰ *Моргенштерн Маргарит* (1879–1968) – немецкий антропософ, друг и спонсор Театра Чехова.

54

¹⁶¹ Шутка: Чехов брал уроки рисования у М.В. Добужинского в Риге.

57

¹⁶² *Юрок Сол* (*Гурков Соломон Израилевич*; 1888–1974) – американский музыкальный и театральный продюсер, организатор гастролей по США Анны Павловой, Айседоры Дункан, Федора Шаляпина, Артура Рубинштейна, Яши Хейфеца, театра «Габима».

¹⁶³ Обыгрывается название сборника стихотворений «*Западно-восточный Диван*» (1819) Гете. Поэт сопроводил свой «Диван» «Примечаниями и исследованиями для лучшего понимания “Западно-восточного дивана”, предназначенными для сведения тех читателей, “кто почти или вовсе не знаком с Востоком”».

58

¹⁶⁴ Чехов исполнял монолог *Мармеладова* из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского.

¹⁶⁵ Премьера «Ревизора» состоялась в Литовском государственном театре 26 сентября 1933. Художник – М.В. Добужинский.

60

¹⁶⁶ Чехов и Моргенштерн уехали вместе из Риги, Чехов остался в Каунасе, Моргенштерн поехала дальше в Берлин.

¹⁶⁷ *Альберт* – шофер Бонеров, *Клементина*, его жена, – повар.

62

¹⁶⁸ *Обухов Николай Борисович* (1892–1954) – композитор, теоретик музыки, педагог, изобретатель музыкальных инструментов – электроакустических (прозван современниками «Страдивари радиоэлектронной музыки»); разработал собственную систему нотации. Двоюродный брат певицы Н.А. Обуховой. С 1919 г. во Франции. Тяготел к теософии, подписывал свои сочинения *Nicholas l’Extasié* (Николай Экстатический).

¹⁶⁹ Шутка про Гезамткунстверк – по Р. Вагнеру, музыкальная драма – произведение, в котором осуществляется идея синтеза искусств (музыки и драмы). «*Klementinfischkunstwerk*» – «синтез рыбных блюд Клементины».

63

¹⁷⁰ Приглашение Чехова на режиссерскую работу в «*Дайлес-театр*» отменилось. Изменилась политическая ситуация в Латвии, и Чехов должен был уехать.

64

¹⁷¹ После ухода Чехова из рижского Театра русской драмы Фому Опискина в «Селе Степанчикове» играл *Поликарп Арсеньевич Павлов* (1885–1974), в прошлом актер МХТ. Входил в «Качаловскую группу». Вместе с женой В.М. Греч стоял во главе Пражской группы после того, как ее покинула М.Н. Германова. Выступал в разных русских труппах в диаспоре, в том числе в Театре русской драмы.

65

¹⁷² М.В. Добужинский готовил оформление к «Волшебной флейте».

¹⁷³ *Линдау* – курортный город на острове в восточной части Боденского озера, районный центр германской земли Бавария.

67

¹⁷⁴ Имеется в виду премьера «Ревизора».

68

¹⁷⁵ Премьера комической оперы Р. Планкетта «*Корневильские колокола*» в латвийской Национальной опере в постановке В.А. Громова состоялась 14 октября 1933 г. Рецензент, отмечая достоинства спектакля, приходил к неутешительным выводам: «Самым ярким “номером” постановки были танцы второй картины. Очень талантливо и оригинально придуманные, остроумные в своем акробатическом гротеске, они исполнены были с большим увлечением и подъемом. Публика в этот момент оживилась от скуки, царившей весь вечер в зале. На сцене много суетились, смеялись, бегали. Но ни оживление, ни смех не заражали зрительного зала. Скорее утомляли» (В.П. <псевдоним не раскрыт> «Корневильские колокола» в Национальной опере // Сегодня. 1933. № 285. 15 октября. С. 12).

¹⁷⁶ Возможно, имеется в виду интрига А.И. Гришина, направленная на то, чтобы отговорить М.А. Чехова и В.А. Громова от работы Оперном театре и закрепить за Театром русской драмы монополию на их работу в Риге.

¹⁷⁷ Премьера оперетты И. Кальмана «*Сильва*» в постановке В.А. Громова и Я. Зариньша в латвийской Национальной опере состоялась 23 февраля 1933 г. Насчет веселости спектакля с Чеховым был не согласен рецензент русской газеты: «Безумная постановка. Перемудрили, переусердствовали. <...> Воодушевил режиссеров, как видно, и Таиров. Певцов все время заставляют танцевать, не дают им покоя. <...> превратили “Сильву” в музыкальную трагедию с танцами. Пока разыгрывается трагическая часть, публика имеет право плакать. Когда появляется балет, на лицах показываются улыбки. Безжалостно вытравили из оперетки смех» (Брамс Як. «Сильва» – музыкальная трагедия с танцами // Сегодня. Рига. 1933. № 55. 24 февраля. С. 8).

69

¹⁷⁸ В октябре работа над «Волшебной флейтой» в Национальной опере Латвии была отложена. Чехову предложили поставить «Парсифаля» Р. Вагнера. Премьера состоялась 14 марта 1934 г. Художник – Л. Либерт.

74

¹⁷⁹ Профессор медицины *Василий Николаевич Клименко* (1869–1941), отец актера *рижского Театра русской драмы Василия Васильевича Клименко* (1903–1984).

75

¹⁸⁰ Возможно, речь идет о книге *Людвига Клагеса* (1872–1956), немецкого психолога и философа-иррационалиста, посланной Бонер. Название книги установить не удалось.

77

¹⁸¹ Спектакль учеников Чехова в Театральной школе в Риге.

78

¹⁸² Р. Таубе пригласил Чехова принять участие в кинофирме. Чехов предлагает Жоржет Бонер как режиссера и спонсора; нужно приложить 250 тыс. фр. франков, ¼ бюджета.

79

¹⁸³ Постановка оперы К. Гольдмарка «Царица Савская» не состоялась. Уже на следующий день Чехов сообщает, что вынужден уйти из Латвийской Национальной оперы.

¹⁸⁴ О какой статье идет речь, установить не удалось.

¹⁸⁵ Весной 1934 г. Бонер совершила туристическое путешествие в Марокко.

¹⁸⁶ Идея была реализована позже в форме Интернациональной школы-студии в Дартингтоне (1936–1938).

81

¹⁸⁷ Речь идет о сценарии для кинофильма «Эликсир дьявола».

87

¹⁸⁸ Алис Бонер уехала в Индию.

88

¹⁸⁹ «Эликсир дьявола» рассматривался в связи с кинематографическими планами Чехова. Возможно, имеется в виду роман Э.Т.А. Гофмана.

90

¹⁹⁰ Бонер прислала инсценировку главы «Идиота» Ф.М. Достоевского.

93

¹⁹¹ *наше киномену* – список тем для кино. Рукой Жоржет Бонер: «Лето 1931. Проект фильма. Проекты. Толстой – Сказки. Достоевский – «Вечный муж», «Скверный анекдот». Лермонтов – «Демон». Стриндберг – драма? «Путь в Дамаск», «Танец смерти», «Белый лебедь». Шекспир – «Буря». Сервантес – «Дон Кихот». Тургенев – «Песнь торжествующей любви» (Бетховен). Метерлинк – «Чудо св. Антония». Э.А. По – [нрзб.]. Байрон – «Манфред». Проекты (среди прочего). Соловьев – «Антихрист».

¹⁹² *Проф. Шмидт* – неуст. лицо.

95

¹⁹³ *Последние новости* – русскоязычная газета, издаваемая в Париже с 1920 по 1940 г. Являлась самой популярной и влиятельной газетой русской эмиграции.

96

¹⁹⁴ Можно предположить, что профессор Ласенья был участником консилиума.

100

¹⁹⁵ *Нидермиллер* – неуст. лицо.

108

¹⁹⁶ Перед гастролями с русской группой в Брюссель.

109

¹⁹⁷ Комната в квартире Бонер в Париже, где Чехов жил.